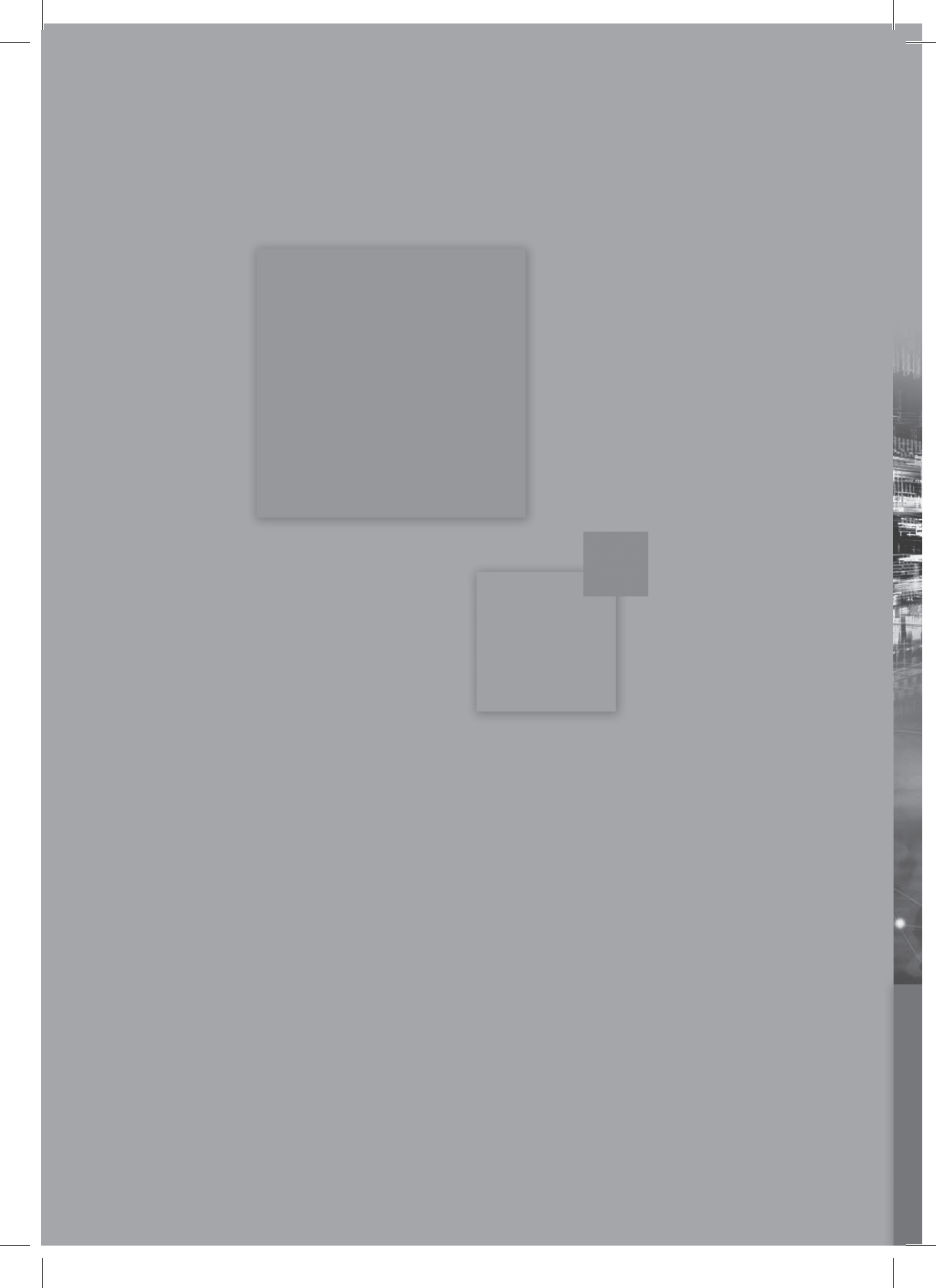
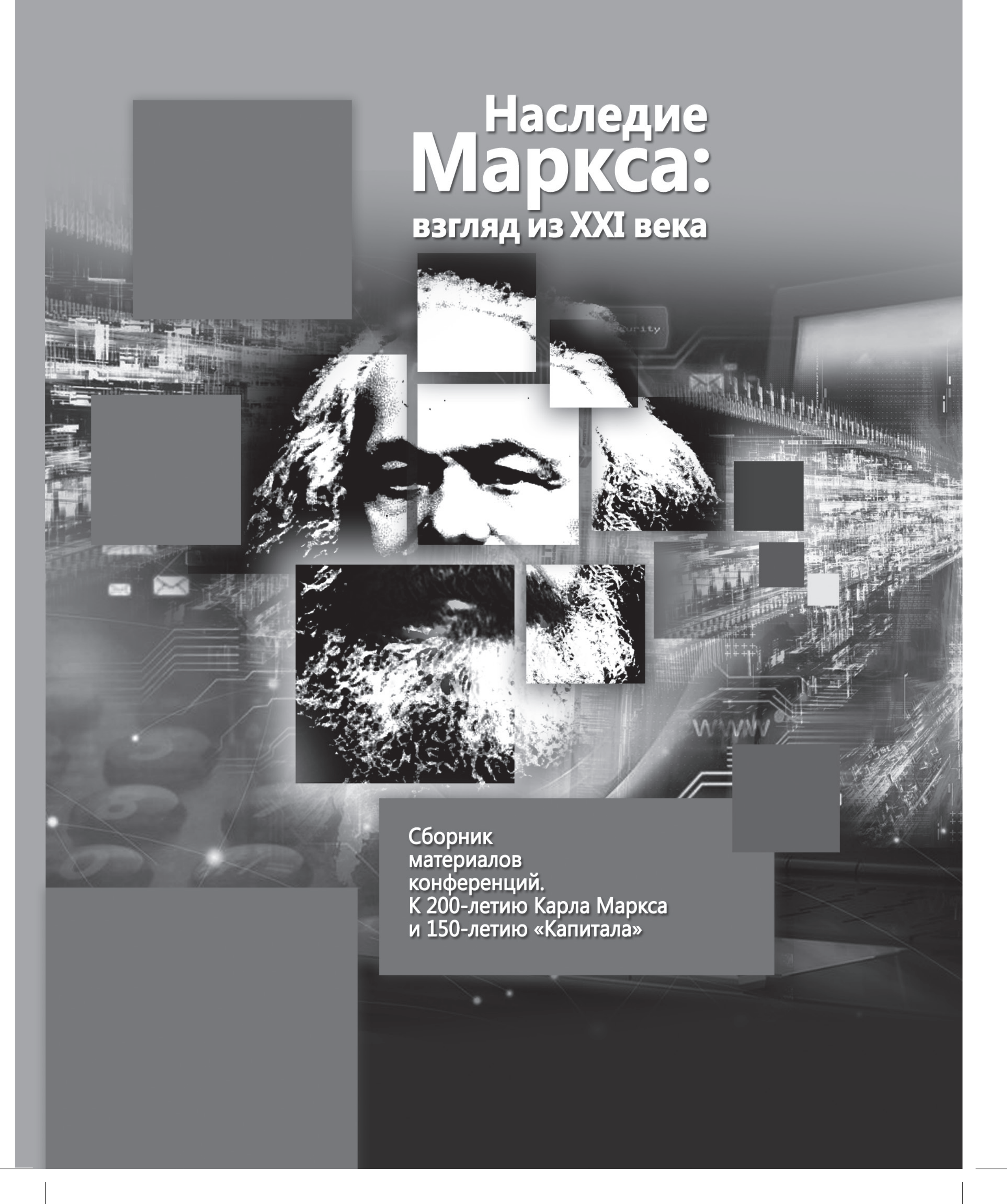

взгляд из XXI века

**Сборник материалов конференций.
К 200-летию Карла Маркса
и 150-летию «Капитала»**

Москва
2019

Наследие
Маркса:
взгляд из XXI века
Сборник
материалов
конференций.
К 200-летию Карла Маркса
и 150-летию «Капитала»

УДК 330.852(430)
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.
Н31

Данное издание осуществлено при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации и распространяется бесплатно.

Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда.

Н31 **Наследие Маркса: взгляд из XXI века. Сборник материалов конференций. К 200-летию Карла Маркса и 150-летию «Капитала»** / научн. ред. Л.Л. Васина, сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов. — М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2019. — 268 с. с ил.

ISBN 978-5-85209-457-5

В сборник включены доклады участников научных чтений «Судьбы "Капитала" в России», которые состоялись 14 сентября 2017 года, и мероприятий 2018 года: круглого стола «На пороге перемен: Карл Маркс, "Манифест Коммунистической партии" и революции 1848 года» и международной научной конференции «Наследие Маркса в XX веке».

Соорганизаторами мероприятий выступили Государственная публичная историческая библиотека России, филиал Фонда Розы Люксембург в РФ, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный социальный университет.

Сборник состоит из пяти частей. В первую часть вошли работы, посвященные главному труду К. Маркса — «Капитал». Вторая часть включает статьи о судьбе «Капитала» в России. Третья часть посвящена влиянию работ К. Маркса на философскую и политическую мысль. В четвертую часть включены рецензии, обзоры и библиография. Пятая часть — приложение «Маркс в киноискусстве».

Издание рассчитано на специалистов в области гуманитарных наук, а также на широкий круг читателей.

УДК 330.852(430)
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.

Рекомендован к печати секцией социально-политической истории Ученого Совета ГПИБ России.

Рецензент: канд. ист. наук А.В. Гусев.

ISBN 978-5-85209-457-5

Содержание

Часть III. Наследие Маркса

Часть IV. Книжная коллекция

Часть V. Маркс в киноискусстве

От составителей

Государственная публичная историческая библиотека России и филиал Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации представляют читателям сборника работы участников мероприятий, посвященных 150-летию «Капитала» и 200-летию Карла Маркса, которые состоялись в 2017–2018 гг. в филиале библиотеки — Центре социально-политической истории.

В фондах Центра социально-политической истории — филиала Государственной публичной исторической библиотеки России — хранится коллекция библиотеки Института К. Маркса и Ф. Энгельса, существовавшего в 1921–1931 гг. Здесь сосредоточены редкие издания «Капитала», его многочисленные переводы, а также уникальные, собираемые десятилетиями коллекции книг и документов по марксизму и связанным с ним вопросам. При всех новых вызовах современности, при новых важных задачах, которые ставятся сегодня перед библиотеками, Историческая библиотека сохраняет здоровый консерватизм и продолжает развивать традицию формирования фондов по марксизму в Центре социально-политической истории — наследнике фондов библиотеки Института марксизма-ленинизма.

Доклады, опубликованные в сборнике, были представлены на научных чтениях «Судьбы ″Капитала″ в России», которые состоялись 14 сентября 2017 г., круглом столе «На пороге перемен: Карл Маркс, ″Манифест Коммунистической партии″ и революции 1848 года» и международной научной конференции «Наследие Маркса в XX веке», они прошли в юбилейном 2018 г. Работа всех без исключения заседаний сопровождалась острыми научными дискуссиями и проходила в творческой атмосфере.

Соорганизаторами мероприятий выступили Государственная публичная историческая библиотека России, филиал Фонда Розы Люксембург в РФ, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный социальный университет.

Сборник состоит из пяти частей. В первую часть вошли работы, посвященные главному труду К. Маркса — «Капиталу». Вторая часть включает статьи о судьбе «Капитала» в России. Третья часть посвящена влиянию работ К. Маркса на философскую и политическую мысль. В четвертую часть включены рецензии, обзоры и библиография. Пятая часть — приложение «Маркс в киноискусстве».

***

Первая часть сборника озаглавлена «Прекрасный русский перевод...». Здесь представлены работы, которые посвящены книге, оказавшей колоссальное влияние не только на развитие экономической науки, истории, социологии и философии, но и ставшей важнейшим источником научного вдохновения для политических и социальных изменений во всем мире.

Несмотря на то, что сам Маркс не очень много писал о России, именно здесь произошла первая социалистическая революция и была предпринята первая попытка построить общество на новых, некапиталистических основаниях. И именно на русский язык был сделан первый перевод «Капитала», высоко оцененный и самим Марксом.

14 сентября 2017 г. исполнилось ровно 150 лет со дня выхода I тома «Капитала». Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России отметил это событие выставкой и научными чтениями «Судьбы "Капитала" в России».

Одним из интереснейших вопросов, обсуждавшихся на чтениях, стала история переводов «Капитала» на русский язык и его влияния на общественно-политическую мысль в России. Именно на русский язык был сделан первый перевод этой книги, а первый тираж русского издания разошелся гораздо быстрее, чем даже первое немецкое издание. Сборник открывает статья Олега Алексеевича Сайкина «Из истории

первого русского перевода и издания ″Капитала″». Автор уделяет особое внимание роли Германа Александровича Лопатина, сделавшего значительную и наиболее трудную часть перевода.

Вторая статья раздела — работа Людмилы Леонидовны Васиной — посвящена истории издания и распространения «Капитала» в России с 1872 г. по 2017 г. и включает ряд новых данных. Автору удалось не только проследить историю публикаций «Капитала» на русском языке, но и произвести анализ существующих переводов, часть из которых оказалась достойной критики. Работа была подготовлена на материалах Центра социально-политической истории.

Следующий тематический блок сборника посвящен истории распространения идей Карла Маркса в России. Раздел открывает статья Рустема Махмутовича Нуреева «″Капитал″ К. Маркса vs ″Развитие капитализма в России″ В. И. Ленина: Единство и различия». Автор делает акцент на разборе работ В.И. Ленина и его роли как популяризатора, но также, по мнению автора, и вульгаризатора марксизма. Отметим, что выступление Р.М. Нуреева вызвало бурные дебаты среди участников чтений.

Работа Нины Олеговны Воскресенской «″Капитал″ Маркса как фактор Русской революции: ″за″ и ″против″» рассказывает о распространении марксистских идей в Российской империи и об их восприятии разными целевыми аудиториями.

Статья Нины Борисовны Хайловой посвящена анализу взаимодействия русских либералов-центристов начала XX в. с идейным наследием К. Маркса, разногласиям и точкам пересечения.

Завершает раздел текст Юрия Олеговича Еремьянова о взглядах на марксизм в научной среде и в публицистике в непростой и переломный для истории страны период — в годы перестройки.

Третий раздел сборника «Наследие Маркса» открывает работа Марии Александровны Артемьевой и Всеволода Николаевича Сергеева «Марксизм и медицина в XX веке: российский/советский опыт». Авторы подчеркивают, что период между Великой российской революцией и «Великим переломом» был

временем расцвета социальной гигиены в России и максимально творческого сочетания идей марксизма и медицины.

Следующий материал представлен Тони Вудом и посвящен философским и политическим взглядам латиноамериканского марксиста Хосе Карлоса Мариатеги (1894–1930).

Статья Оксаны Степановны Березкиной посвящена эволюции схемы «базис-надстройка» в политической мысли XX в. Автор отмечает эволюцию этой схемы в сторону большего внимания к элементам «надстройки» — государству, идеологии, культуре.

В работе Геннадия Павловича Отюцкого «К. Маркс и российские революции XX века» предпринята попытка нового осмысления исторических границ глобального социалистического эксперимента — крупнейшего социального проекта XX в.

Объектом внимания Константина Борисовича Харитонова является современный британский марксизм и оценка левого популизма Джереми Корбина.

Завершает раздел статья Андрея Владимировича Тихомирова «″Невидимый″ марксизм в современном белорусском интеллектуальном пространстве». В статье рассматривается наследие советской версии марксизма в современном белорусском гуманитарном знании.

Четвертый раздел настоящего сборника — «Книжная коллекция». Его открывает рецензия Людмилы Леонидовны Васиной на новое издание первого тома «Капитала» К. Маркса в редакции Томаса Кучинского. Книга была передана в дар Исторической библиотеке в дни работы круглого стола «На пороге перемен».

Продолжает раздел обзор Ирины Юрьевны Новиченко, в котором автор рассказывает о проектах Государственной публичной исторической библиотеки России, которые посвящены важным юбилеям в истории марксизма.

Людмила Леонидовна Васина выступила куратором книжной выставки «″Капиталу″ — 150», проходившей в библиотеке в период с 21 августа по 13 октября 2017 г. На выставке были представлены уникальные издания этого ключевого труда К. Маркса на разных языках мира и народов СССР, различные краткие и облегченные изложения этой книги, в том числе «Капитал» в литографиях и «Капитал» в комиксах, методические

пособия по чтению «Капитала», а также российские и иностранные публикации, посвященные значению труда Маркса для современного общества.

Рассказ о книгах завершает статья библиотекаря ЦСПИ ГПИБ России Константина Борисовича Харитонова, в которой представлен обзор поступлений современной иностранной марксистской литературы в фонды Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки за последние годы.

Пятый раздел сборника — «Маркс в киноискусстве». Здесь мы предлагаем вниманию читателей неопубликованный сценарий документально-игрового фильма с использованием анимации «Карл и Женни: доклад на заданную тему». Сценарий был написан Борисом Исаевичем Беленкиным в 2006 г. для цикла телевизионных передач «Больше, чем любовь». Однако он не был воплощен на экране. Обсуждение сценария с участием историков, философов и студенческой общественности состоялось 11 апреля 2018 г. в рамках круглого стола «На пороге перемен».

Послесловие к сценарию подготовлено Татьяной Тотрадзовной Гиоевой, главным специалистом Российского государственного архива социально-политической истории, сотрудником группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА).

Таким образом, сборник работ «Наследие Маркса» включает в себя разные жанры и охватывает широкий круг актуальных тем: доклады, рецензии, обзоры, библиографию и даже киносценарий, так что составители надеются, что он будет интересен не только марксоведам, но и широкой общественности.

УДК 94(47+57)+330.852(430)
ББК 63.3(2)522+65.02(4Гем)дМаркс К.

Сайкин Олег Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного
гуманитарного университета
Saykin Oleg Alekseevich,
PhD in History, Assistant Professor,
Moscow State University for Humanities

Из истории первого русского перевода и издания «Капитала»

From the history of the Russian translation and publication of «Capital»

Аннотация. В статье рассматривается история первого русского перевода «Капитала» К. Маркса и делается вывод, что основная заслуга перевода I тома «Капитала» на русский язык принадлежит по праву Г.А. Лопатину, сделавшему значительную и наиболее трудную часть его (почти 60% текста книги в русском издании 1872 г. принадлежит ему).

Ключевые слова: «Капитал» Маркса; русский перевод «Капитала» 1872 г.; переводчики «Капитала»; экономическая теория Маркса; терминология «Капитала».

Abstract. The article deals with the history of the first Russian translation of Marx's «Capital». The author concludes that the main credit for the translation of Volume I of «Capital» belonged to G.A. Lopatin. He translated the greatest and the most difficult part of the book (almost 60% of the text in the first Russian edition of 1872).

Key words: Marx's «Capital»; the Russian translation of «Capital» of 1872; translators of «Capital»; Marx's economic theory; the terminology of «Capital».

Полтора века назад — 14 сентября 1867 г. — в Гамбурге вышел в свет главный труд Карла Маркса «Капитал» (том первый). Среди бессмертных творений человеческого духа «Капиталу» принадлежит, несомненно, исключительное место.

Сегодня «Капитал» читают и изучают во многих уголках земного шара. А самым первым переводом его на иностранный язык был русский. Русское издание «Капитала» увидело свет 27 марта (8 апреля) 1872 г., спустя четыре с небольшим года после появления немецкого издания фундаментального труда К. Маркса. Так Россия стала родиной первого перевода «Капитала» на иностранный язык. Это издание крупнейшего сочинения Маркса явилось безусловно выдающимся событием не только научной, но и общественной жизни и сыграло большую роль в дальнейшем развитии революционного процесса, способствовало делу создания пролетарской партии в России. И огромная заслуга в этом принадлежит Г.А. Лопатину, первому переводчику «Капитала» в России, выдающемуся деятелю русского революционного и международного рабочего и социалистического движения.

Остановимся на основных вехах его жизненного пути. Герман Лопатин родился 13 января 1845 г. в Нижнем Новгороде, где его отец служил инспектором в Дворянском институте. Когда Лопатину было пять лет, отец его переводится на службу сначала в Пятигорск, а затем в Ставрополь. Лопатин учился в Ставропольской гимназии, и в 1862 г. он закончил курс с золотой медалью. Тогда же он уезжает в столицу и поступает в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В студенческие годы он много и увлеченно занимается. Постепенно Лопатин сближается с прогрессивными кругами, становится одним из организаторов студенческого выступления в декабре 1865 г. в столичном университете. За это был привлечен по требованию III Отделения к университетскому следствию.

Лопатин принимал деятельное участие в революционном движении, в частности, поддерживал связь с тайной революционной организацией в Москве Н.А. Ишутина. Лопатин хорошо знал одного из руководителей петербургского отделения этой организации — И.А. Худякова, с которым его познакомил товарищ по университету А.М. Никольский. Худяков пытался убедить Лопатина войти в состав организации, которая намечала цареубийство. Но Лопатин отказался, категорически заявив, что он совсем не верит в то, что насильственная смерть го-

сударя, при отсутствии сильной революционной партии, могла бы привести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции.

4 апреля 1866 г. член организации Д. Каракозов стрелял в императора Александра II. Выстрел не достиг цели. Царь отделался испугом, а покушавшийся был схвачен. Начались аресты участников организации Ишутина — студентов, а также лиц, вообще не имевших никакого отношения к покушению Каракозова. Власти обрушили репрессии на литературу, журналы, в особенности на «Современник», «Русское слово», на воскресные и бесплатные школы, на трудовые артели и т. д. Все развитие событий после 4 апреля показало, насколько был прав Лопатин, когда критиковал идею цареубийства.

13 мая 1866 г. был арестован и Лопатин. Оказавшись в одиночке Петропавловской крепости, он держался на следствии стойко и умело. Власти не сумели обнаружить улик против него и во второй половине июля 1866 г. он был освобожден из тюрьмы без всяких для него последствий. После этого Г. Лопатин окончил университет. Затем вскоре подготовил диссертацию «О самопроизвольном зарождении». Малоизученная проблема была им расследована глубоко и научно, искусно была построена полемика с французским ученым-химиком Луи Пастером. Кандидатская диссертация, по словам современников, «обратила на Лопатина внимание ученого мира»[1]. Лопатин блестяще защитил диссертацию, несмотря на разногласия со всеми оппонентами. Д.И. Менделеев предложил ему остаться на кафедре. Но Лопатин, овладевший к тому времени твердыми революционными убеждениями и опытом, отказался от работы в университете. В его жизненные планы совсем не входила служба — в любой форме — господствующему режиму.

Осенью 1867 г., получив известие о походе генерала Дж. Гарибальди на папский Рим, Лопатин в тот же день отправился в путь, чтобы вступить в один из революционных отрядов. Он добрался до Флоренции, но поражение Гарибальди под Ментоной сорвало его планы. После этой неудачи Лопатин поехал в Ниццу и там в ноябре 1867 г. встретился с известным писателем А.И. Герценом, жившим с 1847 г. в эмиграции. Юный революционер и маститый писатель остались довольны

---

1 *Попов И.И.* Герман Александрович Лопатин. М., 1930. С. 13.

знакомством. Они «произвели друг на друга наилучшее впечатление»[2].

Вернувшись в Россию, Лопатин приступил осенью 1867 г. к созданию нелегальной организации — «Рублевого общества». Члены этой организации под видом странствующих учителей должны были вести среди крестьян революционную пропаганду, намечался и выпуск книг для народа. В феврале 1868 г. Лопатин был арестован. Последовало заключение его (вторичное) в Петропавловскую крепость, а затем ссылка в Ставрополь в сентябре того же года. В ссылке он усиленно изучал английский язык, читая в оригинале произведения английского философа Г. Спенсера и др. Но особенно много он работает над изучением социалистической литературы. Позже Лопатин писал об этом так: «…Я — натуралист по образованию — заинтересовался впервые экономикой и социализмом только во время первой моей ссылки, прочитав там Лассаля и Маркса»[3]. В то же время он поддерживает связь с революционерами Москвы, Петербурга, Харькова. Лопатин был в курсе всех дел революционного подполья, вел подготовку побега из ссылки. Но в декабре 1869 г. его арестовали[4]. Это не остановило Лопатина. 6 января 1870 г. он бежал из Ставрополя. Добрался до Петербурга. Оттуда отправился в Вологодскую губернию и освободил из ссылки П.Л. Лаврова, известного революционного деятеля, публициста, философа. Потом переправил его за границу. А вскоре и сам Лопатин оказался за границей[5].

В Париже Лопатин вступает в одну из организаций I Интернационала (секцию или кружок социальных наук). Причем, это была довольно крупная организация. Ежедневно на ее заседаниях бывало не менее 60 рабочих. Среди новых знакомых выделяется Ш. Келлер, член Парижского федерального Совета I Интернационала, один из первых пропагандистов марксизма во Франции. Позже Лопатин, возможно, через Келлера, познакомился с Полем Лафаргом и его женой

---

2 Там же. С. 15.

3 Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Пг., 1922. С. 170.

4 *Сайкин О.А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 11.

5 Там же. С. 12.

Лаурой, дочерью Маркса[6]. Пребывание в Париже Лопатин использует для дальнейшего изучения произведений Маркса, в частности, «Капитала». Возникают вопросы, ответить на которые мог только автор. Интересы дела звали его в Англию. 2 июля 1870 г. Лопатин переступил порог дома на Мейтленд-парк-роуд в Лондоне, где жил Карл Маркс. Здесь и произошла их встреча, положившая начало тесной дружбе между ними. Маркс тепло и радушно встретил 25-летнего русского революционера и был поражен глубокими знаниями, эрудицией собеседника. С большим уважением и симпатией он делится с Ф. Энгельсом в письме от 5 июля 1870 г. тем впечатлением, которое произвел на него Лопатин, отмечая при этом его прекрасные нравственные качества. «Очень ясная, критическая голова, — писал Маркс, — веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем, что имеет»[7].

Встреча с Марксом произвела на Лопатина, в свою очередь, огромное впечатление. Обращение с гостем, пишет он 6 июля 1870 г. Лаврову, «было скорее сердечное, чем любезное»[8]. Лопатин называет Маркса «одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе»[9]. Маркс и Лопатин стали близкими друзьями. И не только в силу личных симпатий. Главное заключалось в том, что молодой русский революционер был идейно близок великому мыслителю[10]. Высоко оценивая ум, образованность и убеждения Г. Лопатина, Маркс привлекает его к работе в Генеральном совете I Интернационала, куда Лопатин был избран в сентябре 1870 г. по рекомендации Маркса[11].

К намерению Лопатина перевести I том «Капитала» на русский язык Маркс отнесся с большим одобрением. Лопатин произвел на Маркса, вспоминал позднее Э. Бернштейн, «са-

---

6 *Сайкин О.А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 12.
7 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 430.
8 Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 130.
9 Там же. С. 45–46.
10 *Сайкин О.А.* Указ. соч. С. 22.
11 Там же. С. 40.

мое лучшее впечатление серьезностью своих стремлений»[12]. Доверие Маркса Лопатин оправдал. Стремясь глубоко постичь взгляды Маркса, он постоянно советовался с ним, обращался к нему за консультациями, добросовестно трудился над первоисточниками, изучая неясные для себя места книги, с тем, чтобы правильно перевести каждую фразу «Капитала». Требовательный к себе, он понимал всю ответственность, которую взял на себя как переводчик. Неутомимый и добросовестный Лопатин с большим старанием и усердием отнесся к переводу. Во многих случаях, ради точности перевода, он долго и тщательно работал в библиотеке Британского музея. Впоследствии об этом времени Лопатин рассказывал А.М. Горькому: «Я первый начал переводить "Капитал" на русский язык. Эта работа была поводом к ежедневным беседам с Марксом. Изложение первой главы показалось мне запутанным и трудным. Я откровенно сказал об этом Марксу. Он согласился со мною и обещал, что первая глава будет переделана. Поэтому я начал перевод прямо со второй главы. Вот хороший пример удивительной терпимости Маркса… Маркс много раз излагал мне свои основные идеи. Он видел, как глубоко они захватывают меня»[13].

Лопатину, как первому переводчику, принадлежит заслуга разработки русской научной экономической терминологии. Так, например, именно Лопатин впервые ввел в русскую экономическую литературу термин «прибавочная стоимость», дал точное разъяснение сущности нормы прибавочной стоимости и т. д. Он же дал и ряд комментариев к наиболее трудным для русского читателя местам «Капитала»[14]. По сути дела Лопатин, как мы отмечали в своей книге, закладывал основы марксистской терминологии на русском языке[15]. Разработанная впервые Лопатиным при непосредственной помощи Маркса, эта терминология была использована Н.Ф. Даниельсоном в переводе последующих томов «Капитала»[16].

---

12 *Бернштейн Э.* Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 2.

13 Литературное наследство. Т. 95. А.М. Горький и русская журналистика конца XX — начала XX века. М., 1988. С. 835.

14 *Сайкин О.А.* Указ. соч. С. 28.

15 Там же.

16 Там же. С. 29.

Непосредственная работа Лопатина над переводом «Капитала» началась, как мы установили, 19 августа и продолжалась вплоть до отъезда в Россию в конце ноября 1870 г.[17] За это время он сделал много, выполнив большую и наиболее трудную часть перевода. Переведя ряд глав книги, о чем речь пойдет ниже, Лопатин, по его словам, «прервал на время свою работу для поездки в Сибирь с целью освобождения Чернышевского»[18].

С отъездом Лопатина, а затем и его арестом в Иркутске, работа над переводом «Капитала» не остановилась. Уезжая в Сибирь, Лопатин оставил оригинал и материалы сделанного им перевода (четыре главы) своему другу и товарищу, экономисту и литератору Н.Ф. Даниельсону, просил его завершить перевод. Даниельсон после ареста Лопатина взялся закончить перевод «Капитала», по словам Лопатина, «тщательно придерживаясь повсюду установленной мной терминологии»[19].

В конце октября 1871 г. был закончен перевод первого тома «Капитала». Рукопись перевода была передана издателю — демократу Н.П. Полякову. Печатание I тома было закончено весной 1872 г. 28 марта (8 апреля) 1872 г. в Петербурге, все-таки преодолев цензуру, «Капитал» вышел в свет. Даниельсон еще в марте 1872 г. послал один экземпляр русского издания «Капитала» Марксу. Маркс в ответном письме поблагодарил за книгу и отметил: «Перевод сделан мастерски»[20].

Выход в свет «Капитала» на русском языке стал выдающимся событием в общественной жизни страны. В России, в отличие от Запада, где труд Маркса замалчивался, появление «Капитала» вызвало многочисленные отклики, которые свидетельствовали об огромном интересе к нему со стороны прогрессивных сил общества. Маркс с удовлетворением отмечал, что в России «Капитал» получил очень высокую оценку в передовой печати[21]. Причем русский перевод «Капитала» опередил на три года французский и на 15 лет — английский переводы книги К. Маркса. «Капитал», по словам В.И. Ленина, «главное и ос-

---

17 Сайкин О.А. Указ. соч. С. 26.
18 Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 53.
19 Там же.
20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 402.
21 Там же. С. 395.

новное сочинение, излагающее научный социализм»[22], довольно скоро завоевал популярность среди широких кругов передовой русской интеллигенции и молодежи, стал настольной книгой для многих поколений русских революционеров.

Правда, русские читатели великого труда Маркса долго не знали о том, кто же сделал перевод. Ведь в русском издании «Капитала» 1872 г. было лишь указано «Перевод с немецкого», а имя переводчика отсутствовало. Только значительно позже, в 1908 г., в журнале «Минувшие годы» появилась анонимная статья, где впервые в русской печати сообщалось о работе Г.А. Лопатина — переводчика «Капитала»[23]. Эта статья была предпослана публикации в этом журнале писем К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю—ону, переведенным Лопатиным. Кто же был ее автором? В сообщении от редакции журнала говорилось: «Предшествующая объяснительная заметка писана, по нашей просьбе Николаем—оном, к которому были адресованы эти письма, а перевод самих писем сделан Г.А. Лопатиным»[24]. А Николай—он — это псевдоним Н.Ф. Даниельсона, известного русского экономиста и публициста. В «Объяснительной заметке» он излагает воспоминания о Лопатине как переводчике. Хотя это и дружеские воспоминания, но относиться к ним следует с осторожностью, т. к. они были написаны много десятилетий спустя после описываемого события (перевода Лопатина, сделанного в 1870 г.) В частности, особенно внимательным надо быть к тому, что Даниельсон пишет о сделанном Лопатиным переводе, который перевел, по его словам, «треть первого тома»[25]. Причем он не назвал главы, составлявшие эту «треть». Ничего не сказал Даниельсон и о своей работе по переводу I тома, ее результате. За давностью лет и дел он, вероятно, забыл о важных деталях в истории первого русского перевода «Капитала». Отсюда — какая-то неясность в освещении работы переводчика — как Лопатина, так и самого Даниельсона. Такая же неопределенность есть и в предисловии ко второму русскому изданию I тома «Капитала», подготовленного Даниельсоном в

---

22 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 187.
23 Минувшие годы. 1908. № 1. С. 38–46.
24 Там же. С. 47.
25 Там же. С. 39.

1898 г.[26] На это обратил внимание А.И. Малеин в своей статье, где писал: «В общем, работа Лопатина и Даниельсона трудно отделимы друг от друга, так как неизвестно, где остановился один и где его сменил другой. Поэтому… к Даниельсону отнесено то, что могло принадлежать Лопатину»[27].

И все-таки в этой связи необходимо выяснить, что же конкретно успел перевести Лопатин до отъезда в Сибирь, а также важно здесь определить место и роль каждого из переводчиков I тома. Наиболее правильный и объективный, по нашему убеждению, ответ на этот вопрос дан в письме Ф. Энгельса К. Марксу от 29 ноября 1873 г.[28] Оно написано вскоре после встречи Энгельса с Лопатиным, приехавшим накануне в Лондон. Как видно из письма, Лопатин рассказал о поездке в Сибирь для освобождения Н.Г. Чернышевского, о своем аресте в Иркутске, дерзком побеге из зала суда, о том, как скрывался у друзей в Иркутске и в Петербурге. Лопатин остановился также на обстановке в лагере русских эмигрантов, с которой он познакомился, оказавшись снова за границей. Лопатин наверняка рассказывал Энгельсу, что следует из письма, и о своей работе над переводом «Капитала», о главах, переведенных им до своего отъезда в конце ноября 1870 г. Кстати, ни Маркс, ни Энгельс ничего не знали о роли каждого переводчика в этом деле. И поэтому не случайно Энгельс, видимо, на другой день после этой встречи поспешил сообщить Марксу о приезде Лопатина, о работе его как переводчика I тома. Энгельс, в соответствии с полученными сведениями, указывает, что Лопатин перевел 2, 3, 4, 5-ю главы книги Маркса. «В переводе «Капитала», — отмечал Энгельс в письме, — главы 2–5 (включая «Машины и крупная промышленность») принадлежат ему, следовательно, значительная часть»[29]. Следует особо выделить слова «принадлежат ему». Они выражают твердую уверенность Энгельса в изложенной позиции. Это — очень

---

26 *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. 2-е, исправ. и доп. изд. СПб.: 1898. С. XV.

27 *Малеин А.И.* Первый русский перевод «Капитала» // Памяти Карла Маркса. Сб. статей к 50-летию со дня смерти 1883–1933. М.: Из-во АН СССР, 1933. С. 661, подстрочное примечание 5.

28 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 80–81.

29 Там же. С. 81.

важное свидетельство Энгельса, сделанное сразу после беседы с Лопатиным. В его точности не приходится сомневаться. Оно было сделано со слов Лопатина, отметим это, в конце ноября 1873 г., т. е. спустя лишь 3 года после того, как Лопатин выполнил перевод части I тома. В этом отношении сообщения Лопатина объективны и правдивы в освещении его роли в переводе, в отличие от воспоминаний Даниельсона, опубликованных спустя почти 40 лет после того, как он получил от Лопатина рукопись его перевода в конце 1870 г. В общем, из письма Энгельса следует, что именно Лопатин проделал большую и наиболее трудную работу по переводу I тома «Капитала» на русский язык. Из шести глав первого немецкого издания первого тома, вышедшего в Гамбурге в 1867 г., им были переведены четыре главы (2, 3, 4, 5-я). Это были, по словам видного деятеля германской социал-демократии Ф. Меринга, «важнейшие главы»[30]. Необходимо назвать их: вторая глава — «Превращение денег в капитал», третья — «Производство абсолютной прибавочной стоимости», четвертая — «Производство относительной прибавочной стоимости», пятая глава — «Дальнейшие исследования о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости». Переведенные Лопатиным эти четыре главы составляют, несомненно большую, значительную часть книги. Из этого следует, что именно Лопатин, как первый переводчик, выполнил основную работу по переводу «Капитала» на русский язык.

Однако до сих пор никто из исследователей истории первого перевода и издания «Капитала» в России, знакомых с приведенным выше письмом Энгельса, не указали конкретно объема работы Лопатина по переводу четырех глав. Правда, такие попытки делались. Так, А.В. Уроева отмечала в своей книге, вышедшей первым изданием в 1967 г.: «Лопатин перевел 500 из 784 страниц I тома, т. е. около 2/3 текста книги»[31]. Почему именно 500 страниц, совсем не ясно. Никаких аргументов не приводится. Во втором издании книги Уроева писала: «Лопатин успел перевести главы 2–5… следовательно, значитель-

[30] *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С. 409.
[31] *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. М., 1967. С. 86.

ную часть. Если выразить в цифрах, то получится, что Лопатин перевел около 250 страниц из 784 страниц I тома, т. е. около 1/3 текста книги»[32]. Это утверждение неправильно[33]. Автор противоречит себе. С одной стороны, она говорит о том, что Лопатин перевел 2–5-ю главы, т. е. значительную часть, а с другой, что он перевел 250 страниц, или около 1/3 книги. И возникает вопрос, как могут упомянутые ею четыре главы составлять лишь около 1/3 книги, в которой было шесть глав.

Ц.И. Грин считала, что «Лопатин успел… перевести примерно 1/3 книги. (″Превращение денег в капитал″, ″Производство абсолютной прибавочной стоимости″ и частично ″Производство относительной прибавочной стоимости″)»[34]. Доля первого переводчика ограничена 2, 3 и частично 4-й главами. Доводов в подтверждение этого у Грин нет. А.П. Толстяков определил перевод Лопатина как «примерно треть тома»[35].

Предположения исследователей о том, что Лопатин сумел перевести 250 страниц, или около третьей части «Капитала» ошибочно. Ведь, выделяя особо роль Лопатина как переводчика «Капитала», Ф. Энгельс в письме Марксу от 29 ноября 1873 г. сделал вывод о том, что Лопатину принадлежит значительная часть перевода книги (главы 2–5). Но никто из исследователей, как отмечалось выше, знакомых с указанным письмом, не рассчитал объем работы Лопатина по переводу I тома, а отсюда они не могли определить и сделанной работы других переводчиков.

Важно было выяснить этот вопрос, сделать необходимые уточнения в истории первого русского перевода «Капитала». Ознакомившись в Музее книги Российской государственной библиотеки (бывш. им. В.И. Ленина) с содержанием русского издания «Капитала» 1872 г., мы пришли к выводу, что 2, 3, 4 и 5-я главы, переведенные Лопатиным, по нашему подсчету, составили в цифровом выражении 402 страницы текста из 678 страниц первого русского издания I тома, или в процентном вы-

---

32 *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. 2-е изд. М., 1972. С. 108.

33 В немецком издании «Капитала», на которое ссылается Уроева, главы 2–5 составили 444 страницы, а не 250 стр.

34 *Грин Ц.И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985. С. 72.

35 *Толстяков А.П.* Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984. С. 157.

ражении 59,3% текста книги, что значительно больше половины книги. На долю Н.Ф. Даниельсона, завершившего перевод I тома, приходится перевод 6-й главы «Процесс накопления капитала» (объем ее — 171 страница). Он же редактировал, подготовил перевод к изданию, передал его издателю Н.П. Полякову. А первую главу «Товар и деньги» и приложение «Форма стоимости» перевел близкий товарищ Лопатина Н.Н. Любавин (103 страницы из 678 страниц). Отсюда следует, что Даниельсон и Любавин сделали меньшую часть перевода I тома. Таким образом, основную роль в переводе I тома «Капитала» сыграл Г.А. Лопатин, сделавший большую и наиболее сложную часть перевода. Как первый переводчик он разработал методику и терминологию перевода.

Библиографический список:

1. *Бернштейн Э.* Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. СПб. 1908. № 11. С. 1–24.
2. *Герман Александрович Лопатин (1845–1918).* Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Пг., 1922.
3. *Грин Ц.И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985.
4. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1.
5. Литературное наследство. Т. 95. А.М. Горький и русская журналистика конца XX — начала XX века. М., 1988.
6. *Малеин А.И.* Первый русский перевод «Капитала» // Памяти Карла Маркса. Сб. статей к 50-летию со дня смерти 1883–1933. М.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 659–673.
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1872.
8. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Изд. 2-е, исправ. и доп. по четвертому нем. изд. СПб., 1898.

9. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Изд. 3-е, исправ. и доп. по четвертому нем. изд. СПб., 1898.
10. *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 5 июля 1870 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 429–432.
11. *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.
12. Объяснительная заметка // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 38–47.
13. *Попов И.И.* Герман Александрович Лопатин. М., 1930.
14. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 45–46, 130.
15. *Сайкин О.А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983.
16. *Толстяков А.П.* Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984.
17. *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. М., 1967.
18. *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. 2-е изд. М., 1972.
19. *Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу, 29 ноября 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 80–82.

УДК 141.82+026(47+57):94
ББК 87.3(0)–592+78.34(2Рос)

Васина Людмила Леонидовна,
кандидат экономических наук, главный специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории,
руководитель группы по подготовке
международного Полного собрания сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА).
Vasina Lyudmila Leonidovna,
PhD in Economics, chief specialist of the Russian State Archive
of the Socio-Political History, head of the Moscow team of the
international project «Complete works by Karl Marx and Frederick
Engels in the original languages (Marx-Engels-Gesamtausgabe –
MEGA)».

«Капитал» К. Маркса в России в исторической ретроспективе (1867–2017).

(По фондам Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России)

«Capital» of K. Marx in Russia in a historical retrosperspective (1867–2017). (On the base of the funds of the Center of Social and Political History of the State Historical Public Library of Russia)

Аннотация. В статье рассматривается история издания и распространения «Капитала» К. Маркса, в первую очередь первого тома, в России за период с 1872 по 2017 г. Сообщаются новые данные относительно участия в переводе «Капитала» на русский язык М.А. Бакунина. Впервые в литературе о «Капитале» Васина выдвигает гипотезу о существовании особого подарочного экземпляра русского перевода первого тома, посланного Марксу издателем Н.П. Поляковым, и обосновывает это предположение новейшими данными.

Ключевые слова: «Капитал» Маркса; переводы «Капитала» в России и в СССР; дискуссии вокруг «Капитала» в России; подарочный «веленевый» экземпляр издания Н.П. Полякова.

Abstract. In the article is considered the history of the publication and dissemination of Marx's «Capital», mainly of Volume I, in Russia in a period from 1872 till 2017. The author gives new details about the participation of M.A. Bakunin in

the translation of «Capital» into Russian. For the first time in the literature on «Capital» Vasina frames a hypothesis about the existence of the special gift-copy of the Russian translation of Volume I of «Capital», presented to Marx by the publisher N.P. Polyakov, and substantiates this supposition by the latest data.

Key words: «Capital» by Marx; translations of «Capital» in Russia and in the USSR; discussions on «Capital» in Russia; «vellum-paper» gift-copy of the N.P. Polyakov's edition.

Центр социально-политической истории ГПИБ России располагает самой полной в России и в мире коллекцией изданий «Капитала» Маркса на русском языке, на языках народов бывших республик СССР и на многих иностранных языках, а также оригинальных источников, использованных Марксом в «Капитале», литературы по «Капиталу» и о «Капитале», которая собиралась со времени создания Института К. Маркса и Ф. Энгельса в 1921 г. Это богатейшее собрание источников и литературы на протяжении десятилетий обеспечивало качественное издание «Капитала» не только на русском, но и на других языках народов СССР и мира.

14 сентября 1867 г. в «Бюллетене немецкой книготорговли» («Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel»), издаваемом в Лейпциге, был анонсирован вышедший в Гамбурге в издательстве Отто Мейснера тиражом в 1000 экземпляров первый том «Капитала» К. Маркса. Книга печаталась в Лейпциге в типографии Отто Виганда, начиная с мая 1867 г. Учитывая время между завершением печатания книги и публикацией первого сообщения о ней, предполагается, что книга была напечатана около 9 сентября 1867 г.,[1] однако в историю вошла дата 14 сентября 1867 г. как время выхода в свет первого тома «Капитала». Книга объемом в 784 стр. была издана в простом бумажном переплете и продавалась в Германии по цене 3 талера 10 зильбергрошей, или 3 1/3 талера.

Маркс посвятил свою книгу Вильгельму Вольфу (1809–1864), одному из самых верных своих друзей и соратников,

---

1 Bönig, J. Karl Marx in Hamburg. Der Produktionsprozess des „Kapital". Hamburg, 2017. S. 122.

участнику революции 1848–1849 гг., разделившему вместе с Марксом и Энгельсом нелегкую судьбу политического эмигранта[2].

Стремясь обеспечить распространение книги, издатель Отто Мейснер в августе 1867 г. разослал по издательствам газет и журналов 4-страничный оттиск с выдержкой из предисловия к первому изданию, где Маркс говорит о предмете и методе своего исследования[3]. Объявления о выходе «Капитала» опубликовали более десятка газет и журналов в Германии, Англии, Франции и Бельгии. Однако первое объявление о предстоящем выходе труда Маркса напечатал еще в апреле 1867 г. друг и единомышленник Маркса И.Ф. Беккер в издававшемся им в Женеве журнале «Der Vorbote» («Предвестник»).

Если иметь в виду выход первого тома, то работа Маркса над «Капиталом» заняла более 20 лет. Однако если принять во внимание последующую работу Маркса по совершенствованию текста первого тома, участию в переводе книги на французский язык и создание второй и третьей книг «Капитала», оставшихся незавершенными в рукописях, то в общей сложности работе над своим главным экономическим трудом Маркс отдал 40 лет из почти 65 лет жизни. «Капитал» оказал столь значительное влияние на развитие истории человечества, что в 2013 г. решением ЮНЕСКО первый том «Капитала», наряду с работой Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», был включен в список печатных изданий всемирного значения.

Первое издание первого тома, экземпляр которого имеется в отделе редкой книги Центра социально-политической истории ГПИБ, сегодня является большой библиографической редкостью. Личный экземпляр первого издания с корректурами и пометками Маркса хранится в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Некоторые из экземпляров первого издания с дарственными надписями Маркса наиболее близким друзьям и соратникам находятся сегодня в Российском государственном архиве социально-политической истории

2 Подробнее о Вольфе см.: Энгельс Ф. Вильгельм Вольф // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 55–97; Смирнова В.А. Вильгельм Вольф – человек, которому Маркс посвятил «Капитал». М.,1963.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 5–11.

(РГАСПИ). Число авторских экземпляров, согласно договору с издателем, составляло всего 10 экземпляров[4], однако на самом деле количество посланных разным лицам экземпляров было значительно больше. Издатель Мейснер, по согласованию с автором, адресно рассылал книгу, в том числе известным ученым и политическим деятелям того времени, на рецензии которых Маркс очень рассчитывал.

В течение осени 1867 г. были опубликованы в Германии, при содействии В. Либкнехта, несколько рецензий, написанных Энгельсом, но опубликованных анонимно. Небольшие заметки о книге Маркса напечатали поэт и дальний родственник Энгельса Карл Зибель (1836–1868) и друг Маркса ганноверский врач Луи Кугельман (1830–1902)[5]. Кугельман развернул особенно большую активность по организации рецензий в Германии и информировал Маркса о своих усилиях и всех публикациях. В конце декабря 1867 г. он переслал Марксу рецензию приват-доцента Евгения Дюринга (1833–1921), опубликованную в «Ergänzungsblätter zur Kenntniß der Gegenwart», которая была первой заметкой о книге, написанной экономистом[6]. Оценивая рецензию Дюринга весьма нелестно по существу[7], Маркс, тем не менее, писал: «Я должен быть благодарен этому человеку за то, что он первый из специалистов вообще заговорил о моей книге»[8].

---

4 Сам договор между Марксом и Мейснером не сохранился, его содержание известно по датируемому примерно 8 февраля 1865 г. проекту договора, который Мейснер послал Марксу через посредника – Вильгельма Штрона. См.: Штрон В. – Марксу, 9 февраля 1865 г. // MEGA² Bd. III/13. S. 221 и 912–913. Окончательный текст договора издатель Мейснер после учета замечаний Маркса выслал ему 21 марта 1865 г. Этот текст не сохранился.

5 Из девяти рецензий, написанных Энгельсом для немецкой и английской прессы, удалось опубликовать анонимно в немецких газетах только семь. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 211–248. Наиболее полную публикацию всех известных на сегодняшний день рецензий содержит том I/21 издания МЭГА. (MEGA² Bd. I/21. S. 3–14, 38–74 и 931–932). Рецензия Кугельмана, опубликованная, по его словам, 10 ноября 1867 г. в гамбургской газете «Deutsche Nachrichten», до сих пор не обнаружена.

6 В РГАСПИ хранится экземпляр рецензии Дюринга из личной библиотеки Маркса (см.: MEGA² Bd. IV/32. Nr. 341).

7 См.: Маркс К. – Ф. Энгельсу, 8 января 1868 г. и Маркс К. – Л. Кугельману, 6 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 7, 8–9, 447–448.

8 Там же. С. 448.

Первый русский перевод «Капитала»

Наибольший интерес с момента своего появления «Капитал» вызвал в России. Книга привлекла в первую очередь внимание тех, кто владел немецким языком и мог прочитать «Капитал» в подлиннике. Интерес к труду Маркса был связан с проблемами социально-экономического развития России в конце 1860-х — начале 1870-х гг., где после отмены в 1861 г. крепостного права и реформ начала 1860-х гг. ускорилось развитие капитализма.

Русский перевод I тома «Капитала», вышедший в Петербурге в издательстве Николая Петровича Полякова (1843–1905) 27 марта (8 апреля) 1872 г., тиражом 3 000 экземпляров, был первым переводом «Капитала» на иностранный язык.

Перевод был сделан выпускниками физико-математического и химического факультетов Петербургского университета Германом Александровичем Лопатиным (1845–1918) и Николаем Николаевичем Любавиным (1845–1918), а также их другом Николаем Францевичем Даниельсоном (1844–1918), являвшимся инициатором и организатором перевода, а впоследствии – посредником между переводчиками и издателем. Все трое были членами так называемого «Рублевого общества», основанного в 1867 — начале 1868 г. Лопатиным и идейно близкими ему молодыми людьми. Цель общества заключалась в просвещении народа, в том числе путем издания и распространения книг социально-экономического содержания. О Марксе члены общества узнали из работ Фердинанда Лассаля (1825–1864) и выписали из Германии сначала работу Маркса «К критике политической экономии» (1859), а потом первый том «Капитала». Когда 4 августа 1868 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление издателя Полякова о предстоящем выпуске «Капитала» Маркса, будущим переводчикам было всего 23–24 года. Арест членов «Рублевого общества» и последующая высылка Лопатина в Ставрополь не позволили тогда же приступить к переводу.

Исследование истории первого русского издания «Капитала» стало отдельным научным направлением[9]. Поэто-

[9] Помимо свидетельств самих Даниельсона и Лопатина наиболее важными по данной теме стали работы А.И. Малеина, А.Л. Реуэля, Н.П. Каратаева, А.В. Уроевой, О.А. Сайкина, Ц.И. Грин и др. Подробно

му, не останавливаясь на деталях, хотелось бы обратить внимание на новые моменты этой истории, о которых до сих не сообщалось в литературе.

Известно, что первую попытку перевода труда Маркса на русский язык предпринял для издания Полякова при посредничестве Любавина и Даниельсона М.А. Бакунин (1814–1876), проживавший с 1862 г. в Швейцарии. Письмо Любавина Марксу от 8 (20) августа 1872 г. является главным источником информации об этой истории[10]. В конце сентября 1868 г. Н.Н. Любавин выехал в Германию для продолжения своего образования. С собой он вез первое письмо Даниельсона Марксу с сообщением о намерении Полякова «предпринять перевод» «Капитала» на русский язык. Письмо для надежности было отправлено Любавиным Марксу сразу же по приезде в Берлин 2 октября 1868 г. В течение полутора лет Любавин занимался в лабораториях ведущих немецких химиков А.В.Г. Кольбе, А. Байера, Р.В. Бунзена и Ф. Гоппе-Зейлера и тогда же вступил в I Интернационал. Идея поручить перевод «Капитала» Бакунину возникла летом 1869 г., когда Любавин встретился в Берлине со своим другом М. Негрескулом (ок. 1843–1871), возвращавшимся в Россию, и узнал, что Бакунин буквально умирает с голода. Любавин попросил Даниельсона, долгое время безуспешно занимавшегося поиском переводчика, договориться с Поляковым о том, чтобы поручить Бакунину перевод «Капитала». Бакунину был предложен гонорар в сумме 1 200 руб., на что он сразу же согласился, попросив выплатить ему деньги вперед. От имени издателя в начале октября 1869 г. Даниельсон переслал Бакунину через Любавина аванс в 300 рублей, составлявший четверть гонорара.

Перевод, по словам самого Бакунина, оказался для него гораздо труднее, чем он предполагал[11]. До конца декабря 1869 г. он переслал Любавину около двух печатных листов перевода первой главы книги и прервал работу[12]. Перевод Бакунина

историю первого издания первого тома «Капитала» и его первых переводов на иностранные языки исследовала А.В. Уроева. См.: Уроева А.В. Книга, живущая в веках. 2-е доп. изд. М., 1972.

10 См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 257–260.

11 Там же. С. 259.

12 Формальным поводом послужил приезд к Бакунину около 20 января 1870 г. Сергея Нечаева (1847–1882), который убедил Бакунина отказаться

оказался, по оценке Даниельсона, столь «плох», что воспользоваться им «так и не пришлось»[13]. Помимо содержательных теоретических разногласий с Марксом, которые могли повлиять на работу, неудаче, как представляется, способствовало роковое стечение обстоятельств, в том числе личного характера, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

Судьба рукописи перевода Бакунина считалась неизвестной. Однако в 1975 г. библиографом библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М.Д. Дворкиной (1927–2014) была атрибутирована и опубликована как принадлежащая Полякову записная книжка, приобретенная Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса через букинистический магазин в Ленинграде еще в 1925 г. Она содержала списки наиболее ценных изданий, вышедших в издательстве Полякова или подготовлявшихся им к печати, но так и не увидевших свет. Среди них в разделе «III. Рукописи» имеется запись: «57. Бакунин. Начало перевода соч[инения] К. Маркса ″Капитал″»[14]. Автограф рукописи Бакунина, по-видимому, находился у издателя Полякова, по крайней мере, до его смерти в 1905 г. К сожалению, дальнейшая судьба рукописи неизвестна, вероятно, она была безвозвратно утрачена.

В дальнейшем свои услуги по переводу «Капитала» предлагал сторонник Бакунина Н.И. Жуковский (1833–1895), также проживавший в Швейцарии. Однако Даниельсон, не желая больше иметь дело с людьми из окружения Бакунина, решил обратиться к Лопатину, бежавшему в конце 1869 г. из ссылки и нелегально перебравшегося за границу в Париж, а в конце июня 1870 г. приехавшего в Лондон. «Он еще ничем не заявлял себя в то время как переводчик, — вспоминал Даниельсон, — но выбор остановился на нем как на человеке, очень строго относящемся к работе, которую ему приходилось брать

от продолжения работы над переводом и посвятить себя полностью революционной пропаганде ввиду близкой революции в России, которую Нечаев ожидал весной 1870 г.

13 [Даниельсон Н.Ф.] Объяснительная заметка [к публикации:] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю–ону // Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе. С.-Петербург. 1908. № 1. С. 38.

14 Каталог личной библиотеки Н.П. Полякова / Публикация М.Д. Дворкиной // Книга. Сб. XXXI. М.: «Книга», 1975. С. 127, 136.

на себя. А он с своей стороны взялся за перевод, рассчитывая в трудных случаях на помощь Маркса, с которым он познакомился, и с которым у него установились вскоре очень близкие и сердечные отношения»[15].

Начав работу над переводом «Капитала» примерно 19 августа 1870 г., Лопатин к концу ноября того же года перевел, по-видимому, вторую, третью и, вероятно, четвертую главы, включая последний параграф этой главы в первом издании «Машины и крупная промышленность». Сам Лопатин много лет спустя определял объем проделанной им работы как «около трети книги»[16]. Говоря так, отмечала биограф Даниельсона Ц.И. Грин, «Лопатин подразумевал, что без помощи Даниельсона… перевод не превратился бы в рукопись, готовую к печати»[17]. Эти данные находятся как будто бы в противоречии со словами Энгельса, который в письме Марксу от 29 ноября 1873 г., опираясь, по-видимому, на информацию самого Лопатина, пишет, что «в переводе ″Капитала″ главы 2–5 (включая ″Машины и крупная промышленность″)», т. е. «значительная часть», принадлежат Лопатину[18]. Однако фраза в письме Энгельса построена так, что параграф «Машины и крупная промышленность» выглядит как завершающий в переводе Лопатина. Глава 5 первого издания была посвящена теоретическому рассмотрению факторов, влияющих на производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Успел ли Лопатин за три месяца перевести и эту теоретическую главу объемом в 46 страниц остается, на наш взгляд, не вполне ясным. Таким образом, вопрос об объеме проделанной Лопатиным работы по переводу продолжает быть предметом дискуссий[19].

---

15 [Даниельсон Н.Ф.] Объяснительная заметка… С. 39.

16 Лопатин Г.А. Каждому свое // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 2. М., 1988. С. 17. См. также: Лопатин Г.А. — Ф.Д. Батюшкову, 13 сентября 1913 // «Забытым быть не может». Библиотека «Известий». М., 1963. С. 23. См. также: Уроева А.В. Книга, живущая в веках. М., 1967. С. 86; 2-е изд. М., 1972. С. 108.

17 Грин Ц.И. Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985. С. 75.

18 Маркс К. — Ф. Энгельсу, 29 ноября 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 81.

19 См. статью О.А. Сайкина в данном сборнике.

Лопатин был вынужден прервать работу над переводом. Получив сигнал из России, он срочно выехал на родину для организации побега из сибирской ссылки Н.Г. Чернышевского, сумел добраться до Иркутска, где был арестован. Рукопись своего перевода Лопатин предусмотрительно оставил у Даниельсона в Петербурге, заручившись подтверждением Полякова непременно издать «Капитал».

Именно Лопатин заложил основы для дальнейшей работы над переводом, предложив на русском языке соответствующие научные понятия и термины, которыми в дальнейшем смогли воспользоваться Даниельсон и Любавин, завершившие перевод первого тома на русский язык. Введенная первыми переводчиками, прежде всего Лопатиным, терминология в значительной степени сохраняется в российской экономической науке до сих пор. При переводе немецкого ″Wert″ (value) и связанных с этим словом терминов переводчики «Капитала» использовали термины «стоимость», «меновая стоимость», «потребительная стоимость» и «прибавочная стоимость».

В своем анонимном предисловии к читателям русского издания[20] Даниельсон обращал внимание на сложности, которые пришлось преодолеть переводчикам в передаче на русском языке терминологии автора, а также на особенности русского издания. Русское издание имело предложенную Лопатиным систему примечаний, включавших переводы на русский язык элементов подстрочных примечаний, сделанных в немецком оригинале на итальянском, греческом, латинском языках, пояснения непонятных русскому читателю идиом и фразеологизмов, фактические и библиографические справки. Но особенно важной особенностью русского издания был тот факт, что в нем непосредственно в текст были внесены все добавления к подстрочным примечаниям, которые возникли у Маркса в процессе работы над корректурами первого тома и были опубликованы в конце первого немецкого издания[21]. Часть из них была учтена в последующих изданиях «Капитала», но от не-

[20] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. С.-Петербург, 1872. С. VII–VIII.

[21] Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Buch 1 // MEGA[2] II/5. S. 620–625.

которых добавлений Маркс впоследствии отказался. К числу последних относилось критическое замечание Маркса в адрес А.И. Герцена и проповедуемого им так называемого «″русского″ коммунизма»[22].

В предисловии Даниельсон также дал информацию о главных произведениях Маркса, использовав при этом данные, присланные Марксом, по просьбе Даниельсона, вместе с его фотографией[23]. Используя ее, Даниельсон намеревался напечатать портрет Маркса, однако это было запрещено цензурой.

К концу 1871 г. рукопись книги была готова к печати, но лишь в середине марта 1872 г. Даниельсон известил Маркса, что печатание русского перевода «Капитала» завершено. «Я рассчитывал закончить эту работу к концу декабря, — писал он Марксу, — и не моя вина, если она затянулась дольше»[24]. Задержка была связана с прохождением издания через цензуру, которое заняло почти четыре месяца. Однако цензура настояла лишь на исключении из книги портрета Маркса из опасения, что это может быть воспринято как «выражение особого уважения к его личности». Не иначе как курьез звучит сегодня оценка книги одним из цензоров Д. Скуратовым, прочитавшим первую половину книги. В докладе в Петербургский цензурный комитет он написал: «Как ни сильны, как ни резки отзывы Маркса об отношениях капиталистов к работникам… они… тонут в огромной массе отвлеченной, частью темной, политико-экономической аргументации, составляющей содержание этой книги. *Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут*»[25].

В отличие от Германии, где 1000 экземпляров немецкого издания первого тома разошлись только к концу 1871 г., в России спустя всего полтора месяца после выхода книги — к середине мая 1872 г. — было продано 900 экземпляров,

---

22 Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Buch 1 // MEGA² II/5. S. 625.

23 Маркс К. — Н.Ф. Даниельсону, 7 октября 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 469–471.

24 Даниельсон Н.Ф. — К. Марксу, 15 (27) марта 1872 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 233–234.

25 Карл Маркс и царская цензура // Красный архив. Исторический журнал. 1933. Т. 1 (56). С. 7.

т. е. 1/3 тиража[26]. Маркс с полным основанием писал издателю французского перевода «Капитала» Морису Лашатру, что «в России моя книга имела необычайный успех»[27].

«Когда готовый экземпляр "Капитала" на русском языке дошел до него из Петербурга, — вспоминал друг Маркса немецкий рабочий Ф. Лесснер, — то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество»[28]. Маркс, изучавший с 1869 г. русский язык, написал, что перевод сделан «*мастерски»,* при этом специально отметил «прекрасно переплетенный экземпляр»[29]. Между тем все издания Полякова 1872 г., сохранившиеся в библиотеках, имеют обычный бумажный переплет. Однако в вышеупомянутой записной книжке Полякова имеется запись: «Маркс. Капитал. Т. 1-ый. Спб., 1872. Ед[инственный] веленевый экз[емпляр]»[30]. Есть основания предполагать, что Поляков послал Марксу именно такой, специально для него напечатанный, подарочный экземпляр русского перевода в особом переплете.

Данная гипотеза получила неожиданное подтверждение, когда в конце 2017 г. венской антикварной фирмой «IN-LIBRIS Gilhofer Nfg.» был выставлен на продажу по цене 185 000 евро экземпляр первого русского издания «Капитала» 1872 г., согласно описанию аукционной фирмы, «в роскошном переплете из телячьей кожи желто-коричневого света», напечатанный «на очень толстой, тяжелой, похожей на веленевую бумаге». По этому описанию данный экземпляр подходит к названному в записной книжке Полякова «веленевому экземпляру». Поскольку таких особо ценных экземпляров было всего два, то понятно, что на аукционе выставлен либо экземпляр Полякова, когда-то вывезенный из России, или же экземпляр книги из библиотеки Маркса.

26 Даниельсон Н.Ф. — К. Марксу, 23 мая (4 июня) 1872 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 244.
27 Маркс К. — М. Лашатру, 12 октября 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 50. С. 443.
28 Лесснер Ф. Воспоминания рабочего о Карле Марксе // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 1. М., 1988. С. 331.
29 Маркс К. — Н.Ф. Даниельсону, 28 мая 1872 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 402.
30 Каталог личной библиотеки Н.П. Полякова… С. 137.

Большинство русских книг из личной библиотеки Маркса были переданы Ф. Энгельсом в 1884 г. П.Л. Лаврову[31], жившему в то время в Париже, и в дальнейшем, а именно в конце 1938 г., оказались в Международном институте социальной истории в Амстердаме[32]. Некоторые русские книги, из которых Маркс делал выписки или которые были необходимы Энгельсу для подготовки к изданию второго и третьего томов «Капитала», Энгельс оставил у себя. После смерти Энгельса эти русские книги вместе с другими книгами из библиотеки Энгельса оказались в Архиве СДПГ, однако не были каталогизированы (не в последнюю очередь, из-за отсутствия специалистов, владеющих русским языком) и хранились в виде особой коллекции книг, занимая «угол, уставленный полками с исключительно русскими книгами»[33]. Поиском русских книг из библиотеки Маркса занимался, по поручению директора московского Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанова, научный корреспондент института Б.И. Николаевский, опубликовавший в 1929 г. статью «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса»[34]. В последующие десятилетия эта работа продолжалась сотрудниками Института Маркса – Энгельса – Ленина и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, завершившись публикацией фундаментального издания с тем же названием[35]. Однако нигде и никогда не упоминался «веленевый» подарочный экземпляр первого русского издания первого тома «Капитала». Научная экспертиза появившегося на аукционе издания, возможно, позволила бы установить, принадлежал ли данный экземпляр Марксу или же это — тот второй «веленевый» экземпляр книги, который библиофил Поляков хранил в своей библиотеке.

---

31 См.: Энгельс Ф. — П.Л. Лаврову, 28 января 1884 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 83.

32 Die Bibliotheken von Karl Marx und Friedrich Engels… // MEGA^2 Bd. IV/32. S. 46–47.

33 Ebenda. S. 58. См. также: Гинзбург Ф. Русская библиотека Маркса и Энгельса // «Группа ‹Освобождение труда›». (Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча.) Сборник № 4. М.–Л., 1926. С. 357.

34 Николаевский Б.И. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 4. М., 1929. С. 355–423.

35 Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Из-во политической литературы, 1979.

Первое русское издание первого тома остается по сегодняшний день единственным иностранным переводом первого немецкого издания «Капитала» и в этом его уникальность. Первое издание первого тома «Капитала» существенно отличалось от знакомого сегодняшнему читателю текста этого тома. Прежде всего, это касалось структуры книги. Книга первоначально содержала всего шесть глав, главы были слабо структурированы, не разбиты на параграфы. Это затрудняло чтение, на что Марксу указывал читавший корректурные листы книги Энгельс. В конце первого тома в виде приложения были напечатаны добавления к некоторым подстрочным примечаниям, а также теоретическое добавление к первому параграфу первой главы под названием «Форма стоимости». Оно было написано по совету Луи Кугельмана. Переработать первую главу рекомендовал Марксу и Герман Лопатин. Маркс обещал выполнить это пожелание, и именно поэтому Лопатин, по совету Маркса, начал переводить «Капитал» со второй главы.

Резонанс на публикацию «Капитала» в России

Первая рецензия на выход в свет русского перевода «Капитала» принадлежала В.И. Покровскому, опубликовавшему 8 (20) апреля 1872 г. заметку о «Капитале» в «Санкт-Петербургских ведомостях». Затем в майском номере «Вестника Европы» была напечатана статья И.И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса». Маркс упомянул эти рецензии в послесловии к 2-му изданию первого тома, вышедшему в конце 1872 г.[36] Как отмечал в своих воспоминаниях знавший Маркса лично известный русский историк, юрист и социолог М.М. Ковалевский (1851–1916), «из всего написанного о "Капитале" в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана», а именно за то, что в ней был верно охарактеризован примененный Марксом метод[37]. Всего же на протяжении 1870-х гг. на публикацию русского издания «Капитала»

---

[36] Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 19–21.

[37] Ковалевский М.М. Встречи с Марксом // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе… Ч. 2. С. 30.

в России откликнулись около 170 изданий (газет, журналов, каталогов, мемуаров)[38]. И хотя, как писал Даниельсон Марксу, все — без исключения — отзываются о книге «с большой похвалой»[39], в России сначала очень немногие правильно оценили содержание книги.

«Идеи, построенные на песке», — так охарактеризовал теорию Маркса тот же М.М. Ковалевский после прочтения «Капитала»[40], хотя впоследствии в воспоминаниях о своих встречах с Марксом он напишет, что «в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами»[41].

Одним из тех, кто сразу понял значение теории Маркса, был профессор Киевского университета Николай Зибер (1844–1888), который стал первым популяризатором теории Маркса в России. В послесловии к 2-му изданию первого тома Маркс упоминает работу Зибера «Теория ценности и капитала Давида Рикардо» (1871), в которой рассматривалась теория стоимости, денег и капитала Маркса[42]. После выхода русского издания Зибер опубликовал в популярном журнале «Знание» серию статей под названием «Экономическая теория К. Маркса», в которых изложил содержание первого тома. На протяжении 1870-х гг. Зибер публиковал в популярных общественно-политических журналах «Отечественные записки», «Дело», «Неделя» и др. статьи с изложением идей «Капитала» о рабочем дне, положении рабочего класса, женском и детском труде, колонизации и др., которые, как он полагал, имели значение для России.

---

38 Маркова О. Отклики на «Капитал» в России 1870-х годов // Летописи марксизма. Кн. 1 (11). М., 1930. С. 123–149.

39 Даниельсон Н.Ф. — К. Марксу, 23 мая (4 июня) 1872 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 244.

40 Ковалевский М.М. — И.И. Янжулу, 15 октября 1875 г. Цит. по кн.: Реуэль А.Л. Русская экономическая мысль 60–70 годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 250.

41 Ковалевский М.М. Встречи с Марксом… С. 42.

42 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 19. Маркс знал и высоко ценил работы Зибера, а их личная встреча произошла в 1881 г., когда Зибер вместе с русским экономистом Н.А. Каблуковым работал в Британском музее в Лондоне.

Появление русского перевода «Капитала» вызвало оживленную полемику, в которой участвовали известные публицисты, экономисты, историки, философы, литературные критики (Ю.Г. Жуковский, Б.Н. Чичерин, Н.И. Зибер, Н.К. Михайловский и др.). Идеолог народничества Н.К. Михайловский (1842–1904) в своей статье «По поводу русского издания книги Карла Маркса» заключал, что Маркс в России не может вызвать «нарушение общественного спокойствия»[43]. Вместе с тем, по его мнению, «Капитал», показывая негативные стороны капиталистического развития, мог быть использован для обоснования концепции народничества.

Публикация в 1877 г. статьи Жуковского (1822–1907) «Карл Маркс и его книга о капитале», в которой теория Маркса была названа «далекой от реальности конструкцией, а его метод — утопическим», инициировала острые теоретические дискуссии вокруг «Капитала», прежде всего по поводу теории стоимости Маркса[44]. Статья наиболее бескомпромиссного противника Маркса юриста и философа Бориса Чичерина (1828–1904) «Немецкие социалисты. II. Карл Маркс» в «Сборнике государственных знаний»[45] вызвала резкую критику Зибера, опубликовавшего статью «Б. Чичерин contra К. Маркс» в февральском номере журнала «Слово»[46]. Другой оппонент Жуковского Михайловский в статье «Карл Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» под видом защиты Маркса от нападок Жуковского доказывал, что теория Маркса не применима к России и обосновывал точку зрения на «особый путь» развития России[47].

Маркс проявлял большой интерес к этой полемике. Именно интерпретация его взглядов Михайловским и, в частности, оценка критического замечания Маркса в адрес Герцена, побудила Маркса написать известное письмо в редакцию «Отече-

43 М[ихайловский] Н. По поводу русского издания книги Карла Маркса // Отечественные записки. СПб. 1872. № 4. С. 176–184.

44 Жуковский Ю. Карл Маркс и его книга о капитале // Вестник Европы. СПб. 1877. № 9. С. 64–105.

45 Чичерин Б.Н. Немецкие социалисты. II. Карл Маркс // Сборник государственных знаний. Т. VI. СПб., 1878. С. 1–39.

46 З[ибер], Н. Чичерин contra Маркс // Слово. СПб. 1879. № 2. С. 63–101.

47 М[ихайловский] Н. Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского // Отечественные записки. СПб. 1877. № 10. С. 321–356.

ственных записок», редактором которых был Михайловский, которое, однако, не было отправлено и было опубликовано Энгельсом только после смерти Маркса[48]. Затронутые в этом письме идеи Маркса о судьбе русской общины и перспективах развития капитализма в России Маркс впоследствии развил в своем письме В.И. Засулич от 8 марта 1881 г.[49]

Русский перевод «Капитала» оказал большое влияние на развитие революционного и рабочего движения в России. Вопрос о «судьбах капитализма в России» стал, по словам Ленина, «для русских социалистов почти тотчас же после появления ″Капитала″ главным теоретическим вопросом»[50]. Книга изучалась представителями демократической интеллигенции, в кружках революционной молодежи, рабочих организациях, в тюрьмах, на каторге, в ссылке и на поселении в Сибири. Идеи «Капитала» пропагандировали революционные народники, хотя для большинства из них теория Маркса не была применима к России. В обращении к Марксу Исполнительный комитет «Народной воли» 25 октября (6 ноября) 1880 г. писал: «″Капитал″ сделался настольной книгой образованных людей»[51]. «Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас вперед из лабиринта противоречий, в которых блуждала наша мысль под влиянием Бакунина», – писал Г.В. Плеханов[52].

К началу 1890-х гг. первое издание Полякова стало библиографической редкостью и продавалось у букинистов за огромные в тогдашней России деньги — от 25 до 40–50 руб. Владельцы букинистических магазинов давали «Капитал» «в аренду». По воспоминаниям Сталина, рабочие Тифлиса собрали в 1898 г. по 5 коп. с около сотни человек и, набрав 25 рублей, взяли «Капитал» у букиниста в аренду на две недели и переписали его[53]. Именно этот переписанный от руки «Капитал» был,

---

48 Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121.

49 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 250–251 и т. 35. С. 136–137. Наброски письма см.: Т. 19. С. 400–421.

50 Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 275.

51 К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 427.

52 Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. VIII. Ч. 1. М., 1940. С. 17.

53 «Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)»». Стенограмма

по свидетельству Е. Ярославского, единственным экземпляром в рабочих кружках Тбилиси[54].

В 1890-е гг. свободное обращение «Капитала» было запрещено в России, но запрет не распространялся на второй том немецкого издания и на французский перевод первого тома. Они ввозились в Россию беспрепятственно до 1895 г., когда последовало запрещение не только для русских, но и для иностранных изданий. Запрещены были популярные изложения «Капитала», цензура не пропускала и биографических материалов о Марксе.

Между тем к началу 1890-х гг. вышли в свет второе немецкое (последнее при жизни Маркса) издание I тома (1872), а после смерти Маркса третье (1883) и четвертое (1890) издания I тома в редакции Энгельса. Однако заняться вторым изданием первого тома, в котором были бы учтены все изменения, сделанные в этих изданиях, Даниельсон смог только после завершения своей работы над переводами второго и третьего томов «Капитала», вышедшими соответственно в 1885 и 1896 гг.

В 1898 г. цензурные ограничения на обращение «Капитала» в России были отменены и сразу, независимо друг от друга, появились три различных издания первого тома.

Сначала Даниельсон выпустил второе, а через полгода третье издание I тома. Фактически это был новый перевод, поскольку в его основе лежало 4-е издание первого тома в редакции Энгельса. Имя переводчика не разглашалось. Именно это обстоятельство побудило издателя Н.С. Аскарханова использовать 2-е издание Даниельсона для своего издания первого тома «Капитала», выпущенного под редакцией доктора математики В.Д. Любимова[55]. В данном издании была проведена определенная работа по редактированию перевода Даниельсона и некоторые из вариантов перевода выглядят более удачными,

---

выступления Сталина на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1 октября 1938 г. Публ. Н.Н. Маслова // Исторический архив. 1994. № 5. С. 12–13.

[54] Уроева А.В. Книга, живущая в веках. 2-е доп. изд. М., 1972. С. 139–140.

[55] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / полн. пер. с нем. под ред. д-ра математики В.Д. Любимова. Т. 1, кн. 1. СПб.: Н.С. Аскарханов, 1898.

что, однако, не отменяло тот факт, что издание Аскарханова являлось плагиатом. По данному факту Даниельсон возбудил уголовное дело, предъявив Аскарханову иск в 16 165 руб. Факт плагиата был признан в судебном порядке после более чем пятилетнего судебного разбирательства. Экспертами на суде выступали друг Даниельсона литературный критик и публицист М.А. Антонович и известный экономист П.Б. Струве. Процесс освещался в газетах. Тогда-то и стало известно широкой публике имя Даниельсона как переводчика «Капитала»[56]. Имена остальных переводчиков первого тома — Лопатина и Любавина — долгое время оставались неизвестными. Об участии Лопатина в переводе «Капитала» (хотя в революционных кругах это было некоторым известно) публично сообщил Даниельсон в предисловии к изданию писем Маркса и Энгельса в свой адрес[57]. Имя Любавина, который со временем стал известным химиком, профессором Московского университета, главой научной школы и полностью порвал с друзьями своей революционной молодости, Лопатин назвал только в 1918 г.[58]

Осенью 1898 г. был опубликован перевод первого тома «Капитала», подготовленный двумя годами ранее, в 1896 г., в Минске социал-демократами Е.А. Гурвич и Л.М. Зак, но опубликованный в редакции Петра Струве сначала двумя отдельными выпусками, а год спустя отдельной книгой тиражом 5000 экз. Редакция Струве главным образом сводилась к замене термина «стоимость», употребленного переводчиками, на «ценность»[59]. Безусловно, это была не чисто техническая замена одного термина на другой. За этим стояло свойственное «легальным марксистам» стремление соединить трудовую

---

56 Материалы по этому делу сохранились в фонде документов Н.Ф. Даниельсона (РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 300, 353). История издания Аскарханова была впервые изложена в статье Н.К. Каратаева «К библиографии русских изданий ″Капитала″» (Труды библиотеки АН СССР). М.–Л., 1948. Т. 1. С. 131–132; см. также Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895–1917 гг.). М.: «Мысль», 1975. С. 29–30.

57 [Даниельсон Н.Ф.] Объяснительная заметка… С. 39–40.

58 Лопатин Г.А. Каждому свое // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 2. М., 1988. С. 17–19.

59 Работавшая в 1920–1930-е гг. в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса Е.А. Гурвич написала воспоминания об этом переводе. См.: Гурвич Е.А. Из воспоминаний. (Мой перевод «Капитала») // Летописи марксизма. № 1. М.–Л., 1926. С. 91–93.

теорию стоимости Маркса с теорией предельной полезности австрийской школы.

Разделявший эти идеи М.И. Туган-Барановский отстаивал термин «ценность» в своей рецензии, посвященной трем изданиям «Капитала»[60]. Альтернативные переводы первого тома «Капитала» были отражением острого идейного противостояния по вопросам оценки экономического развития России в конце XIX в. «Капитал» во многом определил содержание теоретических дискуссий 1890-х гг. в России.

Острая полемика вокруг «Капитала» вновь разгорелась в России после выхода 2-го русского издания первого тома «Капитала» и издания Даниельсоном второго и третьего томов. Дискуссии затрагивали теоретические основы теории Маркса, прежде всего теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости (в том числе в свете заявленного критиками Маркса противоречия между первым и третьим томами «Капитала»). Остро стоял вопрос о наличии в России рынков для растущей промышленности и перспективах развития экономики России в конце XIX – начале XX в. Главными оппонентами выступали, с одной стороны, «легальные марксисты» (Струве, Туган-Барановский и др.), с другой — Ленин и его единомышленники. Помимо работ Струве и Туган-Барановского критики Маркса были представлены публикациями Л.З. Слонимского, М. Филиппова и др.[61] Полемизируя со Слонимским, утверждавшим, что «Капитал» для экономической науки «не представляет серьезного шага вперед»[62], М.Б. Ратнер писал: «…Труды Маркса сделались основным центром, около которого вращаются научные и литературные интересы лучшей части нашего

---

[60] Туган-Барановский М.И. Русские переводы I тома «Капитала» Маркса (заметка) // Мир божий. СПб.,1899. № 2. С. 10–16.

[61] См.: Слонимский Л. Экономическая теория Маркса // Вестник Европы. СПб. 1896. Кн. 4 (апрель). С. 809–836; Кн. 5 (май). С. 267–285; он же. Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. Кн. 7 (июль). С. 357–372; Кн. 8 (август). С. 775–807; Кн. 9 (сентябрь). С. 299–320; он же. Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор. СПб., 1898; Филиппов М. Опыт критики «Капитала» // Научное обозрение. СПб. 1899. № 6. С. 1090–1109; он же. Итоги полемики о ценности // Научное обозрение. СПб. 1900. № 9. С. 1553–1569; см. также: Ратнер М.Б. Карл Маркс и его русский критик // Русское богатство. СПб. 1897. № 5. С. 101–128; № 6. С. 110–131.

[62] Слонимский Л. Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. СПб. 1896. Кн. 9. С. 320.

общества. Мы можем только радоваться тому, что внимание русской общественной мысли занято трудами ученого, которому и злейшие противники его воззрений не могли отказать в необыкновенном таланте, широкой эрудиции, непоколебимой логике, стройности и глубине мысли»[63].

Идейные разногласия затрагивали и проблему перевода терминологии «Капитала», поскольку использование терминов «стоимость» или «ценность» сопрягалось с альтернативными трактовками самой теории стоимости Маркса. К тому времени выявились недостатки переводов Даниельсона, особенно 2-го и 3-го томов «Капитала».

Спрос на «Капитал» значительно возрос в годы первой русской революции 1905–1907 гг. В марте 1906 г. издатель О.Н. Попова выпустила тиражом в 5200 экз. второе издание перевода первого тома в редакции Струве без пропусков, сделанных по настоянию цензуры, в издании 1898–1899 гг. Они касались только текстов предисловий Маркса к первому немецкому изданию и Энгельса к четвертому изданию первого тома. В 1907 г. Попова выпустила тиражом в 5000 экз. третье издание первого тома, которое было простой перепечаткой второго.

Наличие этого издания на книжном рынке повлияло на последовательность издания трех томов «Капитала» в новом переводе, подготовленном под руководством И.И. Скворцова-Степанова (наст. имя И.И. Скворцов, литературный псевдоним И. Степанов). В 1907–1908 гг. были опубликованы второй и третий тома, а в 1909 г. — новый перевод первого тома, приуроченный к 40-летию первого немецкого издания. Перевод был сделан в основном В. Базаровым (литературный псевдоним В.А. Руднева) при участии Скворцова-Степанова, который, по-видимому, занимался и редактированием. Общую редакцию, согласно надписи на титульном листе, осуществил А. Богданов[64]. Отличительной особенностью этого издания,

---

[63] Ратнер М.Б. Карл Маркс и его русский критик // Русское богатство. СПб., 1897. № 5. С. 101.

[64] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Полный пер. с 5-го, провер. Ф. Энгельсом, нем. изд. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Общая ред. А. Богданова. Москва: Московское книгоиздательство, 1909. Подробнее см.: Васина Л.Л. Издание «Капитала» К. Маркса в годы Первой русской революции // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства / Государственная публичная историческая

вышедшего в 1909 г. тиражом 6000 экз., стало возвращение к терминологии первого русского перевода, в частности к терминам «стоимость», «потребительная стоимость» и «прибавочная стоимость». Данное издание трех томов послужило отправным пунктом для новых редакций русских переводов «Капитала», осуществленных уже после Октябрьской революции 1917 года.

В 1872–1917 гг. было издано около 75 000 экземпляров «Капитала». Том 1 издавался 10 раз общим тиражом около 42 000 экземпляров.

«Капитал» Маркса в СССР. 1917–1991

Первые издания «Капитала» после Октябрьской революции были сделаны в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Маркса в 1918 г. Дважды было переиздано 3-е издание Струве 1907 г.[65] В 1918–1922 гг. Скворцов-Степанов переиздал три тома «Капитала» в составе IV–VI томов Собрания сочинений Маркса и Энгельса, запланированного в связи с этой датой. Отсутствие квалифицированных кадров и документальной основы не позволили тогда реализовать этот проект. Скворцов-Степанов сумел лишь переиздать тексты переводов трех томов, изданных в 1907–1909 гг. Издание включило 4 тома, три из которых составляли «Капитал». Сначала были переизданы второй и третий тома, а в 1920 г. вышел 4-й том, включавший первый том «Капитала». Эта публикация первого тома «Капитала» существенно отличалась от издания 1909 г., так как была сделана на основе так называемого «народного» издания первого тома в редакции К. Каутского, которое вышло в 1914 г.[66] В основе издания Каутского лежал текст второго немецкого издания первого тома и более популярного текста французского перевода, отредактированного Марксом. Это было вполне объяснимо: неподготовленный читатель

библиотека России, Российский государственный социальный университет. Материалы научной конференции (Вторые Рязановские чтения), 18–19 марта 2015. М., 2016. С. 42–49.

65 Оба выпуска, вышедшие в Петрограде в издательстве «Регина», являлись перепечаткой фотолитографическим способом третьего издания 1907 г.

66 Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Volksausgabe. Hrsg. von Karl Kautsky. Bd. I. Stuttgart, 1914.

1920-х годов нуждался в более популярном изложении теории Маркса. С 1920 по 1938 г. первый том издавался на основе издания «Капитала» под редакцией К. Каутского. Вышло восемь изданий I тома в этой редакции общим тиражом более 700 000 экземпляров.

С организацией в январе 1921 г. Института К. Маркса и Ф. Энгельса под руководством Д.Б. Рязанова издание «Капитала», как и наследия Маркса и Энгельса в целом, было поставлено на качественно новый профессиональный уровень. По мере создания документальной базы для издания «Капитала» русский перевод «Капитала» неоднократно перепроверялся и совершенствовался на протяжении всего советского периода под углом зрения именно научного уровня изданий. Принципиально новыми были редакции перевода первого тома, осуществленные в 1920, 1933–1934, 1937 и 1960 гг. Каждое из них отражало свое время.

При подготовке издания «Капитала» в первом издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала — Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA), выходившем в 1927–1935 гг. — была проведена уникальная работа по выявлению *всех* разночтений между различными прижизненными изданиями «Капитала». Эта работа выявила недостатки издания Каутского. В результате в 1932 г. Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) выпустил немецкое издание первого тома вновь на основе 4-го издания в редакции Энгельса, а в конце 1933 — начале 1934 г. опубликовал на той же основе новое русское издание I тома (на титульных листах стояла дата «1934», поэтому данное издание считается изданием 1934 г.). Редакторами этого перевода были А. Леонтьев[67] и Б. Раскин.

Издание 1934 г. стало отправным пунктом для последующих публикаций I тома «Капитала» на русском языке. Прежде всего, нового издания I тома в XVII томе первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленного к печати известным в 1920–1930-е гг. экономистом А.Ф. Коном (1897–1941). Том вышел в свет в августе 1937 г. и тут же был

---

67 Псевдоним будущего известного советского экономиста Льва Абрамовича Леонтьева (1901–1974), который в 1930-х гг. работал в Институте Маркса – Энгельса – Ленина.

переиздан Партиздатом в виде специально оформленного издания, приуроченного к 70-летию выхода в свет первого тома «Капитала» Маркса. В конце 1937 г. издание I тома было выпущено Партиздатом повторно уже без юбилейного оформления тиражом в 200 000 экземпляров. В 1949 г. текст XVII тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса с предисловием ИМЭЛ, датированным 1937 г., был переиздан вновь в виде отдельного издания I тома, которое без изменений печаталось Госполитиздатом в 1950, 1951, 1952, 1953 и 1955 гг.

Издание трех томов «Капитала» в томах 23–25 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедших в начале 1960-х гг., вобрало весь опыт предшествующих изданий «Капитала». Это издание «Капитала» неоднократно переиздавалось «Политиздатом» вплоть до конца 1980-х гг. Последним советским изданием «Капитала» стала публикация трех томов в 1987–1988 гг. в составе томов 7–9 «Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 9-ти томах».

«Капитал» на языках народов СССР

В СССР с 1917 по 1991 г. вышло около 10 миллионов экземпляров трех томов «Капитала» на 25 языках. Помимо русского, «Капитал» был переведен на 14 языков народов СССР: азербайджанский, армянский, белорусский, грузинский, казахский, латышский, литовский, молдавский, туркменский, узбекский, уйгурский, украинский, финский (в 1933 г. для народа Карельской АССР), эстонский. Не известны переводы «Капитала» на киргизский и таджикский языки.

Переводы на языки народов СССР делались как с немецкого оригинала, так и с русского языка. Это зависело от исторического, экономического и культурного развития того или иного народа, уровня развития экономической мысли и наличия соответствующей терминологии, а также квалифицированных переводчиков и опыта переводов работ Маркса и Энгельса на соответствующий язык. Например, все переводы «Капитала» на грузинский язык делались с немецкого подлинника.

Многовековая традиция переводческого дела существовала и в Армении. Наличие в армянском языке соответствующей

социально-политической лексики способствовало переводу трех томов «Капитала» на армянский язык уже в 1931–1937 гг. Перевод был выполнен видным армянским экономистом и филологом Т. Авдалбегяном (1885–1937). Почти сразу после завершения им работы по переводу III тома он был арестован по обвинению в троцкизме и вскоре расстрелян[68]. Тома I и II этого перевода вышли из печати в 1933 и 1936 гг. Том III в двух частях был опубликован уже в 1947–1949 гг.[69] без упоминания имени переводчика. В 1954 г. был издан новый перевод I тома на армянском языке, сделанный В. Потеяном с русского издания. Эта практика перевода «Капитала» на армянский с русского языка, однако, не получила в Армении продолжения.

Особые трудности представлял перевод «Капитала» на языки народов Средней Азии. В 1920-е гг. во всех среднеазиатских республиках началась работа по созданию общественно-политической, философской, экономической и юридической терминологии, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х гг. Для перевода «Капитала», например, на узбекский язык был разработан специальный терминологический словарь I и II томов, поскольку над переводами работали параллельно несколько переводчиков и редакторов. Семь переводчиков участвовали в подготовке двух версий перевода I тома на уйгурский язык, которые были опубликованы в 1958 г., каждый тиражом 3000 экз. Оба издания имеются в ЦСПИ ГПИБ.

До конца 1950-х при подготовке переводов «Капитала» на национальные языки использовалось издание «Капитала» в томах XVII–XIX первого русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, некоторые переводы (белорусский и языки народов Средней Азии) делались непосредственно с русского языка. После выхода томов 23–25 второго русского издания при переводе и подготовке национальных изданий стало использоваться это издание.

Сегодня в мире насчитывается более 70 переводов первого тома «Капитала» на языки народов мира. Передать все

---

[68] Маркосян, А. Тадеос Авдалбегян. Страницы жизни и деятельности. Ереван, 2007.

[69] Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М.: Из-во политической литературы, 1969. С. 370–379.

богатство содержания «Капитала» по сей день остается сложнейшей задачей для любого переводчика, требующей от него не только филологической подготовки, но и глубокого знания предмета.

«Издательство иностранной литературы» (с 1963 г. «Прогресс») за период с 1929 по 1990 г. опубликовало переводы «Капитала» на китайском (не полностью, 1929), немецком (1932–1934), английском (1954–1986), финском (1957–1980), французском (1965–1986), хинди (1965–1988), итальянском (1980), вьетнамском (1984–1988), арабском (1985–1990), бенгальском (1988–1989), испанском (I том, 1990) языках. За основу многих изданий брались, если это представлялось возможным, наиболее качественные национальные переводы, которые тщательно перепроверялись и при необходимости редактировались. При этом, особенно при подготовке научно-справочного аппарата (примечаний, указателей имен и литературы), использовались издания «Капитала» во 2-м русском издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также в немецком издании Marx-Engels-Werke.

«Капитал» в современной России. 1991–2017

В постсоветской России печатные издания «Капитала» к 2000 г. стали малодоступны и на первых порах мало востребованными. Однако когда в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом 2008 г. во всем мире возрос интерес к труду Маркса, это веяние времени не обошло стороной и Россию. С 1991 по 2017 г. в России вышло пять различных изданий первого тома «Капитала», общим тиражом примерно 20 000 экз. Из них лишь одно издание «Капитала», выпущенное издательством ЭКСМО в 2011 г. и неоднократно перепечатавшееся, включает все три тома. Издание базируется на текстах томов «Капитала» в Избранных сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса в 9 томах, но имеет обновленный научно-справочный аппарат, новые предисловия к каждому тому, в которых отражен сегодняшний взгляд на «Капитал» в России и в мире, представлена история работы Маркса над «Капиталом», дана информация о публикации черновых экономических рукописей «Капитала» в издании МЭГА, а также показано значение

идей «Капитала» для развития мировой экономической науки в XX в. В качестве приложений в первом томе этого издания публикуются наиболее важные фрагменты из черновых рукописей первой книги «Капитала». В приложения ко второму и третьему томам включены статьи наиболее значимых авторов по проблематике каждого из этих томов (М.И. Туган-Барановского, Н. Бернштейна, А.А. Богданова, Н.Д Кондратьева, Л. фон Борткевича, В.И. Маевского, К.В. Сорвина и др.). В 2017 г. первый том данного издания с новым предисловием П.Н. Клюкина вышел вторым изданием.

Первый том «Капитала» остается наиболее востребованным. С целью облегчить современному читателю знакомство с «Капиталом» предпринимаются попытки предложить новые формы издания труда Маркса. Одним из примеров такого рода является так называемый «малый "Капитал"» — первый том в редакции Г. Преображенского, вышедший в Санкт-Петербурге в 2013 г. и переизданный в 2017 г. Из текста книги исключены как не имеющие, с точки зрения редактора, значения для современного читателя предисловия и послесловия Маркса и Энгельса к изданиям первого тома, ссылки на экономическую литературу XVIII–XIX вв., исторические документы, парламентские отчеты, художественные произведения и многие имена. Однако исключенные части текста и особенно предисловия и послесловия Маркса и Энгельса имеют немаловажное значение для понимания содержания и судьбы «Капитала».

Острая дискуссия развернулась вокруг вышедшей в конце 2015 г. новой редакции перевода первого тома «Капитала», осуществленная В.Я. Чеховским. Отличительной чертой этого издания является возвращение к термину «ценность». В опубликованных рецензиях[70] показан непрофессиональный в целом характер «новой редакции». Это привело к искажению ряда принципиальных формулировок Маркса, в результате

---

70 Васина Л.Л. По поводу одной неудачной редакции русского перевода первого тома «Капитала» Карла Маркса // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 119–130; Бузгалин А., Васина Л. Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов «Капитала») // Свободная мысль. 2017. № 2. С. 206–217; Мареев С.Н., Мареева Е.Е. О переводах «Wert» в «Капитале» К. Маркса (реплика в споре) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 4 (8). С. 43–45.

чего важнейшие положения теории Маркса оказались упрощены, вульгаризированы и даже искажены.

150-летний юбилей первого тома стимулировал публикацию в мире многих работ о «Капитале», содержащих попытки осмыслить значение труда Маркса в современных условиях, а также понять, почему «Капитал» даже спустя 150 лет после выхода в свет остается актуальным произведением экономической классики.

Библиографический список:

1. РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 300, 353.
2. *Бузгалин А., Васина Л.* Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов «Капитала») // Свободная мысль. 2017. № 2. С. 206–217.
3. *Васина Л.Л.* Издание «Капитала» К. Маркса в годы Первой русской революции // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства / Государственная публичная историческая библиотека России, Российский государственный социальный университет. Материалы научной конференции (Вторые Рязановские чтения), 18–19 марта 2015. М., 2016. С. 42–49.
4. *Васина Л.Л.* По поводу одной неудачной редакции русского перевода первого тома «Капитала» Карла Маркса // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 119–130.
5. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 1–2. М., 1988.
6. *Гинзбург Ф.* Русская библиотека Маркса и Энгельса // «Группа ‹Освобождение труда›». (Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча.) Сборник № 4. М.–Л., 1926. С. 356–388.
7. *Грин Ц.И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985.
8. *Гурвич Е.А.* Из воспоминаний. (Мой перевод «Капитала») // Летописи марксизма. № 1. М.–Л., 1926. С. 91–93.

9. [*Даниельсон Н.Ф.*] Объяснительная заметка [к публикации:] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю—ону // Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе. С.-Петербург. 1908. № 1. С. 38–46.
10. *Даниельсон Н.Ф.* Письмо К. Марксу, 15 (27) марта 1872 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 233–234.
11. *Даниельсон Н.Ф.* Письмо К. Марксу, 23 мая (4 июня) 1872 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия… С. 244–245.
12. *Жуковский Ю.* Карл Маркс и его книга о капитале // Вестник Европы. СПб. 1877. № 9. С. 64–105.
13. *З[ибер], Н.* Чичерин contra Маркс // Слово. СПб. 1879. № 2. С. 63–101.
14. *Каратаев Н.К.* К библиографии русских изданий «Капитала» (Труды библиотеки АН СССР). М.–Л., 1948. Т. 1. С. 131–132.
15. Карл Маркс и царская цензура // Красный архив. Исторический журнал. 1933. Т. 1 (56). С. 5–32.
16. Каталог личной библиотеки Н.П. Полякова / Публикация М.Д. Дворкиной // Книга. Сб. XXXI. М.: «Книга», 1975. С. 127–140.
17. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
18. *Лопатин Г.А.* Письмо Ф.Д. Батюшкову, 13 сентября 1913 // «Забытым быть не может». Библиотека «Известий». М., 1963. С. 23.
19. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 125–346.
20. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. VIII. Ч. 1. М., 1940.
21. Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М.: Из-во политической литературы, 1969.
22. *Мареев С.Н., Мареева Е.Е.* О переводах «Wert» в «Капитале» К. Маркса (реплика в споре) // Вестник

Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 4 (8). С. 43–45.
23. *Маркова О.* Отклики на «Капитал» в России 1870-х годов // Летописи марксизма. Кн. 1 (11). М., 1930. С. 123–149.
24. *Маркосян А.* Тадеос Авдалбегян. Страницы жизни и деятельности. Ереван, 2007.
25. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Н.П. Поляков, 1872.
26. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 1898.
27. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. 3-е изд. СПб., 1898.
28. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / полн. пер. с нем. под ред. д-ра математики В. Д. Любимова. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Н. С. Аскарханов, 1898.
29. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала / пер. с 4-го нем. изд., проверенного Ф. Энгельсом; под ред. П. Струве. СПб: О. Н. Попова, 1899.
30. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Полный пер. с 5-го, провер. Ф. Энгельсом, нем. изд. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Общая ред. А. Богданова. Москва: Московское книгоиздательство, 1909.
31. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
32. *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121.
33. *Маркс К.* Письмо Н.Ф. Даниельсону, 28 мая 1872 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 402–403.
34. *Маркс К.* Письмо Н.Ф. Даниельсону, 7 октября 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 469–471.
35. *Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 250–251, 400–421; т. 35. С. 136–137.
36. *Маркс К.* Письмо Л. Кугельману, 6 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 447–448.

37. *Маркс К.* Письмо М. Лашатру, 12 октября 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 50. С. 442–443.
38. *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 29 ноября 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 80–82.
39. *М[ихайловский] Н.* Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского // Отечественные записки. СПб. 1877. № 10. С. 321–356.
40. *М[ихайловский] Н.* По поводу русского издания книги Карла Маркса // Отечественные записки. СПб. 1872. № 4. С. 176–184.
41. *Николаевский Б.И.* Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 4. М., 1929. С. 355–423.
42. *Ратнер М.Б.* Карл Маркс и его русский критик // Русское богатство. СПб. 1897. № 5. С. 101–128; № 6. С. 110–131.
43. *Реуэль А.Л.* Русская экономическая мысль 60–70 годов XIX века и марксизм. М., 1956.
44. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Из-во политической литературы, 1979.
45. *Саралиева З.Х.* «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895–1917 гг.). М., 1975.
46. *Слонимский Л.* Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. Кн. 7 (июль). С. 357–372; Кн. 8 (август). С. 775–807; Кн. 9 (сентябрь). С. 299–320.
47. *Слонимский Л.* Экономическая теория Маркса // Вестник Европы. СПб. 1896. Кн. 4 (апрель). С. 809–836; Кн. 5 (май). С. 267–285.
48. *Слонимский Л.* Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор. СПб., 1898.
49. *Смирнова В.А.* Вильгельм Вольф — человек, которому Маркс посвятил «Капитал». М.,1963.
50. «Сталин о ″Кратком курсе истории ВКП(б)″». Стенограмма выступления Сталина на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1 октября 1938 г. Публ. Н.Н. Маслова // Исторический архив. 1994. № 5. С. 5–29.

51. *Туган-Барановский М.И.* Русские переводы I тома «Капитала» Маркса (заметка) // Мир божий. СПб. 1899. № 2. С. 10–16.
52. *Филиппов М.* Опыт критики «Капитала» // Научное обозрение. СПб. 1899. № 6. С. 1090–1109.
53. *Филиппов М.* Итоги полемики о ценности // Научное обозрение. СПб. 1900. № 9. С. 1553–1569.
54. *Чичерин Б.Н.* Немецкие социалисты. II. Карл Маркс // Сборник государственных знаний. Т. VI. СПб., 1878. С. 1–39.
55. *Штрон В.* Письмо К. Марксу, 9 февраля 1865 г. // MEGA² Bd. III/13. S. 221.
56. *Энгельс Ф. Вильгельм Вольф* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 55–97.
57. *Энгельс Ф.* Письмо П.Л. Лаврову, 28 января 1884 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 83–84.
58. Die Bibliotheken von Karl Marx und Friedrich Engels. Aufbau — Struktur — Schicksal — Rekonstruktion // MEGA². Bd. IV/32. S. 23–73.
59. *Bönig, J.* Karl Marx in Hamburg. Der Produktionsprozess des «Kapital». Hamburg, 2017.
60. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Volksausgabe. Hrsg. von Karl Kautsky. Bd. I. Stuttgart, 1914.
61. MEGA² / Marx-Engels-Gesamtausgabe. Bd. I/21. K. Marx, F. Engels. Artikel, Entwürfe. September 1867 bis März 1871. Berlin, 2009.
62. MEGA² Bd. II/5. K. Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. 1. Hamburg 1867. Berlin, 1983.
63. MEGA² Bd. III/13. K. Marx, F. Engels. Briefwechsel. Oktober 1864 bis Dezember 1865. Berlin, 2002.
64. MEGA² Bd. IV/32. Die Bibliotheken von Karl Marx und Friedrich Engels. Annotiertes Verzeichnis des ermittelten Bestandes. Berlin, 1999.

УДК 330.852(430)+330.854(47+57)
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.+65.02(2)6д Ленин В.И.

Нуреев Рустем Махмутович,
научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института экономики РАН
Nureev Rustem,
Scientific Supervisor of the Department of Economics Financial University by the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Ordinary professor of NRU HSE, Chief Researcher, Institute of Economics, RAS
nureev50@gmail.com

«Капитал» К. Маркса vs «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина: Единство и различия[1]

«Capital» of K. Marx vs «Development of Capitalism in Russia» of V.I. Lenin: unity and differencies

Аннотация. Статья посвящена изучению работ К. Маркса в императорской России. Особое внимание уделяется разбору работ В.И. Ленина, показывается его роль как популяризатора и вульгаризатора Маркса, исследуются факторы, способствовавшие русификации и ориентализации марксизма.

Ключевые слова: камералистика; историческая школа; марксизм; генезис капитализма; догоняющее развитие.

Abstract. The article is devoted to study the works of Karl Marx in Imperial Russia. Particular attention is paid to analysis of works by V. Lenin, is shown his role as a popularizer and vulgarizer of Marx, is investigated the factors that contributed to Russification and orientalization of Marxism.

Key words: cameralistics; historical school; Marxism; the genesis of capitalism; the catching-up development.

[1] По материалам доклада на научных чтениях «Судьбы ″Капитала″ в России» в Государственной публичной исторической библиотеке России 14 сентября 2017 г.

1. Пореформенная Россия: зачем понадобился К. Маркс?

Русская цензура довольно мягко обошлась с произведениями К. Маркса, достигавшими пределов Российской империи. В 1848 г. было получено разрешение цензуры на ввоз в Россию «Нищеты философии». Предмет сочинения, считала цензура, не может быть применен к России и представляет «умозрения довольно отвлеченные». В 1867 г. цензура разрешила распространение немецкого издания «Капитала», а в 1872 г. его русского перевода, рассматривая его как сочинение «строго научное, тяжелое и малодоступное»[2]. Цензура полагала, что книгу Маркса «немногие прочтут», «а еще менее поймут ее». К тому же рассматривала ее как критику практики терроризма революционных народников, начавшейся после провалившегося в 1873 г. «хождения в народ». В числе прочего марксизм способствовал упрочению европейского вектора развития русской общественной, особенно экономической, мысли. Цензура ошиблась, так как весь тираж первого русского издания «Капитала» (в 3 000 экземпляров!) разошелся всего за 4 месяца[3]. Хотя цензура явно недооценила аудиторию потенциальных читателей, она оказалась в значительной мере права в оценке уровня понимания этого произведения российским читателем. Не случайно, что даже первый русский ученик К. Маркса Николай Иванович Зибер не будет питать никаких иллюзий о бэкграунде русских революционеров: «Люди они хорошие, — писал он, — но в научном социализме и политической экономии ровно ничего не смыслят от A до Z»[4].

Публикация русского перевода вызвала дискуссию, в ходе которой мнения разделились. Ю.Г. Жуковский выступил в сентябре 1877 г. с резкой критикой теории К. Маркса. Поскольку уровень критики был невысокий, Н.К. Михайловский публикует язвительную статью «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуков-

---

2 См. Реуэль А. А. Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 233.

3 Там же. С. 237. О качестве этого перевода свидетельствует хотя бы тот широко известный факт, что немецкий термин «Wert» был переведен не как «ценность», а как «стоимость».

4 Цит. по: Овсяннико-Куликовский Д.Н. Николай Иванович Зибер // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Пг., 1923. С. 146. О резервах самого Н.И. Зибера в понимании учения К. Маркса подробнее см.: Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805–1905 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 266–277.

ского». Автор считает, что Маркс ставит российского читателя в чрезвычайно трудное положение, поскольку, с одной стороны, он описывает социальные последствия введения фабричного производства, подробно характеризуя, как фабрика калечит и уродует женщин и детей (особенно в 13-й главе первого тома «Капитала»), а с другой стороны, довольно скептически относится к «русскому социализму» А.И. Герцена. Маркс ответил на критику Михайловского «Письмом в редакцию «Отечественных записок»[5]. В этом письме Маркс, опираясь на работу Н.Г. Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», полагал, что Россия может перейти к социализму, минуя капитализм. Неудивительно, что симпатии Маркса к народникам привели в замешательство Г.В. Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда».

Однако был ли Маркс сторонником прямого и непосредственного применения идей «Капитала» в России? Дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно. Поэтому Вера Ивановна Засулич в своем письме от 16 февраля 1881 г. просит Маркса разъяснить свою позицию. Однако и «Письмо В.И. Засулич» и «Наброски ответа на письмо В.И. Засулич» дают противоречивый ответ, который русские народники восприняли скорее как «да», чем как «нет»[6]. Хотя к этому ответу Маркс пришел не без заметных колебаний. Сохранилось четыре наброска ответа, которые занимают в собрании сочинений 22 страницы, тогда как сам ответ — менее 2 страниц.

Тем не менее Маркс полагал (в 1880 г.), что в России его «больше читают и ценят, чем где бы то ни было»[7]. Действительно, только в 1870-х гг. в России появилось свыше 150 рецензий, статей и упоминаний о «Капитале»[8]. Их было настолько много, что одна из них (опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» 8 (20) апреля 1872 г.) была удостоена чести попасть в послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала»[9].

Перевод II тома «Капитала» появился на русском языке уже в 1885 г., а III тома — в 1896-м. История перевода «Капитала»

---

5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 116–121.
6 Там же. С. 250–251, 400–421.
7 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 380.
8 Подробнее см.: Пустарнаков В.Ф. Парадоксы в истории марксизма в России // Восток: альм. Вып. № 12 (24), дек. 2004.
9 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С.18–19.

народниками закономерно привела к тому, что они оказались первыми интерпретаторами Маркса на русской почве. Вольно или невольно Маркс оказался человеком, лившим воду на их мельницу.

2. В.И. Ленин как популяризатор и вульгаризатор Маркса

С точки зрения нашей темы, небезынтересно показать, как были препарированы взгляды К. Маркса в ленинских работах, написанных в конце XIX — начале XX в. и, прежде всего, в его монографии «Развитие капитализма в России» (1899), которую можно рассматривать как своеобразное зеркало представлений российских марксистов об успехах копирующей модернизации.

Центральное место в работах В.И. Ленина 90-х годов XIX в. занимает теория товарного производства[10]. Это связано с разбором теоретических ошибок экономистов-народников по вопросу о роли рынка в развитии капитализма и оценке его судеб в России. В работах 90-х годов В.И. Ленин подробно анализирует признаки товарного производства, его основные стадии развития, общее и особенное в превращении товарного производства в капиталистическое в пореформенной России[11]. В этой связи В.И. Ленин дает ряд определений товарного производства. Наиболее полным из них является определение в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках»[12]. В качестве основы товарного производства В.И. Ленин выделяет общественное разделение труда, в рамках которого происходят обособление и специализация частных производителей на производстве отдельных продуктов. Специализация производителей на изготовлении отдельных видов товаров в условиях обособленности каждого из них друг от друга приводит к тому, что удовлетворение общественных потребностей возможно лишь путем купли-продажи товаров. Следовательно, только посредством рынка устанавли-

---

[10] Специальный анализ экономического содержания каждой из работ см.: Пашков А.И. Экономические работы В.И. Ленина 90-х годов. М., 1960.

[11] Подробнее см.: Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968.

[12] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 86–87; см. также: с. 120, 425, 453; Т. 3. С. 21–22 и др.

вается связь между обособленными на базе общественного разделения труда товаропроизводителями. Рынок, по мысли В.И. Ленина, осуществляет своеобразный общественный учет затраченного на производство товара труда. Однако «учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний». Таким образом, рынок рассматривается В.И. Лениным не только как форма экономической взаимосвязи, но и как регулятор общественного производства[13].

В историческом развитии капитализма, с точки зрения В.И. Ленина, существенны два момента: «1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое»[14]. В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В.И. Ленин представил абстрактно-теоретическую схему такого превращения, в рамках которой он выделяет «6 периодов, выражающих стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое».

Такая схема носила слишком умозрительный характер и породила позднее ложное представление о том, что товарное производство само по себе (в любых условиях!) способно перерасти в капитализм[15]. Возникшее на Древнем Востоке товарное производство тысячелетиями существовало в порах господствующего натурального хозяйства и смогло перерасти в капиталистическое лишь с возникновением в процессе так называемого первоначального накопления капитала рынка труда. И это возникло не в результате простого углубления разделения труда, или его большей специализации, как наивно полагал в 90-е годы В.И. Ленин. Такая ошибка привела к тому, что при анализе генезиса капитализма он абстрагировался от феодальных и полуфеодальных отношений господствующих в аграрной сфере пореформенной России. Процесс отделения непосредственных производителей начинается там и тогда, когда созданы определенные институциональные

---

13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 425, 66.

14 Там же. С. 87.

15 Позднее эта ошибка будет закреплена в афористичной фразе в «Детской болезни ″левизны″ в коммунизме»: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом размере» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41).

предпосылки, так и не ставшие в то время предметом ленинского анализа.

Такой подход породил и другую методологическую ошибку о логике и структуре «Капитала» К. Маркса. Именно «с легкой ленинской руки» в русскую марксистскую литературу вошло ошибочное представление о том, что предметом исследования первого отдела первого тома «Капитала» являются не товар и товарное обращение, а товарное производство. Этот предрассудок сумели преодолеть в отечественной литературе лишь в начале 1970-х гг.[16], да и то далеко не все.

Отделение непосредственных производителей от средств производства создает, по мысли В.И. Ленина, внутренний рынок и со стороны средств производства, которые превращаются в постоянный капитал и приобретают товарную форму, и со стороны средств существования, которые принимают форму переменного капитала и также превращаются в товар, который приобретают наемные рабочие[17]. Такой подход позволил В.И. Ленину сделать вывод о том, «что вопрос о внутреннем рынке, как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует...»[18].

Ленинская постановка вопроса о взаимосвязи внутреннего рынка и генезиса капитализма рассматривала процесс становления капитализма, главным образом, с точки зрения развития товарной формы. Она наглядно показывала простое товарное производство как всеобщую основу капиталистического, оставляя при этом в тени исследование содержания процесса этого перехода, то есть анализ буржуазной аграрной революции.

Хотя в книге «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин начинает исследование становления капитализма с аграрной сферы, эта сфера анализируется, прежде всего, со стороны формы хозяйства, а не его содержания. Эта область считалась экономистами-народниками наименее подверженной капиталистическому развитию, казалась им подлинным оплотом «народного производства». Признавая развитие капи-

---

[16] Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1973.

[17] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 87–94; Т. 3. С. 58–59.

[18] Там же. Т. 3. С. 60.

тализма в промышленности, они недооценивали его в сельском хозяйстве. В отличие от своих предшественников В. И. Ленин старается доказать, что товарное производство, существующее в аграрной сфере пореформенной России, представляет наиболее глубокую основу становления и развития капитализма. Более того, В.И. Ленин пытается определить уровень развития товарного производства в деревне, степень его перерастания в капиталистическое производство.

Объективная трудность исследования состояла в том, что процесс перехода от феодального хозяйства к капиталистическому был далеко еще не завершен. Он вызвал обилие переходных форм, понять социально-экономическую природу которых, их удельный вес, степень взаимовлияния и проникновения можно было лишь после тщательного и детального анализа, рассматривая их динамику в длительной исторической перспективе. Между тем для такого анализа отсутствовали необходимые статистические данные. В России не производились аграрные цензы, затрагивающие все население страны. Наиболее надежными являлись выборочные обследования, охватывавшие лишь отдельные уезды губерний. Однако и они характеризовали лишь короткий промежуток времени в пореформенной России.

Тем более весомой представляется попытка В.И. Ленина решить проблему комплексно. Он рассматривает развитие внутреннего рынка и становление капитализма как в социально-экономическом (анализируя крестьянские и помещичьи хозяйства), так и в технико-экономическом плане (исследуя основные отрасли сельскохозяйственного производства). Это предопределило внутреннюю логику исследования аграрной сферы в «Развитии капитализма в России». Сначала В.И. Ленин анализирует разложение крестьянства (глава II), затем — переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому (глава III) и, наконец, рост торгового земледелия (глава IV).

При этом В.И. Ленин использует индуктивный метод, что нередко приводит его к довольно смелым и неправомерным обобщениям. Недостатки такого подхода заметно уменьшаются, когда индуктивный метод дополняется дедуктивным. Сначала он анализирует данные земско-статистических под-

ворных переписей 21 уезда 7 губерний, а затем на основании военно-конских переписей 1888–1891 и 1896–1900 гг. делает вывод обо всем крестьянстве европейской части Российской империи. В.И. Ленин впервые применяет детально разработанную им методику анализа дифференциации крестьянства. В частности, В.И. Ленин использует 14 показателей, свидетельствующих о разложении крестьянства: 1) число дворов; 2) число душ обоего пола крестьянского населения; 3) количество земли надельной; 4) купчей; 5) арендованной; 6) сданной в аренду; 7) всего землевладения или землепользования группы (надельная земля + купчая + аренда – сдача); 8) посева; 9) рабочего скота; 10) всего скота; 11) дворов с батраками; 12) дворов с заработками (выделяя по возможности те виды «заработков», среди которых преобладает работа по найму, продажа рабочей силы); 13) торгово-промышленных заведений и 14) улучшенных земледельческих орудий. Данные о сдаче земли и заработках, писал В.И. Ленин, имеют «отрицательное значение, показывая упадок хозяйства, разорение крестьянина и превращение его в рабочего. Все остальные данные имеют положительное значение, показывая расширение хозяйства и превращение крестьянина в сельского предпринимателя»[19].

Такая оригинальная методика исследования позволила дать многомерную характеристику как зажиточного (по оценке В.И. Ленина, высшая группа в 20% дворов), так и неимущего крестьянства (к которому была отнесена низшая группа в 50% дворов). Анализ показал, что зажиточное крестьянство, составлявшее в среднем менее 1/3 населения, располагало 3/4 купчей земли, 60% арендованной, имело в пользовании 43% всей земли, почти половину общего посева, рабочего скота и торгово-промышленных заведений. К тому же на зажиточное крестьянство приходилось почти 2/3 общего числа дворов с батраками и лишь 11% дворов с «заработками» и 4/5 дворов с улучшенными орудиями труда. Эти хозяйства почти не сдавали земли. В отличие от зажиточного неимущее крестьянство (40% населения) составляло очень скромную долю в покупке (10%) и аренде (12%) земли, выступало в качестве ее главного сдатчика (79%). В результате на неимущее крестьянство

19 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 121.

(т. е. на половину общего числа дворов) приходилось лишь 1/4 действительного земледелия, 1/5 посевов и рабочего скота. Две трети дворов неимущего крестьянства имели работников, уходящих на заработки[20].

Важное значение для анализа степени дифференциации крестьянства имели данные о денежных расходах крестьян, почерпнутые Лениным из земско-статистических исследований крестьянских бюджетов (по четырем уездам Воронежской губернии, 1889).

К сожалению, они носили точечный характер, что не помешало сделать В.И. Ленину далеко идущие выводы.

Анализ этих данных показал, что процент денежной части во всех группах крестьянства не ниже 40, а в крайних группах — свыше 50 (у безлошадных — 55–57%, у многолошадных — 59–60%)[21]. И это в средней черноземной полосе, где денежное хозяйство развито слабее, чем в промышленных районах и степных окраинах России. В.И. Ленин обратил внимание и на то, что так называемый уравнительный порядок распределения податей внутри общины служит обогащению зажиточного крестьянства: чем состоятельнее крестьянство, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу. Это происходило потому, что крестьяне делили подати по земле. Однако распределение надельной земли не учитывало дифференциацию крестьянства. При таких условиях распределение податей по надельной земле неизбежно вело к переложению налогов с зажиточного крестьянства на крестьянскую бедноту.

В итоге выяснялось, что «буржуазные» и «пролетарские» слои уже больше втянуты в товарно-денежные отношения, чем среднее крестьянство, для которого типично наименьшее развитие товарного производства. Это означало, что разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. Неимущее крестьянство способствует развитию рынка, предъявляя спрос на предметы личного потребления. Эта группа хозяйств меньше, чем среднее крестьянство, потребляет, но

---

20 Ленин В.И. Полн. собр. соч. С. 127–131, см. также диаграмму, изображающую таблицы А и Б.

21 Там же. Т. 3. С. 146, а также Т. 1. С. 313–319.

больше покупает. У зажиточного крестьянства связь с рынком осуществляется и по линии потребления, и по линии производства. Вывод В.И. Ленина о том, что пореформенное русское крестьянство уже вовлечено в товарное производство, был важен для критики народников, игнорировавших внутренние противоречия этого строя экономических отношений, которые способствовали расслоению крестьянства. Однако В.И. Ленин идет дальше и делает смелый вывод о разложении крестьянства. Сущность его состоит в создании новых типов сельского населения: буржуазии (достигавшей, по мнению Ленина, 30% населения) и пролетариата, «класса наемных рабочих с наделом» (составлявшего, по оценке Ленина, 40% населения). Это, конечно, было смелым и далеко идущим преувеличением. Ведь даже по ленинским (далеко не бесспорным) данным получалось, что в аграрной сфере у каждого капиталиста было в среднем по 1,3 наемного работника (!).

В.И. Ленин в тот период заметно преувеличивал степень дифференциации крестьянства. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных[22], отчасти — с методикой анализа. Рассматривая во II главе работы «Развитие капитализма в России» разложение крестьянства, Ленин абстрагировался от помещичьих латифундий, которые были связаны с крестьянскими хозяйствами не товарно-денежными, а натуральными и внеэкономическими отношениями, эксплуатируя их полуфеодальными методами. «...Верно определяя *направление* развития, — напишет позднее В.И. Ленин, — мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные «отрезки» — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к ″крестьянской аграрной революции″»[23].

В.И. Ленин анализирует в 90-е годы не только процесс разложения крестьянства, выражающий капиталистическую

[22] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 174.
[23] Там же. Т. 16. С. 268–269.

эволюцию его экономического строя, но также условия и закономерности эволюции помещичьего хозяйства. Пореформенное помещичье хозяйство по своему экономическому строю представляло переходную систему, в которой сочетались как барщинные, так и капиталистические черты. Критикуя народническую идеализацию отработок, Ленин попытался выяснить их экономическую сущность как прямого пережитка барщинного хозяйства, раскрыть пагубное влияние этой системы на положение крестьянства, развитие сельского хозяйства и экономики всей страны.

Особое внимание Ленин уделял применению машин в сельском хозяйстве и распространению наемного труда в земледелии. Для того чтобы показать процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, В.И Ленин анализирует немецкие фермы, возникшие на Юге и Востоке Европейской России. Спрос на рабочую силу в губерниях с более высоким развитием капитализма способствовал миграции земледельческого населения. В.И. Ленин показывает, что главным районом прихода были южные и восточные окраины Европейской России, а главным районом выхода — средние черноземные губернии, т. е. миграция осуществлялась «из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности... высокого развития капитализма». Миграция, по подсчетам В.И. Ленина, охватывала около половины низшей группы крестьянства. Крестьяне стремились «уйти туда, где лучше».

О развитии капитализма в России свидетельствовал также рост товарности сельскохозяйственного производства. В результате специализации темпы роста товарного хлеба опережали увеличение валового сбора зерна. Быстро росло и торговое скотоводство как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах. Еще быстрее развивался товарный характер хозяйств, производивших и осуществлявших первичную обработку технических культур (винокурение; свеклосахарное, картофельно-крахмальное и маслобойное производство; табаководство и т. д.). Земледелие в пореформенной России все в большей степени принимало торговый, предпринимательский характер. Однако в отличие от обрабатывающей промышленности (в ко-

торой в результате специализации выделяются самостоятельные отрасли, производящие лишь один продукт) в земледелии углубление общественного разделения труда не приводило к очень узкой специализации хозяйства, а проявлялось в подчинении его производству главного продукта.

Анализируя создание внутреннего рынка, В.И. Ленин определял основное направление развития — переход от крепостнической к капиталистической форме хозяйства. Поэтому он уделяет особое внимание первым росткам нового буржуазного строя. Лишь позднее В.И. Ленин сделает вывод о том, что «*крупное капиталистическое земледелие стоит в чисто русских губерниях безусловно на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных латифундиях* (Курсив мой — Р. Н): различные формы крепостническо-кабальной аренды, отработочного (барщинного) хозяйства, "зимней наемки", кабалы за потравы, кабалы за отрезки и так далее без конца»[24].

До революции 1905–1907 гг. не существовало открытой революционной борьбы крестьянства, его классов и слоев, а потому было трудно точно оценить соотношение капиталистических и феодальных элементов в аграрном строе. «Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила... Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции»[25].

В.И. Ленин не ограничивается исследованием аграрной сферы, но и анализирует три стадии развития капитализма в промышленности. Однако и здесь Маркс оказался чрезвычайно «неудобным» для В.И. Ленина предшественником.

По Марксу, «исторически и логически исходным пунктом капиталистического производства» является кооперация[26]. Она стала первой стадией развития чисто дедуктивным путем. Поскольку мануфактура включает в себя кооперацию и

24 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 201.
25 Там же. С. 269.
26 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 23. С. 333.

разделение труда одновременно, что предопределило анализ двух путей ее возникновения (путем кооперации ранее разделенного труда и разделения на отдельные операции в прошлом кооперативного труда. Так возникли два вида мануфактурного разделения труда (подетальное и пооперационное) и две формы мануфактуры (гетерогенная и органическая). Маркс выделяет в качестве первой (простейшей) формы производства относительной прибавочной стоимости ту, которая может существовать независимо от другой. Ею оказалась кооперация, которая не образует в реальной истории мало-мальски заметный период существования. Поэтому здесь В.И. Ленину пришлось многое додумывать самому. К тому же Ленина успел опередить М.И. Туган-Барановский, издавший в 1898 году монографию «Русская фабрика в прошлом и настоящем»[27], которую защитил в том же году в качестве докторской диссертации.

Особое внимание В.И. Ленин уделяет первым стадиям капитализма в промышленности. В отличие от экономистов-народников Ленин стремится раскрыть капиталистический характер кустарного производства, показать связь и преемственность в развитии всех стадий капитализма в промышленности. В.И. Ленин выделяет две основные формы роста мелких промыслов в пореформенной России: переселение ремесленников на окраины (развитие вширь) и расширение и укрепление ранее существовавших промыслов (развитие вглубь). Анализируя материалы подворных переписей кустарей 33 промыслов Московской губернии, В.И. Ленин показывает, что с расширением размеров заведения повышается роль наемного труда и его производительность.

Особое внимание В.И. Ленин уделяет показу роли торгового капитала в генезисе капитализма в промыслах пореформенной России. В.И. Ленин называет основные формы, отражающие стадии развития торгового капитала в мелких промыслах. Первоначальной формой является покупка изделий у мелких

---

27 Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: ист.-экон. исслед. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898.

товаропроизводителей, затем осуществляется соединение торгового капитала с ростовщичеством и как следствие этого — плата за изделия товарами. Более высокую форму представляет плата за изделия товарами, необходимыми для производства (сырье, вспомогательные материалы и т. д.). И наконец, процесс завершается прямой раздачей материала для производства товаров за плату, что равносильно капиталистической работе на дому[28].

Заслугой В.И. Ленина является изучение особенностей капиталистической мануфактуры и капиталистической работы на дому в пореформенной России. Расчеты, произведенные В.И. Лениным, показали, что под видом кустарей скрывается не менее 2 млн рабочих[29].

В.И. Ленин критикует и другую догму народников, полагавших, что крупная промышленность развивается не вширь, а только вглубь и не способна занять освобождающуюся в процессе разложения крестьянства рабочую силу. В.И. Ленин выделяет и такую особенность развития капитализма в России, как значительная роль сельских фабричных центров. В фабричных и кустарных селах в 1890 г. работало около 1/3 всех фабрично-заводских рабочих[30]. Поэтому В.И. Ленин делает вывод о том, что индустриальное население России значительно больше городского.

Анализ трех стадий капитализма в русской промышленности не только раскрыл связь и преемственность в их развитии, но и дал о них представление как об элементах капиталистического обобществления производства[31]. Характеризуя процесс создания внутреннего рынка, В.И. Ленин показывает образование не только собственно товарного рынка (рост товарного обращения и торгово-промышленного населения), но и рынка труда. В пореформенной России происходило развитие капитализма и вширь, и вглубь. Важное значение в образовании национального внутреннего рынка на рабочую силу имела миграция земледельческих и неземледельческих рабочих. В.И. Ленин пишет об экономической колонизации в порефор-

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 366–368.
[29] Там же. С. 450.
[30] Там же. С. 516, 521.
[31] Там же. С. 550–551.

менный период южных и восточных окраин империи. Быстрые темпы их развития объясняются тем, что они обладали свободными, доступными для переселенцев землями и были уже втянуты в международное разделение труда, связаны с мировым рынком.

Главное достоинство работ В.И. Ленина 90-х годов заключалось в том, что он сумел показать развитие капитализма «снизу» — от его простейших форм, возникающих в процессе разложения крестьянства, и в кустарной промышленности, вплоть до фабрично-заводской формы. Именно этой направленностью анализа, диктовавшейся интересами опровержения экономической идеологии либерального народничества, объясняется то, что В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» не уделяет большого внимания широко распространенным в России формам насаждения капитализма «сверху» (путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий, дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, прямого развития государственного предпринимательства и т. д.).

Парадокс использования капитализма для укрепления российской полуазиатской монархии остался за границами исследований русских марксистов. Их интересовали, прежде всего, общие закономерности становления капитализма, а не его особенности, связанные с периферийным положением России в капиталистической мир-экономике. Эти особенности выпадали из их поля зрения и стали предметом специального анализа лишь в наши дни.

3. Плюсы и минусы раннего распространения марксизма в России

Подведем краткие итоги. Распространение марксизма в Российской империи «вширь» произошло в гораздо большей степени, чем это позволяли внутренние экономические, социальные или культурные условия. Но та же российская действительность стала тормозом для распространения марксизма в России «вглубь», для его развития в целостной и адекватной первоисточнику форме.

В XX в. Россия вошла, имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Действительно настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а марксизмом как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России единицами. Преобладали же в России совершенно неадекватные первоисточнику, извращенные формы марксизма. Это не помешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 г. от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на 1/6 части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма.

Большевики для этого творчески «развили» Маркса, фактически создав настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, Г.В. Плеханов), ждать придется довольно долго. В этих условиях Ленин создает учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности, и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновывается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению». «Ленин, — писал Н.А. Бердяев, — вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции... Тут Ленин принужден был повторить то, что говорил Ткачев, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма»[32].

[32] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Библиографический список:

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. *Богданов А.* Философия живого опыта: попул. очерки. СПб., 1913.
3. *В. В. (В. Воронцов).* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
4. *В.В. (В. Воронцов).* Наши направления. СПб., 1893.
5. *Водолазов Г.Г.* От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во МГУ, 1967.
6. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 2, 3. М., 1988–1989.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1, 3, 16.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19, 23, 38.
9. *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1894. № 1.
10. *Николай—он [Даниельсон].* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
11. *Нуреев Р.М.* Развитие капитализма в России: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // Развитие капитализма в России — 100 лет спустя. Москва; Волгоград, 1999. С. 87–112.
12. *Пашков А.И.* Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960.
13. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956–1958.
14. *Пустарнаков В.Ф.* Парадоксы в истории марксизма в России // Восток: альм. 2004. Вып. № 12 (24) (декабрь). Эл. ресурс – http://www.situation.ru/app/j_art_719.htm (Дата обращения 03.09.2019).
15. *Реуэль А.А.* Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956.
16. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: ист.-экон. исслед. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898.

С. 89. Подробнее о традициях русской революционной мысли и предпосылках этой эволюции марксизма см.: Водолазов Г.Г. От Чернышевского к Плеханову. М.: Изд-во МГУ, 1967.

17. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. М.: РОССПЭН, 1998.
18. *Хессин Н.В.* В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968.
19. *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России 1805–1905 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
20. *Шкредов В.П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1973.
21. *Rosenberg N.* Karl Marx on the Economic Role of Science // Journal of Political Economy. 1974. № 82. P. 713–728.

УДК 316.65(47+57)+330.852(430)
ББК 63.3(2)53–7+65.02(4Гем)д Маркс К.

Воскресенская Нина Олеговна,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
доцент, кандидат исторических наук
Voskresenskya Nina Olegovna,
Financial University of the Government
of the Russian Federation, professor, PhD in History
ninaolvoskr@gmail.com

«Капитал» Маркса как фактор Русской революции: «за» и «против»

Marx's «Capital» as a factor of the Russian revolution: «pro» and «contra»

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, действительно ли, и если да, то в какой мере распространение марксизма в Российской империи рубежа XIX–XX вв. способствовало продвижению страны к революционным событиям 1917 года; рассматриваются особенности восприятия марксистских идей разными целевыми аудиториями; делается вывод о степени соответствия народного менталитета и поведенческих привычек крестьянства, как основной социальной группы, коммунистическим идеалам.

Ключевые слова: социальная революция; национальный менталитет; марксизм, «легальные марксисты»; либеральные народники; студенчество; духовенство; дворянство; крестьянство; община.

Abstract. The article raises the question of whether, indeed, and, if so, to what extent, the spread of the Marxism in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries contributed to the country's advance towards the revolutionary events of 1917; the peculiarities of the perception of Marxist ideas by different target audiences are examined; the conclusion is made about the degree of readiness of the Russian peasantry, being the main social group, to accept communist ideals.

Key words: social revolution; national mentality; Marxism; legal Marxists; liberal populists; students; clergy; nobility; peasantry; community.

Факторы исторического развития как важнейшая проблема исторической науки: к постановке вопроса

Вопрос о факторах — тех силах, под влиянием которых происходят те или иные события, — представляется одним из

наиболее важных в любых исторических исследованиях. Причина очевидна: без знания факторов — движущих сил исторического развития — мы никогда не сможем проникнуть вглубь исторических процессов и явлений, понять их суть и истинные причинно-следственные связи и будем обречены на то, чтобы просто описывать их. Фразы «неважно, по какой причине это произошло, важен сам факт происшедшего» или «оставим за скобками причины этого явления и дадим его подробное описание», встречающиеся в научных работах, — прекрасная тому иллюстрация. Разумеется, корректные описательные исторические работы с хорошо проработанной источниковой базой абсолютно необходимы. Однако даже отлично выполненное тщательное и скрупулезное, если угодно, поминутное описание событий, — а именно по этому пути идут многие профессиональные исследователи, — само по себе еще не способно ответить на ключевые вопросы истории: «почему произошло это событие?», «почему именно в этих формах?», «почему именно с таким результатом?», «какова вероятность появления аналогичных событий в будущем?».

Желание докопаться до сути исторических событий важно во всяком историческом исследовании; оно тем более необходимо, если речь идет о таких масштабных и сложных явлениях, как народные движения, волнения, восстания, социальные революции. Для отечественной истории одной из самых актуальных, на наш взгляд, проблем является проблема факторов революции 1917 г. — событий, кардинально и надолго изменивших ход развития страны, перемоловших судьбы огромного количества людей, оказавших сильное влияние и на ход всемирной истории. Отметим здесь, что различные, и часто противоположные оценки революции 1917 года в научной и публицистической литературе не только не снимают, но, напротив, усиливают необходимость выявления и осмысления движущих сил таких событий и процессов.

Целевые аудитории марксистских идей в российском обществе на рубеже XIX–XX вв.

Предположим, что тезис, согласно которому идеи, овладевшие массами, есть движущая сила истории, верен. Пред-

положим, что марксистские идеи, почерпнутые российским обществом из знаменитого труда К. Маркса «Капитал», были одним из факторов, «сделавших» буржуазную и большевистскую революции 1917 года, и попробуем оценить силу влияния марксистских идей на ход русской истории.

Если влияние «Капитала» на Великую русскую революцию действительно было, то это влияние могло передаваться только через умонастроения людей; вопрос, таким образом, переходит в плоскость анализа мировоззрения, психологии (национальной, социальной, индивидуальной), менталитета российского общества конца XIX — начала XX вв. Очевидно также, что степень влияния идей напрямую скоррелирована с тем, насколько хорошо они известны обществу. Задача, таким образом, сводится к тому, чтобы выявить «целевую аудиторию» марксистских идей в России на рубеже XIX–XX столетий. Каким именно социальным группам и слоям были известны основные положения «Капитала»? Насколько сильным было воздействие марксистских идей? Каким был «удельный вес» «приоритетной целевой аудитории» «Капитала» К. Маркса? Было ли влияние, пусть и опосредованное, марксистских идей на аудитории «вторичные»? Рассмотрению этих вопросов посвящена данная статья.

«Капитал» Маркса и его оценка российской интеллектуальной элитой: «за» и «против»

«Капитал» Маркса, первый русский перевод которого был закончен в 1872 г.[1], вне всяких сомнений, был отлично известен российской профессуре, как и вообще российским мыслителям «всех мастей» — от профессиональных исследователей и аналитиков до общественных деятелей и публицистов. Эта хорошо образованная интеллектуальная элита российского общества была, однако, чрезвычайно неоднородна по своим социально-экономическим и политическим предпочтениям; соответственно, различной была и их оценка марксистских идей.

---

1 Русский перевод «Капитала» действительно расширил круг его читателей, но на профессорско-преподавательскую среду, владеющую иностранными языками, этот факт вряд ли оказал критическое воздействие.

Так, представители либерального народничества — влиятельного направления в русской общественно-экономической мысли второй половины XIX — начала XX вв., были склонны к критике многих положений марксистской теории. Анализируя особенности организации российского сельского хозяйства, частного землевладения и крестьянского землепользования, специфику арендных отношений, общину как стержень русской народной жизни, они приходили к выводу о бесперспективности капиталистического способа производства по отношению к России; они утверждали, что капитализм как общественно-экономический строй не соответствует глубинным принципам российского мироустройства. Широко известен вывод, к которому пришел один из ярких представителей либерального народничества Н.Ф. Даниельсон[2] по итогам своего анализа развития капитализма в России: российский капитализм, писал он, есть нелепая случайность, разоряющая народ. Не следует возлагать на капитализм особых надежд, были уверены и многие другие[3] сторонники этого направления: Россия по типу своему страна некапиталистическая, она изначально идет по другому пути исторического развития, так как необходимых для развития капитализма условий в ней никогда не было; сложившиеся в России своеобразные капиталистические отношения не есть результат длительного естественного развития, как это должно быть и как это было в странах Запада; «русский капитализм» есть явление для России чужеродное, искусственно привнесенное на русскую почву, и, следовательно, не имеющее необходимых и прочных корней и серьезных перспектив развития. Таким образом, влияние марксистских революционных идей на эту группу российского общества вряд ли можно считать действительно сильным и положительным; следовательно, полагать, что данные ими трактовки, оценки,

---

2 Отнесение Н.Ф. Даниельсона к либеральным народникам является распространенным, но не общепризнанным фактом в научной литературе. (См. Эзекиль Адамовский. Н.Ф. Даниельсон в истории русской политической мысли: был ли Плеханов «отцом русского марксизма». http://libelli.ru/magazine/98_4/daniels.htm.)

3 В их числе В.П. Воронцов, С.Н. Кривенко, Н.К. Михайловский, Н.С. Южаков.

полемика по поводу марксистской теории в целом и «Капитала» Маркса, в частности, явились важным фактором, подвигающим российское общество к революции, нет достаточных оснований.

Неолиберально-народнические по своим воззрениям представители российской университетской науки, группа довольно влиятельная в интеллектуальных кругах[4], во многих деталях знавшая «Капитал» и в целом сочувственно относившаяся к марксизму, могут быть определены как сила более влиятельная в продвижении страны к революции, чем академические исследователи и публицисты. Причина проста: они желали и имели возможность передавать свои взгляды социально активной группе людей — студентам, многие из которых хотя бы в силу своего возраста были подвержены сильному влиянию авторитета профессоров.

В профессорско-преподавательской среде были и очевидные сторонники марксизма, разделявшие основополагающие идеи «Капитала» и активно их пропагандирующие среди своих слушателей. Так, «легальные марксисты» утверждали, что капитализм является более прогрессивным общественным строем, чем феодализм. Россия, полагали они, вполне вписывается в общемировую схему социально-экономического развития; нет фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что российский капитализм по своим фундаментальным параметрам радикально отличается от капитализма в странах Запада. Они пришли к заключению, что развитие капитализма в России есть свершившийся факт ее социально-экономической жизни и что некоторые противоречия капитализма вовсе не носят непримиримого характера и могут быть устранены естественным образом при поступательном развитии страны. «Легальные марксисты» желали дальнейшего продвижения России по пути капитализма, но при этом они считали излишними революционные идеи марксизма, настаивая на предпочтительности не революционного, а эволюционного пути развития.

---

[4] В их числе такие авторитетные авторы, как А.И. Чупров, Н.А. Каблуков, А.С. Постников.

Идеи марксизма и российская молодежь: причины популярности марксистской теории в среде студентов

В начале XX в. одним из влиятельных профессоров-марксистов с явным, впрочем, либеральным «уклоном», был М.В. Бернацкий, приват-доцент Санкт-Петербургского технологического института и будущий министр финансов Временного правительства. Бернацкий в целом разделял многие идеи марксистской теории[5]; так, в истории человечества он действительно видел последовательную смену общественно-экономических формаций; соглашался с важностью процесса первоначального накопления капитала в становлении капиталистического общества; признавал, что важнейшим экономическим институтом является частная собственность. Однако он не мог не видеть, что социально-экономические реалии России имели значительную специфику и не вписывались в марксистскую схему; главный вопрос заключался в том, стоит ли стремиться к социалистической революции в стране, основная масса народа которого к ней совершенно не готова?[6] Важно, впрочем, что даже негативное отношение к отдельным положениям марксистской теории и критика «Капитала» не снижала, а скорее усиливала интерес к марксистским идеям.

Влияние как Бернацкого, так и других профессоров на умы студенческой молодежи было значительным; многие студенты разделяли марксистские идеи. По данным социологического обследования[7], которое отразило разные стороны быта и умонастроения столичных студентов накануне Первой мировой войны, около 75% студентов были сторонниками «левых» партий и только 5% студенческой молодежи симпатизировали «правым» партиям. Отметим здесь, что сами

---

5 В частности, М.В. Бернацкий публикует такие свои работы как «Современный капитализм и его денежный аппарат» (1902), «К аграрному вопросу» (1906), «Очерки по истории социализма» (1908), «Германские законодательные новеллы по денежному обращению» (1908).

6 Бернацкий М.В. К аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 18, 19, 48–55.

7 Обследование было проведено именно М.В. Бернацким в 1909–1910 гг. в Санкт-Петербургском технологическом институте. Бернацкий М.В. К характеристике современного студенчества. По данным переписи 1909–1910 гг. Социологическое обследование в Санкт-Петербургском технологическом институте. СПб., 1910.

вопросы в анкетных листках показывают жизнь студентов как в целом весьма благополучную — в противном случае такие заданные им вопросы как: «каковы ваши расходы на жилье, прислугу, еду, книги, газеты, библиотеки, членские взносы, на помощь родным», «что вы предпочитаете из театров — драму, оперу, балет, оперетку, фарс», «играете ли вы на деньги и во что — в карты, лото на биллиарде, в шахматы, в бегах, скачках» — были бы попросту невозможны.

Интересно соотнести интерес и симпатии к марксизму и «Капиталу» со стороны различных групп российского общества с их социальным происхождением и имущественным статусом. Анализ показывает, что в числе «заинтересованных и симпатизирующих» марксизму непропорционально велика была доля дворянства. Вопрос о том, почему это так, по каким причинам властное сословие испытывало интерес и положительно оценивало политическое учение, целью которого была, в частности, ликвидация их особого статуса, на наш взгляд, исключительно важен и требует особого изучения, но можно предположить, что свою критическую роль сыграли два обстоятельства дворянской пореформенной жизни, парадоксальным образом сочетающиеся — очевидное ухудшение их материального уровня и утрата ими ряда социальных монополий и привилегий, а также получаемое ими строгое воспитание, накладывающее запрет на извлечение прибыли из своего положения; предписывающее им стремиться к честности и справедливости; побуждающее их находить причины социальной несправедливости и бедности и устранять их; особое воздействие эти нравственные установки оказывали на молодежь. Очень сильны были бунтарские и анархистские настроения и в среде студентов, вышедших из семей духовенства. Возможно также, что специфика некоторых групп ранней «целевой аудитории К. Маркса» в России и ее готовность и энтузиазм принять революционную марксистскую теорию определялась природными генетическими факторами, присущими многим молодым людям и в значительной степени определяющими их поведенческие привычки и предпочтения: холерики по типу темперамента, бунтари по складу своего характера и по своему видению и пониманию мира, они изначально хотели масштаб-

ных преобразований и потрясений революций и стремились к «разрушению старого мира насилия» и построению общества нового, в котором «тот, кто был ничем», станет «всем».

Принципиально важен, однако, тот факт, что и студенчество, и университетская профессура, и академические исследователи, и публицисты — вся интеллектуальная элита российского общества, становившаяся в начале XX в. все более революционно ориентированной и решительной, была совершенно незначительна в количественном отношении, колеблясь в процентном отношении около одного процента.

Российское крестьянство как особая целевая аудитория марксизма

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.[8], в стране насчитывалось около 17 тысяч врачей, немногим более 7 тысяч инженеров, ученых и литераторов[9]. Вся администрация, полиция, суд, чиновники всех уровней составляли всего 0,76% от общего числа жителей Империи (0,34% в уездах и 3,44% в городах), духовенство также было немногочисленным (0,63% в целом по Империи, 0,53% в уездах, 1,31% в городах), практически такими же были цифры по людям свободных профессий (0,64%; 0,29%; 2,87%)[10].

В таких сферах народного хозяйства как промышленность, строительство, транспорт и торговля, вместе взятых, было занято 14,87% населения страны. Основную же массу населения Российской империи — 74,57% составляли крестьяне, в мас-

---

8 Перепись 1897 года собирала следующие характеристики каждого лица, живущего в пределах страны, а именно: имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность (вопрос о грамотности разбивался на два: «умеет ли читать и где обучался»), занятие, физические недостатки, положение по воинской повинности.

9 История мировой экономики / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 395.

10 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Издание Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел; под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905. [Вып. 8]: Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главнейшие средства существования, 1905.

се своей не получившие даже начального образования: уровень грамотности в стране был низким. Из зарегистрированных в Российской империи 125 640 021 жителей только 21,1% были грамотными (мужчин 29,3% и 13,1% женщин). Положение с грамотностью было существенно лучше в городах, но в городах проживало всего 13,4%[11]. В начале XX в. ситуация изменилась в лучшую сторону, однако и накануне революции 1917 г. основная масса населения империи не умела читать и писать, и — что важно, не особенно к этому и стремилась; большую часть грамотных составляли люди, получившие всего лишь начальное образование. Картина, впрочем, была неоднозначна по губерниям: если центральные губернии давали максимальный процент грамотных, особенно среди мужчин, то количество грамотных на национальных окраинах стремилось к нулю, особенно низкими были показатели для женщин.

Итак, доля людей, в принципе способных просто прочесть «Капитал» Маркса, в масштабе российского общества была очень невелика[12]. Даже если допустить, что все они, ознакомившись с революционными марксистскими идеями, стали их горячими сторонниками и проводниками идей «Капитала» в жизнь, в результате чего именно эта немногочисленная группа становится движущей силой русской революции, то тогда придется признать, что революция по сути своей была вовсе не масштабным народным движением, а своего рода дворцовым переворотом, в котором власть от одной небольшой группы людей перешла насильственным путем к другой группе, также немногочисленной.

Взгляд же на революцию как на широкое движение народных масс[13] требует другого подхода к объяснению событий 1917 года. Предположим, что движущей силой и основным

---

11 Перепись населения Российской империи (1897). См. ст. в Википедии.

12 Ленин не случайно писал об «одичалости народных масс». // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 115.

13 Перепись 1897 г. дает такой портрет российского общества: крупнейшие сословия, в порядке убывания: крестьянство — 77,5%, мещане — 10,7%, инородцы — 6,6%, казаки — 2,3%, дворяне (потомственные и личные) — 1,5%, духовенство — 0,5 %, почетные граждане (потомственные и личные) — 0,3%, купцы — 0,2%, прочие — 0,4%. Перепись населения Российской империи (1897). См. ст. в Википедии.

фактором русской революции были все-таки широкие народные — крестьянские по преимуществу — массы, и рассмотрим общественные настроения народа на рубеже XIX–XX вв.

Очевидно, что формирование политических пристрастий народа напрямую связано с его национальным менталитетом, темпераментом, мировоззрением, способом реагировать на мир. Рассмотрим основные характеристики крестьянской ментальности и то, насколько они соответствовали духу марксизма.

Ментальность российского народа — основа для одобрения марксистских идей?

Важнейшая характеристика крестьянского быта и мышления — общинность. На протяжении всей российской истории община оказывала исключительно сильное влияние на все стороны деревенской жизни[14]. Глубинные основы и истоки общины, как полагали исследователи общины, лежали в «складе русского ума» и «народном духе», характеристиках, чрезвычайно устойчивых и трудно поддающихся изменениям; этот факт использовался в качестве объяснения того, почему община и в начале русской истории, и в начале XX в. была в России не просто преобладающим, но самым мощным народным общественно-экономическим институтом.

По устоявшимся принципам общинного устройства у всех членов общины были равные, хотя и пропорциональные их рабочим силам права на землю. Однако коллективизм как способ организации труда не был в почете у российских крестьян. Стремление народа избегать обобществления быта и совместной работы нашло отражение в многочисленных пословицах и поговорках: «на чужой лошадке не наездишься», «давай жить сообща: ты купишь, а мы есть станем», «вы, братцы, помолотите, а мы поедим», «хватайся сам за доску, пускай другой тонет», «ешь чужие пироги, а свои вперед береги», «мне что до кого? было б мне хорошо», «что мне до

[14] Иванишев Н.Д. О древних сельских общинах в Юго-Западной Руси // Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы: под ред. В.А. Динеса. Саратов, 2008. С. 39.

других? да пропадай хоть и свои», «чужая слеза — вода»[15]. Обычными были противоречия и соперничество между отдельными домохозяевами, мало кто готов был тратить свое время и силы на улучшение общинной земли, зная, что в результате скорого земельного передела она отойдет к соседу. Кооперация внутри крестьянского мира часто носила вынужденный характер. Именно об этом писал М.В. Бернацкий, предупреждая, что и в начале XX в. Россия не готова к жизни по марксистским схемам: российские крестьяне вовсе не желали обобществления производства, не хотели национализации и социализации земли, их идеалом были не большие коллективные, а частнособственнические хозяйства[16].

При этом община, поддерживая бедняков от окончательного разорения, спасая малоспособных к ведению хозяйства крестьян и не позволяя богатеть людям энергичным и предприимчивым, в силу чего самостоятельные и энергичные хозяева, как указывали современники, были «исключительно редки»[17], была изначально ориентирована на «народный» социализм. В целом помыслы бедных крестьян сводились к тому, чтобы «все взять и разделить», богатых — сохранить и приумножить свои земли, хотя и против присоединения к своим кускам соседской земли они также не возражали. Тех, кто хотел земельного передела, в масштабе страны было больше. Итак, издревле присущая крестьянству нацеленность на «усреднение» общества[18] сыграет важнейшую роль в революционных событиях 1917 г.

Ключ к пониманию движущих сил революции 1917 г. лежит также в позиции народа к проблеме «коллектив — личность»: в глазах крестьянина община (мир) стояла несоизмеримо выше личности: «какой большой человек ни приди, а мир его победит», «мир — сила; и рад бы от нее отбиться, да сробеешь», «с миром не поспоришь», «мир не перетянешь»[19].

---

15 Пословицы русского народа. Т. 2. С. 616–622.
16 Бернацкий М.В. К аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 18–19, 48–55.
17 Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872–1887 / Русская община. С. 309.
18 Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. Репр. воспроизведение изд. 1888 г. М., 2011. С. 32.
19 Пословицы русского народа. Т. 2. С. 180–185.

Отсюда недоброжелательность к чужой самостоятельности, индивидуальности, оригинальности и просто к «чужим»; стремление «быть как все», «не высовываться»: «голдить, так всем голдить; а одному голдить, так пропадешь». Неизбежным следствием такого положения вещей было и бесправие отдельного крестьянина по отношению к сельскому сходу.

Традиции общинности вырабатывали у народа склонность к смирению: «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй, а то заедят», «в миру по-своему ничего не рассчитаешь»[20]; страх перед чужой силой, склонение головы перед начальством, но не перед человеком как личностью, с признанием его заслуг, а перед начальственной должностью и «властью вообще» привели к пассивности и долготерпению народа[21], а также выработало желание присоединяться к большинству. Одновременно в психологии людей глубоко укоренилась идея: «мне должны», потому что я «свой» — член общины, живу по ее правилам и связан с другими общинниками круговой порукой. Круговая порука, устойчивая характеристика народной жизни, приводила к отсутствию личной ответственности: «вали на мир — мир все снесет», «в миру виноватого не сыщешь»[22] — психология толпы сыграет значительную роль в распространении революционного процесса. Важно также, что свобода в общине понималась как возможность делать то, что хочешь, в духе анархии и своеволия, а к формальным законам отношение было недоверчивое и даже презрительное: законы внутри общины практически не работали и обыкновенно подменялись обычаями и понятиями: «хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», «где закон, там и обида», «если бы не закон, не было бы и преступника», «нужда закона не знает», «на мир и суда

20 Там же.

21 У многих россиян депрессия вписана в гены, около 30% россиян имеют мутации, повышающие риск развития депрессии и суицидальных настроений. Согласно статистике, депрессия находится в числе лидеров среди психических недугов. Она наносит многомиллиардные убытки мировой экономике каждый год. На сегодняшний день примерно 300 млн жителей Земли (4%) имеют депрессию. Вероятность развития депрессии у человека обусловлена примерно на 38% генетическими факторами. Одна проблемная копия повышает риск депрессии в 2 раза, а двух мутировавших копий — в 4,6 раза. Мутации также грозят сбоями в работе памяти, раздражительностью.

22 Пословицы русского народа. Т. 1. С. 324, 328, 473, 474.

нет», «что мне законы, коли судья знакомы»[23], — говорил народ. Вместо осознанного повиновения закону мир-община подчинялся воле вожака, и важным принципом жизни было: «бей своих — чужие будут бояться», как следствие, уровень бытового насилия был высоким. Итак, народ по многим своим традициям, склонностям, предпочтениям и без знания марксистской теории был готов к действиям, революционным по своей сути: переделу, захвату, перераспределению чужой собственности, в первую очередь, земельной, неподчинению установленным законам и правилам, насильственному «выравниванию» общества[24]. Русское крестьянство, таким образом, можно рассматривать как приоритетную целевую аудиторию для марксистских проповедников: революционная традиция действительно предписывает человеку бороться за переустройство общества, стремиться к установлению социальной справедливости — в том числе и насильственными вооруженными методами.

Важно также, что экономически неэффективный общинный уклад делал трудным, и часто почти невозможным, честное накопление богатства большинством крестьянского населения. Отсюда понятно и особое отношение российских крестьян к собственности, прежде всего, чужой и значительной: почти вся она, думали люди, формируется благодаря тому, что владелец ее просто у кого-то «выпросил» или «обобрал» других, поэтому те, кто богат — жулики и мошенники. Подобное распространенное народное мироощущение, выраженное в знаменитых пословицах[25] — «трудом праведным не наживешь палат каменных», «с топора не богатеют, а горбатеют»[26], неплохо накладывалось на марксистскую теорию эксплуатации. В народе не было и отчетливого деления на «твое» и «мое», что закрепилось в известной формуле: «не украл, а так взял»; уважение к чужой частной собственности формирова-

---

23 Пословицы русского народа. Т. 1. С. 324, 328, 473, 474.

24 См. Русская община / сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. С. 7.

25 Весьма показательно, что эти пословицы и поговорки естественным образом дошли до нашего времени и общеупотребимы и сейчас; социологические опросы с убедительностью показывают, что социально-психологические и ментальные характеристики действительно чрезвычайно устойчивы и меняются крайне медленно.

26 Пословицы русского народа. Т. 2. С. 405, 406.

лось медленно и трудно, и это тоже в целом соответствовало марксистским установкам, в рамках которых «каждый собственник — это вор, или сын вора», эксплуатирующий чужой труд благодаря своей собственности на средства производства. Именно эти устойчивые и распространенные образцы мышления основной массы народа во многом обусловили продвижение России рубежа XIX–XX вв. по тому пути исторического развития, для которого были характерны слабое развитие институтов гражданского общества, рыночных механизмов и института частной собственности, при явном выраженном стремлении к насильственному выравниванию и усреднению общества. Итак, история российского, как и любого другого, народа и в Новое, и в Новейшее время, и накануне революции 1917 года во многом была задана его национальной ментальностью и особенностями национального характера, действительно могущественнейшего фактора в жизни народов[27].

Подведем итоги

«Капитал» Маркса действительно оказал сильное влияние на узкую группу образованных людей, в числе которых — дворянство, чиновники, духовенство, профессура и студенчество. Но весьма вероятно, что социалистическая революция произошла бы в России и без «Капитала» Маркса: вектор движения большинства российского народа именно по этому пути прослеживается со всей очевидностью; распространение же в империи марксистских идей выступило как катализатор и своего рода организатор революционного процесса. Очевидно, таким образом, что в обществе, для которого характерно отсутствие уважения к чужой частной собственности в совокупности с устойчивыми навыками периодических переделов земли как факта народной жизни, весьма вероятны революционные движения, направленные, в частности, и прежде всего на ликвидацию частной собственности как общественно-экономического института; очевидно также, что революционные устремления в таком обществе могут быть легко[28] реализова-

[27] Лебон Г. Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. С. 49–60.
[28] Степень «легкости», с которой совершаются революционные преобразования, напрямую зависит от силы и устойчивости существующего государственного строя, между ними — обратная корреляция.

ны и без воздействия каких бы то ни было дополнительных внешних факторов, в том числе философских и теоретических социально-экономических и политических концепций; однако внешние факторы могут сдерживать или, напротив, ускорять ход развития событий.

Важно, что психологические и поведенческие характеристики современного российского общества также способны предопределять и ближайшее будущее страны; особенно сильным влияние этого фактора может быть при целенаправленном воздействии на народ со стороны средств массовой информации, предлагающих населению разнообразные теоретические построения и их эмоциональные трактовки. Таковы, на наш взгляд, главные уроки революции 1917 года применительно к «Капиталу» К. Маркса в частности и к вектору развития российской истории в целом.

Библиографический список:

1. *Бернацкий М.В.* Германские законодательные новеллы по денежному обращению. СПб., 1908.
2. *Бернацкий М.В.* К характеристике современного студенчества. По данным переписи 1909–1910 гг. Социологическое обследование в Санкт-Петербургском технологическом институте. СПб., 1910.
3. *Бернацкий М.В.* К аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 18–19, 48–55.
4. *Бернацкий М.В.* Очерки по истории социализма. СПб., 1908.
5. *Бернацкий М.В.* Современный капитализм и его денежный аппарат. СПб.,1902.
6. История мировой экономики / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 395.
7. *Лебон Г.* Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. С. 49–60.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. Стат. комитетом М-ва внутр. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905.
9. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 3 т. М., 1993.

10. *Пругавин В.С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. Репр. воспроизведение изд. 1888 г. М., 2011. С. 32.
11. Русская община / сост., ав. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. С. 7.
12. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем, 1872–1887 // Русская община. С. 309.

УДК 329.12(47+57),,19”+330.852(430)
ББК 63.3(2)53–4+65.02(4Гем)д Маркс К.

Хайлова Нина Борисовна,
старший научный сотрудник
Института Российской истории РАН,
доцент, кандидат исторических наук.
Khailova Nina Borisovna,
senior researcher in the Institute
of Russian History of the RAS, professor, PhD in History
nkhailova@yandex.ru

Русские либералы-центристы начала XX в. и идейное наследие Карла Маркса

Russian liberal-centrists of the early XXth century and ideological heritage of Karl Marx

Аннотация. В статье рассматривается отношение русских либералов-центристов начала XX в. к К. Марксу и его учению, в частности, в вопросах отношения к основным факторам и движущим силам общественных перемен, перспективам капитализма, критериям прогресса, отношение к общине и кустарному ремесленному производству. Особое внимание в статье уделено взглядам М.М. Ковалевского.

Ключевые слова: К. Маркс; марксизм; центристский либерализм; М.М. Ковалевский.

Abstract. The article offers the analysis of the attitudes to Marxism of the Russian liberal-centrist's of the early XX century in particular in questions of main factors and forces of social changes, capitalism perspectives, progress criteria, peasant community and handicraft industry. Special attention in the article is paid to M. Kovalevsky's views.

Key words: K. Marx; Marxism; centrist liberalism; M. Kovalevsky.

Под названием «либералы-центристы» (впрочем, достаточно условным) мы подразумеваем когорту общественно-политических деятелей, которые в период активного партийного размежевания в России вслед за Манифестом 17 октября 1905 г. заняли «срединную» позицию между крайними флангами либерального лагеря — кадетами и октябристами. Это — организаторы партий демократических

реформ (ПДР) и мирного обновления (ПМО). Их «звездный час» совпал с первым опытом российского парламентаризма. Впоследствии «центр центра» в российской политике был представлен, прежде всего, фракцией прогрессистов в III и IV Думе, а также одноименной партией, заявившей о себе в 1912 г. Конечным пунктом в эволюции центристского течения в русском либерализме стала Российская радикально-демократическая партия (РРДП), промелькнувшая на политическом небосклоне в 1917 г.[1] История упомянутых организаций либералов-центристов (прогрессистов) — это попытка заполнить «пробел» в российской многопартийности, создать сильную демократическую партию, которая, не будучи враждебной социализму и последовательно поддерживая необходимые на пути к нему реформы, твердо стояла бы на реальной почве. В этом эксперименте, так и не завершившемся к октябрю 1917 г., наряду с либералами-центристами участвовали представители других партий (из числа «умеренных» социалистов, правых кадетов), а также беспартийные прогрессисты[2]. Среди органов периодической печати, наиболее близких по направлению к данному течению общественной мысли и практики, были журнал «Вестник Европы»

---

[1] Организаторами ПДР стали представители петербургской и московской профессуры, известные публицисты. Среди них — обществовед с мировым именем М.М. Ковалевский, экономисты А.С. Посников, И.И. Иванюков, В.Г. Яроцкий и др. Лидером ПМО стал гр. П.А. Гейден, а среди создателей партии был также И.Н. Ефремов — впоследствии бессменный лидер фракции прогрессистов в III и IV Государственной думе, в 1912 г. — член ЦК Партии прогрессистов (наряду с Ковалевским, Посниковым и некоторыми другими бывшими «демреформаторами» и «мирнообновленцами», а также представителями московских торгово-промышленных кругов). В 1917 г. Ефремов — один из руководителей РРДП.

[2] Близок к центристскому течению в либерализме был, в частности, крупный экономист А.И. Чупров. Он не только расширил границы предмета политической экономии (исследовал проблемы истории денежного обращения, финансов, кредита, статистики), но и заложил основы истории этой науки, причем в связи с историей хозяйственной жизни. Кроме того, он стал основоположником российской экономики железнодорожного транспорта. Современники (среди которых и К. Маркс) оценивали исследования Чупрова по железнодорожному хозяйству как выдающее научное явление. Среди видных фигур либералов-центристов — бывший московский городской голова кн. В.М. Голицын. Взгляды либералов-центристов разделял П.Б. Струве, а также один из его ближайших единомышленников А.М. Рыкачев, экономист и публицист. Струве и Рыкачев, наряду с лидерами Партии прогрессистов, входили в 1912–1913 гг. в состав редакции газеты «Русская молва» (1912–13) и журнала «Русская мысль».

и газета «Русские ведомости». С конца 1905 г. именно эти старейшие либеральные издания в России стали объединяющей платформой для первых опытов партийного оформления либерального центризма.

Ориентиры либералов-центристов — ценности «здравого смысла» (гуманизм, разум, солидарность, и т. д.), а потому их взгляды не «вписывались» в рамки какой-либо идеологии. В свою «родословную» они включали, наряду с выдающимися западными либеральными мыслителями, декабристов, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и других деятелей русского освободительного движения. Для них не существовало непроходимой грани между либерализмом и социализмом, а «идеей фикс» являлся поиск «равнодействующей» различных направлений в общественной мысли. Один из основателей русской социологической школы, М.М. Ковалевский, был убежден в том, что различные социальные теории, пройдя проверку временем, могут и должны быть приведены в состояние гармонии. Так, сравнивая двух «антиподов» — Г. Спенсера и К. Маркса, ученый замечал: «Один стоял на страже индивидуальности, другой поднимал голос в защиту прав трудящихся масс. Оба были наиболее последовательными и резкими выразителями тех двух направлений, гармоническое сочетание которых одно может обеспечить, в моих глазах, счастливое развитие человечества»[3]. Полемизируя с авторами книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909), Ковалевский продолжал указывать на несостоятельность «противоположения индивидуального коллективному»: «прогресс личности немыслим без прогресса общественности»[4].

Стремясь к синтезу всего того, что отвечало, по мнению либералов-центристов, «здравому смыслу» в подходе к ре-

---

[3] Цит. по: Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 200. А.М. Рыкачев, младший современник Ковалевского, также опровергал «шаблонные представления о полной противоположности между разноименными школами и о полной однородности внутри каждой отдельной школы» (Рыкачев А.М. Из иностранных экономических журналов // Народное хозяйство. 1904. Кн. 2. С. 168).

[4] Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности (глава из истории прогресса) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст., 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М., 1991. С. 276–279, 293.

формированию России, они проявляли идейную открытость, неприятие доктринерства, видели «зерно истины» в различных учениях об обществе. Особым сочувствием в их среде пользовались взгляды немецких катедер-социалистов. Пристальный интерес они проявляли к английскому опыту — развитию фабианских обществ, кооперативному движению. В 1917 г. прогрессисты и их соратники по Радикально-демократической партии заявляли о близости своей позиции к учению Густава Стеффена, шведского социолога и экономиста. Родственными им «по духу» были и установки ряда западноевропейских политических партий — французских радикал-социалистов, независимых итальянских социалистов, немецких демократических партий[5]. Неизменно сочувствуя социалистическому учению с его идеей о «новой, возможной в будущем организации общества» на основе свободы и социальной справедливости, идеологи либерального центризма вместе с тем не раз выступали с критикой программ и тактики социалистов.

Характерная черта идеологов либерального центризма на всех этапах его развития — сочетание уважения, терпимости к иным взглядам и строго-критического анализа аргументов оппонентов — проявилась и в отношении марксистской теории. Оценив «прорывнóе» значение идей автора «Капитала», они, в конечном итоге, пришли к выводу о том, что «ход жизни указал ошибочность многих весьма существенных положений Маркса»[6].

Знакомство с марксизмом представителей либерального центризма оказало влияние на их профессиональное становление и общественные взгляды. В этой связи показательна история общения с Марксом М.М. Ковалевского. Встреча 24-летнего выпускника российской магистратуры с признанным научным авторитетом произошла зимой 1874/75 гг. в Лондоне и переросла в многолетние дружеские и деловые отношения. Почти 20 лет они состояли в переписке. Однако общение двух ученых не исчерпывалось отношениями учителя и ученика. Между ними шел интеллектуальный диалог «на равных».

[5] Отечество (Пгр.). 1917. № 10, 27 июля; № 46, 8 сент.
[6] Иванюков И.И. История хозяйственного быта. СПб., 1909. С. 404.

Маркс был «в числе внимательных чтецов» «Критического обозрения», издаваемого Ковалевским (1879–1880), посоветовал ему написать монографию о земельной общине в Индии[7]. После публикации работы, высоко оценив исследование «дорогого друга», Маркс составил подробнейший (около 7 п. л.) конспект книги.

На склоне лет Ковалевский вспоминал: «В лице Маркса я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности». Сохранив благодарную память о «дорогом учителе» как «благороднейшей и даровитейшей натуре», русский ученый признавал: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы, и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений»[8]. Свидетельством того, что Ковалевский оказался достойным «учеником», стали его собственные фундаментальные труды[9].

Творчески усвоив идейный багаж немецкого «титана мысли», Ковалевский однако пошел «своим путем». В подаренном ему автором первом томе «Капитала» русский коллега Маркса нашел еще одно подтверждение того, что «всякое уклонение от позитивного метода и, более всего, приложение к научным исследованиям положения «les grandes idées viennent du coeur» [«великие идеи рождаются в сердце»] — неизбежно ведет к часто бессознательному заблуждению»[10]. Критически оценивая марксизм, Ковалевский, вместе с тем, был далек от мысли, «чтобы Марксу и его ближайшему про-

---

7 Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Репр. воспроизведение изд. 1879 г. М., 2011.

8 Ковалевский М.М. Моя жизнь... С. 198, 200.

9 Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии (т. I–III. М., 1895; т. IV. М., 1897; 2-е изд.: М., 1899–1900); он же. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства (т. I–III. М., 1898–1903; Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. Berlin, 1901–1914).

10 Цит. по: Стулов П.М. М.М. Ковалевский о Марксе (1875 г.) // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 3. Стб. 35.

должателю Энгельсу была присуща та односторонность, которой страдают некоторые из их последователей»[11].

Стремление к максимально объективному анализу марксистского учения отличало и членов редакторского круга «Вестника Европы» (к которому был близок Ковалевский). На страницах издания были представлены разные мнения по поводу новой научной теории. Так, непосредственно вслед за выходом русского перевода «Капитала» в журнале появилась рецензия экономиста И.И. Кауфмана, который высоко оценил труд Маркса[12]. В конце 1870-х гг. публикацией критической статьи Ю.Г. Жуковского[13] «Вестник Европы» инициировал полемику в русской прессе о вкладе Маркса в экономическую теорию[14]. В 1896–1897 гг. именно издание М.М. Стасюлевича представило и едва ли не первый в России всесторонний и об-

---

11 Цит. по: Сошнева Е.Б. М.М. Ковалевский о закономерностях общественно-экономического развития России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1. С. 106.

12 Автор рецензии отмечал, что книга Маркса имеет «трoякую цену: она, во-первых, дает новые самостоятельные выводы, полученные автором из исследований таких вопросов, за которые до него вовсе не брались; во-вторых, она дает систематическую критику главных оснований современного экономического строя; наконец, в-третьих, она представляет громадный запас историко-литературных и культурно-исторических сведений, весьма метко характеризующих развитие капитализма. …Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения» (Кауфман И.И. Точки зрения политико-экономической критики у Карла Маркса // Вестник Европы. 1872. Кн. III. С. 427–429). По свидетельству Ковалевского, «из всего написанного о ″Капитале″ в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана» (Цит. по: Ковалевский М.М. Моя жизнь… С. 191).

13 См.: Жуковский Ю.Г. Карл Маркс и его книга о капитале // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 64–105.

14 В «Северном вестнике» (11 окт. 1877 г.) отмечалось, что статья Жуковского представляет собой «едва ли не первую попытку в русской журналистике отнестись строго критически к теории немецкого ученого и определить его место в ряду других экономистов настоящего времени». По свидетельству исследователей, полемика, вызванная статьей, стала «самым ярким проявлением интереса к ″Капиталу″ К. Маркса в России [18]70-х годов». В ней участвовали известные ученые и публицисты — Н.К. Михайловский, Н.И. Зибер, Б.Н. Чичерин. См.: Реуэль А.Л. Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 252–286.

стоятельный «разбор» марксизма, причем весьма нелицеприятный. Серию статей подготовил известный публицист, член редакторского круга «Вестника Европы», Л.З. Слонимский[15]. Авторитет экономической теории Маркса в России автор объяснял двумя причинами: во-первых, тем, что «по богатству научно-литературного балласта и по кажущейся логической силе и категоричности своих положений она могла быть серьезно принята за последнее слово западноевропейской экономической науки», а во-вторых, тем, что «она представляет собою… наиболее полную и решительную теоретическую защиту интересов трудящихся народных масс». Слонимский называл увлечение марксизмом «погоней за призраками», связывая это с характерным для отечественной общественной мысли явлением — «слабостью к отвлеченным теориям, не имеющим ничего общего с потребностями и условиями окружающей действительности».

Слонимский признавал научной заслугой Маркса лишь «настойчивое указание на сложный общественный характер частных хозяйственных отношений и выяснение условий и особенностей новейшего роста крупной промышленности». По его словам, «Капитал» следовало признать «наиболее выдающимся и типическим продуктом соединения немецкой учености и диалектики с английскими промышленными идеями и доктринами». Что касается практической значимости доктрины Маркса, то Слонимский не находил в ней положительно-

15 См.: Слонимский Л.З. Маркс и его школа. — Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Bd. I–III. 1867–1894 // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 289–308; он же. Экономическая теория Маркса // Там же. 1896. № 4. С. 809–836; № 5. С. 267–285; он же. Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. № 7. С. 357–372; № 8. С. 775–807; № 9. С. 299–320; Он же. Учение Маркса в жизни и литературе // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 768–790; он же. Карл Маркс в русской литературе // Вестник Европы. 1897. № 8. С. 765–779; № 10. С. 745–763. Среди откликов на данные публикации в русской прессе см.: Ратнер М.В. Карл Маркс и его русский критик Слонимский // Русское богатство. 1897. № 5. С. 101–128. В Берлине вышел немецкий перевод статей Слонимского (Karl Marx’s national-oekonomische Irrlehren. Eine kritische Studie. Uebersetzt und eingeleitet von Max Schapiro, Berlin (Verlag von Johannes Räde), 1897), а затем — русское издание (Экономическое учение Карла Маркса (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Bd. I–III. 1867–94). Изложение и критический разбор Л. Слонимского. СПб., 1898).

го потенциала, поскольку она «приводит к неправдоподобной и неосуществимой утопии, направляющей рабочий класс на ложную дорогу.., исключает возможность соглашения между трудом и капиталом и бесцельно обостряет борьбу классов. Людям, не имеющим ничего или почти ничего, она обещает все; она предполагает присвоение всех промышленных богатств рабочему пролетариату, господство мускульного труда над умственным, исполнительной работы над устроительною, механической рутины рабочих масс — над предприимчивостью, изобретательностью и организаторским искусством отдельных лиц»[16]. Не оставил без внимания публицист и характерные черты Маркса как полемиста («озлобленного скептика»), «мало похожие на приемы истинного ученого»[17].

В целом, конструктивный настрой Слонимского позволил ему выделить сильные и слабые стороны марксизма, на которые неоднократно обращали внимание либералы-центристы и их соратники. При всем «разномыслии» в их среде по поводу тех или иных положений марксистской теории[18], они отдавали

---

16 Слонимский Л.З. Карл Маркс в русской литературе // Вестник Европы. 1897. № 8. С. 765–766.

17 Слонимский Л.З. Учение Маркса в жизни и литературе // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 772–773; он же. Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. № 9. С. 319–320.

18 В частности, среди деятелей, близких к центристскому течению русской либеральной мысли, существовали противоположные взгляды на учение К. Маркса о закономерности и последствиях процесса концентрации средств производства. Так, И.И. Иванюков признавал это учение центральной идеей марксизма как теории современного общественного развития. Он разделял идею о том, что поглощение мелкого капитала крупным создает почву для будущего социалистического производства, «ибо благодаря ему производство становится… все более общественным» (Иванюков И.И. История хозяйственного быта… С. 407–408). Слонимский, однако, полагал, что «общественные формы частных предприятий скорее усиливают, чем ослабляют значение частных интересов в обществе», так как «соединение многих мелких капиталистов в одну крупную компанию далеко не равносильно отречению их от своих отдельных капиталов в пользу всего общества» (Слонимский Л.З. Карл Маркс в русской литературе // Вестник Европы. 1897. № 10. С. 754–755). Отсюда — закономерный вывод публициста: «Мнимый постепенный переход от частной капиталистической формы производства к общественно-коллективной есть только соблазнительная фикция, построенная на произвольной игре словами и понятиями» (Слонимский Л.З. Учение Маркса в жизни и литературе // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 772).

должное вкладу К. Маркса в «копилку» мировой мысли как «главному теоретику новейшего социализма»[19] и «одному из ученейших исследователей существенных отделов политической экономии, именно — учений о ценности, деньгах, капитале в историческом движении промышленности, оказавшему сильное влияние на современную постановку этих теорий»[20]. Главная же заслуга К. Маркса, по их мнению, заключалась в обосновании идеи закономерности истории, провозглашении социального прогресса основным законом общественного развития, выделении в этом процессе общих для всех народов этапов (стадий). В согласии с марксистской теорией находилась и убежденность идеологов либерального центризма в том, что эволюция России происходит в русле западной цивилизации. Вместе с тем, представители либерального центризма внесли собственный оригинальный и значимый вклад в развитие теории прогресса (прежде всего, Ковалевский)[21], выступили с аргументированной критикой марксистских взглядов по вопросу об основных факторах и движущих силах общественных перемен, а также о перспективах капитализма.

Либералы-центристы разоблачали «воображаемый антагонизм между задачами материальными и нравственными, между интересами экономическими и общественно-юридическими,

---

[19] Так, И.И. Иванюков, один из первых (наряду с Н.И. Зибером) популяризаторов экономического учения К. Маркса в России, видел главную научную заслугу немецкого ученого в открытии «экономического закона движения современного общества». Называя Маркса последователем («по своему социальному идеалу») более ранних социалистов, Иванюков указывал на важное отличие творца «Капитала» от предшественников: «Мир будущего являлся в изображении социалистов первой половины XIX века таким глубоким контрастом сравнительно с миром настоящего, что казалось непонятным, как переберется человечество через бездну, отделяющую оба эти мира. Нужно было указать в капиталистическом обществе элементы и силы, способные осуществить великое социальное преобразование, к которому с таким энтузиазмом утописты призывали человечество. Это именно и сделал Маркс. Путем обобщения реальных фактов исторического развития, Маркс попытался выяснить, в каком направлении идет это развитие, какие новые общественные формы с железной необходимостью вырастают из недр старого общества; он показал, что движущие силы грядущего социального преобразования создаются самим развитием капиталистического хозяйства». // Иванюков И.И. История хозяйственного быта… С. 399–400.

[20] Чупров А.И. Очерки истории политической экономии. М., 1899. С. 124.

[21] См.: Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 35–40.

между идеями морально-философскими и утилитарными», выступали против необоснованного, по их убеждению, возведения «узко-материального промышленного эгоизма на степень господствующего, основного фактора исторической жизни народов»[22]. Сторонники многофакторного подхода, они настаивали на равнозначности всех условий, определяющих ход событий. Особо выделялась ими роль идей в прогрессе общества[23].

Ковалевским была разработана собственная плюралистическая концепция социальной причинности. Придавая важное значение экономической составляющей в развитии общества, он приходил к выводу о том, что экономические процессы «играют особенно крупную роль в период, простирающийся от начала истории до нашего времени, в доисторические же времена господствует обычай, а в будущем последует преобладание нравственного фактора»[24]. В том же русле развивал свои взгляды Рыкачев. Он обосновывал «безусловное верховенство» в общественном развитии «этического начала над политическим», первостепенность «идеологических, духовных факторов жизни» по сравнению с «примитивными потребностями и склонностями людей, эгоистическими мотивами в их социальной деятельности»[25].

Взгляд на политику и экономику в контексте этической проблематики, акцент на необходимости духовно-нравственных критериев в оценке общественных явлений, рассмотрение культуры как одного из важнейших факторов прогресса, — это еще одна значимая характеристика позиции либера-

---

22 Слонимский Л.З. Маркс и его школа // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 291.

23 Основатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич трактовал историю как «продукт человеческого разума» (Стасюлевич М.М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866. С. 19–21). Определяющая роль в судьбах народов и государств принадлежит не «деяниям человеческим», а исключительно идеям («их развитию, последовательному росту, степени восприятия их народами»), и, прежде всего, — идее о прогрессе как «истинном рычаге человеческого бытия», — полагал Голицын (Голицын В.М. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 27. Л. 277).

24 [М.Г.] Парижский социологический конгресс [окт. 1894 г.] // Русское богатство. 1895. № 3. С. 85.

25 Корнилов А.А. Памяти Андрея Михайловича Рыкачева. — I. Страничка из воспоминаний // Русская мысль. 1915. № 1. С. 186; [Л.Г.] А.М. Рыкачев [Некролог] // Северные записки. 1914. № 12. С. 174.

лов-центристов. Не приемля жесткий экономический детерминизм Маркса в отношении будущего, Иванюков, в частности, критиковал Маркса за попытку подмены «социального идеала — социальным предвидением». «Хотя будущее подчинено закону причинности, как и прошедшее… наше познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя, таким образом, широкий простор для нашей воли… Не социальное предвидение, а социальный идеал является верховным вождем в социальной борьбе», — утверждал Иванюков. Он полагал, что пренебрежение марксистов к социальному идеализму «не только теоретически неправильно, но и практически вредно»[26].

Либералы-центристы особо выделяли т. н. творческий фактор в общественном развитии, имея в виду человеческую волю и сознание, индивидуальную предприимчивость. Принимая, в общем, тезис марксистов о том, что «всякая очень крупная историческая личность есть продукт своего времени, места и вообще данных исторических условий», а потому «отражает в себе назревающие новые цели и интересы коллективного сознания целого общества или некоторых групп», они не склонны были преуменьшать роль индивидуальных усилий людей. «Вообще же, чем сложнее строение обществ, тем менее одна личность может влиять на ход исторического развития, будучи в состоянии лишь временно его ускорять или тормозить», — заключал, в частности, В.Г. Яроцкий, особо подчеркивая роль «сознательного коллективного творчества» в преобразовании общества[27].

«Будущее — удел социализма» (кн. В.М. Голицын) — уверенность в этом сближала ряд идеологов либерального центризма с социалистами. В то же время их «разводил» по разные стороны «барьера» вопрос о движущих силах прогресса — путях достижения цели и используемых для этого средствах. Либералы-центристы считали несостоятельным учение К. Маркса о классовой борьбе и революциях как «локомотивах истории». В основе их убеждений — неприятие насилия, отказ от преувеличенного значения классовых и партийных про-

[26] Иванюков И.И. История хозяйственного быта… С. 414–415.
[27] Яроцкий В.Г. Односторонняя теория экономического развития… С. 27–28.

тиворечий, стремление к мирному решению проблем путем разумных компромиссов, установлению отношений доверия, гармонии интересов.

По Ковалевскому, критерий прогресса — это рост общественной солидарности[28]. Как результат данного процесса (а не продукт непримиримой классовой борьбы) ученый рассматривал государство и право. Неизменной оставалась позиция либералов-центристов и их соратников и в период революции 1917 г. Они по-прежнему делали ставку на объединение общественности в лице «трудовой демократии», горячо сочувствовали идее коалиции, были уверены в необходимости создания политического «центра» — рассматривали его как наиболее эффективный механизм межпартийного сотрудничества, инструмент взаимодействия власти и общества.

Не революция, а — эволюция, путь реформ. Таким представлялся либералам-центристам оптимальный путь общественного развития. Признавая при определенных условиях возможность социального прогресса посредством революций и войн, они подчеркивали ненормальность (патологический характер) такого способа решения проблем. По их убеждению, главные причины революций — это, прежде всего, отсутствие адекватной и своевременной реакции верховной власти на накапливающиеся противоречия, запаздывание в проведении реформ, а во-вторых, нетерпение тех или иных радикальных сил, их желание ускорить естественный процесс общественного саморазвития. «Мысль разом переделать что бы то ни было, в один миг создать новый порядок вещей, новую религию и новую мораль не имеет ничего общего с нашими взглядами», — разъяснял Ковалевский позицию своих соратников по ПДР. Он предупреждал об опасности насилия над историей, настаивал на том, что «нельзя требовать сразу низвержения всего суще-

---

28 Ковалевский предвидел перспективу объединения национальных государств в федеральные союзы и в дальнейшем — образование единого мирового союза государств (первоначально в масштабе Европы) на основе экономической интеграции. Обоснованием этой закономерности, по Ковалевскому, могла служить экономическая эволюция: переход от «хозяйства орды и племени» к «национальному хозяйству», а в будущем — установление «всемирного хозяйства» // Ковалевский М.М. Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды. Вступительная лекция, читанная в Institut des Hautes Etudes в Брюсселе. СПб., 1899. С. 28.

ствующего порядка», следует лишь прилагать усилия к его «модификации в желательном для истории смысле»[29].

Что же касается войн, то Ковалевский, с одной стороны, признавал их неизбежность в древнем и средневековом обществе, где интересы завоевания (или, напротив, защиты от завоевателей) преобладали над интересами культуры и торговли. С другой стороны, он пришел к выводу, что со временем, под влиянием развития экономики и научных знаний, общественный прогресс все в большей степени осуществляется мирными путями, подчиняясь сознательным усилиям людей в данном направлении. Ковалевский был убежден: войн можно избежать путем мирного улаживания спорных вопросов. Столь же страстным пацифистом был и кн. В.М. Голицын, о чем красноречиво свидетельствует его дневник. Идее служения миру посвящал свои силы на протяжении жизни Ефремов, получив на этот поприще международное признание[30].

Как оценивали либералы-центристы перспективы капитализма? Разделяя выводы Маркса о закономерности и неизбежности капитализма, нарастании противоречий этого строя, они в то же время вовсе не считали капитализм обреченным в обозримой перспективе. В этой связи Слонимский считал безосновательным вывод Маркса о том, что «монополия отдельных лиц на средства и орудия труда должна быть уничтожена, а частная собственность — заменена коллективною». Публицист заявлял о том, что справедливое размежевание противоположных экономических прав и интересов («охрана слабых против сильных») не должно приводить к тому, чтобы частные права были всецело поглощены публичными: «Обществу должно принадлежать то, чтó есть прямой результат общественности; но идти дальше этого, отнимать у личности плоды ее частных усилий, налагать руку на всю индивидуальность человека в области экономической деятельности, ради устранения недостатков и злоупотреблений существующего промышленного

[29] Цит. по: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг.: док. и материалы / сост. Н.Б. Хайлова. М., 2002. С. 31–32.

[30] См.: «Французский журнал Международного права называет меня отцом примирительного производства…» Воспоминания депутата I, III и IV Государственных дум И.Н. Ефремова. 1932 г. // Исторический архив. 2014. № 4. С. 88–114.

строя, — это значило бы, по немецкой пословице, ″выбросить ребенка из ванны, чтобы вылить из нее воду″»[31].

С обоснованием необходимости создания новой теории капиталистического развития («апологии капитализма») выступил накануне Первой мировой войны Рыкачев. При этом ученый подчеркивал, что его «оправдание капитализма» не является «оправданием эксплуатации и эксплуататоров», а новая теория должна, прежде всего, «вскрыть животворящие силы, заключающиеся в самой сущности капитализма и обещающие человечеству освобождение от современных противоречий». Рыкачев был убежден в том, что на рубеже XIX–XX вв. данная цель была особенно актуальной для России и «почти совпадала с оправданием западной культуры»[32].

Его личным вкладом в решение поставленной задачи стал его главный труд — книга «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма. Часть I. Деньги» (СПб., 1910)[33]. «Сила денег призвана служить оплодотворению сил природы и воспитанию сил и способностей человека, …воспитанию здорового индивидуализма. Она должна заменить мораль безрадостного самоотречения облагороженной религией успеха»[34], — не раз убежденно заявлял автор.

---

31 Слонимский Л.З. Учение Маркса в жизни и литературе // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 770–772. «Нет спора, что в экономической борьбе рабочие слабее фабрикантов, — подчеркивали деятели ПДР. — Но разве из-за этого возможно забывать, что фабриканты тоже имеют реальные интересы, разрушать которые было бы нелепо со стороны государства?» — ставился резонный вопрос на страницах «Вестника Европы» в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Европы. 1907. № 4. С. 845.

32 Рыкачев А.М. Деньги и денежная власть: опыт теорет. истолкования и оправдания капитализма. Ч. 1. Деньги. СПб., 1910. С. 2–4.

33 Книга Рыкачева привлекла к себе внимание ученых и общественных деятелей. П.Б. Струве не сомневался, что она «навсегда останется в нашей экономической литературе как произведение зрелой и самобытной мысли, интересное не только для экономиста-теоретика, но и для социолога и философа. В литературе о деньгах труд Рыкачева должен занять место рядом с «Философией денег» Зиммеля и с известной немецкой монографией японца Кихира Сода» (Струве П.Б. А.М. Рыкачев [Некролог] // Русская мысль. 1914. № 12. С. XV). Высоко оценили труд Рыкачева также С.Л. Франк (Франк С.Л. Капитализм и культура // Московский еженедельник. 1910. № 16, 17 апр. Стб. 42), Г.В. Плеханов и др.

34 Рыкачев А.М. О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. 1913. № 10. С. 43–44.

Либералы-центристы были в числе первых в России разработчиков проблемы социальной ответственности предпринимателей. Вопрос об этом поставил Яроцкий еще в конце 1880-х гг. Он полагал, что капиталисты-предприниматели выполняют особую общественную функцию «по обеспечению сравнительно наивыгоднейших для народного хозяйства способов и условий производства», за что и получают вознаграждение в виде прибыли. С другой стороны, государство имеет право вмешиваться в частнохозяйственную деятельность, так как оно оказывает существенные услуги капиталистам. Но «где должно начинаться и чем должно ограничиваться регулирование в более широком смысле ответственности предпринимателей силою различных действующих стимулов общежития… где лежат границы законных претензий борющихся между собой общественных классов», — Яроцкий считал обязанностью ученых дать ответы на эти «самые жгучие вопросы современной политэкономии». С этой целью сам он ввел в научный оборот понятие «экономическая ответственность предпринимателей», которое он предложил трактовать как «совокупность обязанностей, которые могут быть возлагаемы законодательством на предпринимателей в силу сознания необходимости так или иначе регулировать отношения их к рабочим или условия пользования рабочей силой человека»[35].

Бурный рост экономики России накануне Первой мировой войны вновь включил в «повестку дня» общественную дискуссию на тему: «Могут ли предприниматели и купцы служить своей стране, служить общественному интересу?». Пожалуй, наиболее ярким и оригинальным ответом на данный «вызов» стала серия полемических статей Рыкачева, опубликованных в «Русской молве» и «Русской мысли» в конце 1912-го – 1913 гг. Автор обосновывал безусловно утвердительный ответ на упомянутый вопрос. Выступление Рыкачева вызвало заметный общественный резонанс. Его оппонентами стали известный промышленник Н.Ф. фон Дитмар, а также М.И. Туган-Барановский, П.А. Сорокин, М.О. Гершензон[36].

---

35 Рыкачев А.М. Деньги и денежная власть… С. 1.

36 См. об этой полемике: Хайлова Н.Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013. С. 180–203.

Особую позицию занимали либералы-центристы и в дискуссиях по вопросу о перспективах развития крестьянской общины, кустарно-ремесленной промышленности. Слонимский, в частности, выражал мнение многих, указывая на «очень невнимательное» отношение автора «Капитала» к вопросам «землевладения и земледелия», фактическое игнорирование им «принципиальных различий между землею и другими ″средствами производства″». Он приходил к выводу о том, что «отдел 3-го тома ″Капитала″, посвященный поземельной ренте и землевладению, должен быть признан самым слабым местом в книге Маркса»[37].

Экономисты — идеологи либерального центризма обосновывали жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства[38], считали неприемлемым насилие в отношении крестьянской общины. Обращая внимание на необходимость учета специфики исторически сложившихся форм хозяйства, они выступали и в защиту артелей, кустарных промыслов. По их мнению, община и артель представляли собой предпосылки для развития кооперации. Подчеркивалась важная роль традиционных форм организации труда не только в деле обеспечения эффективности экономики, но и как стабилизаторов социально-политической ситуации в стране.

Необходимой мерой признавалась государственная поддержка ремесла. Либералы-центристы и их единомышленники предложили собственный вариант решения и данной проблемы, исходя из «здравого смысла». Рыкачев, в частности, заявлял: «Современное отрицательное отношение к ремесленникам и ремеслу и жестоко, и опрометчиво. Жестоко хоронить заживо людей, вынужденных вести тяжелую борьбу за существование, как бы ни ошибались эти люди в некоторых своих взглядах и требованиях. Пусть ремеслу как форме хозяйства

---

37 Слонимский Л.З. Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. № 9. С. 319; он же. Карл Маркс в русской литературе // Вестник Европы. 1897. № 8. С. 767.

38 Иванюков, в частности, обращал внимание на то, что в сельском хозяйстве не наблюдается концентрации производства, характерной для эволюции промышленности: «Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет, в большинстве случаев, на счет этого последнего» // Иванюков И.И. История хозяйственного быта… С. 409.

суждено в будущем исчезнуть с лица земли, но современные-то ремесленники, страдающие от конкуренции капиталистов и от других причин, ведь это живые люди, которых можно учить, просвещать, поддерживать, ободрять и можно озлоблять, принижать, обижать. Нельзя же ограничиться одним только советом: бросайте ваши ремесленные заведения и превращайтесь все в капиталистов или в фабричных рабочих!.. Кроме того, ремесленники в общей массе все еще представляют значительную общественную силу»[39]. Рыкачев предлагал рассматривать положение наемных участников ремесленного производства как часть рабочего вопроса, распространить законодательную охрану труда на ремесленную промышленность, заимствуя в этом деле опыт Западной Европы.

Очевидно, что лидеры либерального центризма, критически усвоив марксистское учение, а также другие идейные течения рубежа XIX–XX вв., внесли свой значимый вклад в развитие научного знания, поиск путей общественного развития. Их взгляды продолжают сохранять актуальность и в наши дни.

Библиографический список:

1. *Голицын В.М.* Дневник // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75. Д. 27, 29, 30.
2. *Жуковский Ю.Г.* Карл Маркс и его книга о капитале // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 64–105.
3. *Иванюков И.И.* История хозяйственного быта. СПб., 1909.
4. *Кауфман И.И.* Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса // Вестник Европы. 1872. Кн. III. С. 427–436.
5. *Ковалевский М.М.* Взаимоотношение свободы и общественной солидарности (глава из истории прогресса) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст., 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М., 1991. С. 269–293.
6. *Ковалевский М.М.* Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды. Вступительная лек-

[39] Рыкачев А.М. Из иностранных экономических журналов // Народное хозяйство. 1904. Кн. 2. С. 149.

ция, читанная в Institut des Hautes Etudes в Брюсселе. СПб., 1899.
7. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.
8. *Ковалевский М.М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Репринт. воспроизведение изд. 1879 г. М., 2011.
9. *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии. Т. I–III. М., 1895; Т. IV. М., 1897 (2-е изд. М., 1899–1900).
10. *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. I–III. М., 1898–1903 (Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. Berlin, 1901–1914).
11. *Корнилов А.А.* Памяти Андрея Михайловича Рыкачева. I. Страничка воспоминаний // Русская мысль. 1915. № 1. С. 185–188.
12. [Л.Г.] А.М. Рыкачев [Некролог] // Северные записки. 1914. № 12. С. 173–174.
13. [М.Г.] Парижский социологический конгресс [окт. 1894 г.] // Русское богатство. 1895. № 3. С. 81–91.
14. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов, 1906–1916 гг.: док. и материалы / сост. Н.Б. Хайлова. М., 2002.
15. *Ратнер М.В.* Карл Маркс и его русский критик Слонимский // Русское богатство. 1897. № 5. С. 101–128.
16. *Реуэль А.Л.* Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956.
17. *Рыкачев А.М.* Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма. Ч. 1. Деньги. СПб., 1910.
18. *Рыкачев А.М.* Из иностранных экономических журналов // Народное хозяйство. 1904. Кн. 2. С. 149–172.
19. *Рыкачев А.М.* О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. 1913. № 10. С. 29–48.
20. *Слонимский Л.З.* Маркс и его школа. Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Bd. I–III, 1867–1894 // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 289–308.
21. *Слонимский Л.З.* Экономическая теория Маркса // Вестник Европы. 1896. №4. С. 809–836; № 5. С. 267–285.

22. *Слонимский Л.З.* Капитализм в доктрине Маркса // Вестник Европы. 1896. № 7. С. 357–372; № 8. С. 775–807; № 9. С. 299–320.
23. *Слонимский Л.З.* Учение Маркса в жизни и литературе // Вестник Европы. 1897. № 2. С. 768–790.
24. *Слонимский Л.З.* Карл Маркс в русской литературе // Вестник Европы. 1897. № 8. С.765–779; № 10. С. 745–763.
25. *Сошнева Е.Б.* М.М. Ковалевский о закономерностях общественно-экономического развития России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1. С. 103–109.
26. *Стасюлевич М.М.* Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866.
27. *Струве П.Б.* А.М. Рыкачев [Некролог] // Русская мысль. 1914. № 12. С. XIII–XVI.
28. *Стулов П.М.* М.М. Ковалевский о Марксе (1875 г.) // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 3. Стб. 35–38.
29. *Франк С.Л.* Капитализм и культура // Московский еженедельник. 1910. № 16, 17 апр. Стб. 37–42.
30. *Хайлова Н.Б.* Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. С. 5–52.
31. *Хайлова Н.Б.* Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.
32. *Чупров А.И.* Очерки истории политической экономии. М., 1899.
33. *Яроцкий В.Г.* Односторонняя теория экономического развития. СПб., 1896.
34. *Яроцкий В.Г.* Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. I: Ответственность предпринимателей как основание законодательного регулирования отношений хозяев и рабочих. СПб., 1887.
35. Karl Marx' national-oekonomische Irrlehren. Eine kritische Studie. Uebersetzt und eingeleitet von Max Schapiro, Berlin (Verlag von Johannes Räde), 1897 (Экономическое учение Карла Маркса (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Bd. I–III. 1867–94). Изложение и критический разбор Л. Слонимского. СПб., 1898).

УДК 330.852(430)::(47+57)
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.

Еремьянов Юрий Олегович,
студент 4 курса факультета управления
и политики МГИМО
Yeremyanov Yuri,
student of the 4th course of the School
of Governance and Politics, MGIMO University
yeremyanov-96@yandex.ru

Как читали «Капитал» в перестройку? Взгляды на наследие Маркса на рубеже эпох

As «Capital» was read in the time of Perestroika?
The views on «Capital» by Karl Marx at the turn of the eras

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды на марксизм в научных и публицистических трудах в переломный для СССР период перестройки. Были выделены основные тренды во взглядах на наследие Карла Маркса среди журналистов и исследователей — от радикальной критики до призывов к переосмыслению. Критика марксизма часто вторила неолиберальным идеям Людвига Мизеса, чьи работы впервые были опубликованы в СССР в период перестройки. Однако вопреки некоторым мнениям, появившимся в перестройку, многие авторы соглашались с тем, что марксизм не изжил себя и может быть использован в современном мире, так как проблемы, описанные Марксом, продолжают существовать и сегодня.

Ключевые слова: перестройка; марксизм; «Капитал», критика.

Abstract. In this article the author offers a review of the views on Marxism during the years of Perestroika, a period that declared total renewal of society in the USSR. The author outlines trends concerning Marxism among scientists and journalists that took place at that time. The critics of Marxism were often influenced by the neoliberal free-market ideas, developed by Ludwig Mises whose works were first published in the Soviet Union in times of Perestroika. However, contrary to some suggestions raised at the times of Perestroika, many authors agreed that Marxism is not outdated and could still be used in a modern world as problems described by Marx did not cease to exist in the entire world.

Key words: Perestroika; Marxism; «Capital», critics.

Одной из целей перестройки было «новое политическое мышление», согласно М.С. Горбачеву. Курс на перемены объ-

яснялся потребностью в переустройстве социально-экономической системы общества. Это время ознаменовало возникновение нового слоя мнений, по-разному описывающих пути выхода из кризисного состояния советской экономики — от умеренных структурных реформ до радикальной замены на более прогрессивные пути. Проводившие перестройку имели перед собой официальную цель построить новый социализм. Они считали прежнее государство, построенное по принципам марксизма-ленинизма, обреченным на дальнейшую деградацию и вообще не соответствующим изначальным социалистическим ожиданиям. Идеологи перестройки указывали на слепой догматизм приверженцев прежней системы в государстве и оправдывали этим собственные полномочия пересматривать положения, казавшиеся основными, практически незыблемыми для СССР.

Так или иначе строй того времени готовили к переменам. Нельзя обойти вниманием и отношение к основам этого самого строя. Если «новое мышление», то и основываться оно должно на чем-то новом. Формального отступления от заветов Маркса/Энгельса/Ленина не произошло — Горбачев по-прежнему упоминал классиков. Но так как планы перестройки шли далеко, то затрагивались сферы, описанные в «Капитале» Карла Маркса, — несомненно, основополагающей работе для всякого коммуниста. Новая экономическая система потенциально должна была повлиять на отношение людей к труду, распределению благ, конкуренции, собственности, капитализму самому по себе и прочим явлениям, свой взгляд на природу которых изложил в «Капитале» Маркс. Эпоха «гласности» сняла барьеры для критики учения Маркса также и в вопросах восприятия истории и философии.

О переменах Горбачев заговорил еще в 1985 г., но начало дифференциации взглядов на наследие Маркса совпало с признаваемым многими экспертами пиком гласности в 1989 г. Уже тогда заговорили не только о переизданиях и толкованиях классиков научного коммунизма, а о настоящей полемике. По словам В. И. Толстых, «Кто-то говорит о кризисе марксизма, а кто-то его уже похоронил…»[1]. Кто-то обличал прежнее совет-

---

1 Толстых В.И. О будущем марксизма // Маркс: за и против: (к новому осмыслению теорет. наследия Маркса и Энгельса). М., 1991.

ское руководство в неверной трактовке слов классика, кто-то же призывал к радикальному отказу от марксизма, уверовав в безуспешность социализма.

Научно-публицистическая среда (экономисты, историки, философы и не только) не могла обойти существенные перемены в стране. Большинство высказывавшихся так или иначе об учении Маркса не были очень категоричны. Признав неудачу экономического положения советского государства, они соглашались с необходимостью перемен, однако радикального отказа от принципов марксизма в них не чувствовалось. «Марксизм надо менять», — слышалось в их высказываниях. Однако до самого экономического фундамента добирались немногие, для большинства марксизм оставался просто неким набором общих принципов, которыми руководствуется верхушка КПСС. Поэтому не представляют особого интереса работы, в которых предлагается «сделать марксизм более гуманным», ввиду их недостаточной глубины и даже некоторой вторичности.

Александр Юльевич Чепуренко подразделял критику марксизма на два направления: либерально-критическое и радикально-негативистское. По сути, оба направления можно сопоставить со взглядами слева (позиции, больше близкие к европейским социал-демократам и социал-реформизму) и справа (неолибералам, чьи позиции местами становятся крайне антикоммунистическими)[2].

Более левые по своим взглядам авторы, как правило, занимались скорее критикой советского воплощения марксизма, чем теоретических оснований учения. Но среди исключений можно выделить академика Анатолия Бутенко, который, несмотря на некоторую критичность своих взглядов, успел пополемизировать с более резкими в своих взглядах авторами, а в своей лекции уделял внимание, скорее, сталинизму. Бутенко вряд ли сильно сходился во взглядах с европейскими социал-демократами, — он не придавал марксизму чисто формальное значение, не умалял значения классового антагонизма. Его взгляды на теорию, скорее, задавали вопрос «Как

[2] Чепуренко А.Ю. От «аутентичного Маркса» к постмарксизму // Маркс: за и против: (к новому осмыслению теорет. наследия Маркса и Энгельса). М., 1991. С. 8–15.

должны быть реализованы отношения собственности в нормальном социалистическом обществе?». В своей книге «Современный социализм — вопросы теории» Бутенко отвергал Марксову идею «самоуправления вместо государства», призвав «сочетать с самоуправлением». Более того, он предостерегал от восприятия марксизма как «суммы идей для реализации», что, по сути, вкупе с сомнениями в жизнеспособности социализма по марксистскому образцу (в частности, его замечание, что при социализме недопустимо распоряжение собственностью отдельным лицом без согласия всех собственников, поэтому в реальности право распоряжаться неизбежно переходит к правящей элите) может расцениваться как непризнание марксизма в качестве руководства к действию. Однако Бутенко не спешил отказываться от методологии Маркса («процесс идет, пусть и не с такими острыми коллизиями»), скорее, придерживался позиции последовательного социализма. В этой же книге было отмечено значение частной собственности («…за частную собственность, но не в таких масштабах»). Бутенко вспомнил именно напоминание Маркса о том, что «социализм не является застывшим идеалом», и намеревался перестроить социализм. Полностью. Считая, что «мы исчерпали почти все из наследия Маркса и Энгельса, и пора думать самим»[3].

В то же время начали набирать популярность настоящие ультраправые высказывания, по своей позиции близкие каким-нибудь неолибералам по типу Мизеса. В том самом 1989 г. статьи с подобными взглядами пользовались популярностью в Прибалтике, ведь местные издания быстрее всех «перестроились»[4], но РСФСР и, в частности, Москва, не остались обделены подобного рода критикой марксизма. Авторы, критиковавшие марксизм, критиковали как советскую власть, неоднократно упоминая о различных проблемах с потребительскими товарами, возникавших в стране, так и учение само по себе. Последние активно заявляли о неразрывности советской власти и самого марксизма, считая, что теоретические положения из

---

3 Бутенко А.П. Современный социализм: вопросы теории. М.: Политиздат, 1989.

4 Шматков В. Заочный спор с классиками марксизма // Коммунист. Вильнюс, 1990. № 3. С. 8–14.

«Капитала» неразумны, неестественны, наивны. Отдельно представители данного сегмента критиков Маркса останавливались на моментах борьбы классов, общественной собственности, природы эксплуатации, самоуправления. Словом, повторяли задачу западных «марксологов» из прошлых десятилетий, а именно — стремились показать коммунистическое общество утопией. Отдельно много писали подобные авторы о диктатуре и коммунистическом обществе будущего. «Коммунизм невозможен (вспомнить хотя бы высказывание ″Маркс пишет об обществе ангелов″), обобществление собственности = диктатура большинства, распределение по потребностям невозможно и несправедливо, неравенство — нормально». Статьи подобных авторов были не лишены крайнего цинизма и злости по отношению к месту марксизма в советском обществе. «Капитал», как и все работы Маркса, был разобран на цитаты. Чего стоит одна, опубликованная в «Новом времени», пестрившем различными антисоветскими материалами, серия статей Симона Соловейчика с грозным названием «Анти-Капитал». Она была просто напичкана «правыми» штампами, дескать, «Капиталист тоже трудится, капиталист знает, распределяет богатства, спасает страну от разорения, да и вообще повысилась роль умственного труда, нет теперь никакого классового антагонизма!»[5]. В иллюстрации к этой работе Маркс был изображен в робе заключенного, как ответственный за влияние на рабочее движение и идеологию, погубившую, по мнению автора, миллионы людей.

Соловейчик не был профессиональным историком или же экономистом. Еще немного о непрофессионалах: Виктор Матизен, кинематографист, в одной из своих вышедших уже после 1990 г. статей, надергав цитат из «Капитала» и «Критики Готской программы», предложил уголовно наказывать использующих марксизм как руководство к действию и сделал вывод о «невозможности адекватного измерения труда», что явно переходит к произволу бюрократии, которая обязательно вырастает в государстве.

В журнале «Даугава» И. Нелипа изобразил марксизм как крайне противоречивое учение само по себе. Придерживаясь

[5] Соловейчик С. Анти-Капитал // Новое время. 1991. № 36. С. 33–35; № 37. С. 36–38; № 38. С. 33–35; № 39. С. 34–36; № 40. С. 38–40.

убеждений, согласно которым право на владение средствами производства натурально присуще индивиду, а также экономическая свобода — почва для роста производительных сил, он подмечал, что, упоминая борьбу классов, Маркс противоречил собственному историко-материалистическому взгляду. Также было замечено, что в своих предсказаниях Маркс будто бы подгонял итог к своим рассуждениям. Упрекая советскую власть в ужесточении эксплуатации, лишении населения права (а точнее, снижении правового статуса — ну точно Мизес с его рассуждениями о неизбежности диктатуры при социализме), а также в том, что монополизация по сути своей служила лишь госаппарату, он в итоге «вынес вердикт», что Маркс, Энгельс и Ленин бесполезны — социализм не поддается реформам[6]. Ему вторил и Киселев, выступавший перед научным сообществом с обвинениями советских марксистов в самообмане и догматизме, указывавший, как и все поверхностные антимарксисты, на отсутствие предопределенности в работах Маркса[7]. То же положение подчеркнул и инженер (!) Шматков, решивший изложить свои воззрения в короткой статье. В ней он, помимо прочего, обвинил Маркса и Энгельса в том, что они перепутали разделение труда с его специализацией, заявил о бесполезности общенародной собственности — никто не сможет пользоваться всей собственностью, а еще средства будут использоваться нерационально. Положение о том, что каждый должен получать по потребностям, объявлено неверным, ведь неудовлетворенность потребностей есть побудитель развития. Также Шматков усмотрел неточность в роли, отведенной классовой борьбе (вспомнив о существовании первобытного общества)[8].

Философ Александр Ципко в годы перестройки отметился несколькими работами, такими как «Истоки сталинизма» и «Хороши ли наши принципы?». Он предупреждал, что «не собирается перечеркивать марксизм, а лишь пытается

---

6 Нелипа И.А. Перестройка или начало конца? // Даугава. 1989. № 11. С. 75–81.

7 Киселев В.П. Можно ли было построить социализм по-Марксу? // Социализм: противоречия системы. М., 1989. С. 37–55.

8 Шматков В. Заочный спор с классиками марксизма // Коммунист. Вильнюс, 1990. № 3. С. 8–14.

вынести из него все правильное», но остался в итоге обычным критиком учения (кстати, по мнению А.Ю. Чепуренко, не предлагающим ничего взамен) — указал на противоречивость парадигмы прогресса, отступление от гуманизма, неучет нелинейности общественных процессов и позитивных сторон капитализма, веру в стихийность жизни при капитализме. Также в своих работах он много указывал на угнетение личности в государстве, жившем по Марксу — Энгельсу, при этом в качестве аргументации используя сомнительную свободу героев пьесы «На дне»[9]. Также обильно и не без доли сарказма раскритиковал «Капитал» в таллиннском журнале «Политика» Владимир Косенко. Статья получилась довольно желчной, ведь, по мнению автора, в стране словно религия господствовал вездесущий марксизм, бесчеловечный и алогичный. В своей статье автор выделяет важнейшие аспекты общественного устройства, расписанного в «Капитале». Например, он говорит, что согласно представлениям классиков, для всестороннего развития человека достаточно уничтожить разделение труда и частную собственность; подобный расклад не устраивает автора, который указывает Марксу на различную степень сложности разных родов деятельности. Также автор обвиняет марксизм в уравниловке и отрицании связи вознаграждения с результативностью труда. Косенко заявлял, что все страны социалистического лагеря в конечном счете пришли именно к социалистическому строю, поэтому отведение обвинений в их затруднительном положении от марксизма не соответствует «научной порядочности». Анализ автора полон обывательских штампов по типу «Кухарка сможет управлять государством» (автор поспешил затронуть и «Государство и революция» Ленина) и «Марксизм считает человека социальным животным… приводит к нравственной деградации». По ходу чтения становится ясно, что автор верит в «невидимую руку рынка» и является поклонником Адама Смита, что многое объясняет[10].

---

9 Ципко А.С. Истоки сталинизма: (четыре очерка) // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55; № 12. С. 40–47; 1989, № 1. С. 46–56; № 2. С. 53–61; // Он же. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 172–204.

10 Косенко В. Реализованная утопия // Политика. Таллинн, 1990. № 12. С. 15–27.

Тем не менее даже в трудные девяностые не лишился марксизм своих апологетов. К примеру, в том же журнале «Коммунист», где публиковался «Заочный спор» Виктора Шматкова с классиками марксизма, Михаил Бугаков заметил то, чем грешили многие из критиков марксизма — непониманием диалектического развития истории (выражающемся в конфузах при упоминании Марксом борьбы классов), а также то, что взгляды таких критиков на разделение труда скорее исходят из энгельсовских «Принципов коммунизма», чем из «Капитала», где понятие было подробно разобрано. Более того, автор указал, что в теории коммунизма важно не распределение благ по потребностям, а превращение человека в самоцель общественного развития[11].

Александр Бузгалин также заметил то, что не заметили многие из критиков учения, а именно диалектическое восприятие истории, на котором основан «Капитал». Практика формирует человека, но и человек может менять практику. Более того, Маркс прежде всего писал о переменах в капиталистической системе, и тенденции, им описанные, все же подтвердились на практике (!). Более того, слова Маркса об отчуждении ничуть не потеряли актуальности[12]. Владимир Мосолов добавлял к этому, что Маркс в своем предвидении будущего общества объективно не мог увидеть процессы и детали в подробностях. В то же время среди тенденций апологетов марксизма не замечалось поддержки советского строя. Они также считали, что СССР пытался перегнать историю, но в итоге получил экономику, далекую от социалистической[13].

В конечном итоге, несмотря на исчезновение цензурных ограничений, которые дали возможность разного рода критикам очернить имя Карла Маркса и вообще всего, что с ним связано, перестройка не ознаменовала закат марксизма, а создала возможность для его переосмысления, адаптации к современ-

---

11 Бугаков М. Победили... марксизм и здравый ум автора // Коммунист. Вильнюс, 1990. № 3. С. 14–17.

12 Бузгалин А.В. Командно-административная система — лишь мутант марксизма // Лат. Америка. 1990. № 5. С. 9–13.

13 Мосолов В.Г. За конкретно-исторический подход к теории Маркса // Маркс: за и против: (к новому осмыслению теорет. наследия Маркса и Энгельса). М., 1991. С. 16–23.

ным реалиям, очищению от ложных представлений. Тем интереснее сейчас смотреть в будущее, где уже есть пространство применения марксистской методологии в новых условиях.

Библиографический список:

1. *Бугаков М.* Победили... марксизм и здравый ум автора // Коммунист. Вильнюс, 1990. № 3. С. 14–17.
2. *Бузгалин А.В.* Командно-административная система — лишь мутант марксизма // Лат. Америка. 1990. № 5. С. 9–13.
3. *Бутенко А.П.* Современный социализм: вопросы теории. М.: Политиздат, 1989.
4. *Киселев В.П.* Можно ли было построить социализм по-Марксу? // Социализм: противоречия системы. М., 1989. С. 37–55.
5. *Косенко В.* Реализованная утопия // Политика. Таллинн, 1990. № 12. С. 15–27.
6. *Матизен В.Э.* В информационно свободном обществе марксизм недействителен... // Лат. Америка. 1990. № 5. С. 7–9.
7. *Мосолов В.Г.* За конкретно-исторический подход к теории Маркса // Маркс: за и против: (к новому осмыслению теорет. наследия Маркса и Энгельса). М., 1991. С. 16–23.
8. *Нелипа И.А.* Перестройка или начало конца? // Даугава. 1989. № 11. С.75–81.
9. *Соловейчик С.* Анти-Капитал // Новое время. 1991. № 36. С. 33–35; № 37. С. 36–38; № 38. С. 33–35; № 39. С. 34–36; № 40. С. 38–40.
10. *Толстых В.И.* О будущем марксизма // Лат. Америка. 1990. № 5. С. 4–7.
11. *Ципко А.С.* Истоки сталинизма: (четыре очерка) // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55; № 12. С. 40–47; 1989. № 1. С. 46–56; № 2. С. 53–61. // Он же. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 172–204.
12. *Чепуренко А.Ю.* От «аутентичного Маркса» к постмарксизму // Маркс: за и против: (к новому осмыслению теорет. наследия Маркса и Энгельса). М., 1991. С. 8–15
13. *Шматков В.* Заочный спор с классиками марксизма // Коммунист. Вильнюс, 1990. № 3. С. 8–14.

УДК 614(47+57)
ББК 51.1(2)6

Артемьева Мария Александровна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института медицины труда
Artemyeva Mariya A.,
PhD in Philosophy, senior researcher
Research Institute of Occupational Health
artemeva.m@irioh.ru

Сергеев Всеволод Николаевич,
кандидат исторических наук
Научно-исследовательский институт медицины труда
Sergeev Vsevolod N.,
PhD in History, senior researcher,
Research Institute of Occupational Health
sergeew.w@irioh.ru

Марксизм и медицина в XX веке: российский/советский опыт

Marxism and medicine in XX century: Russian/Soviet experience

Аннотация. Взаимоотношения между марксизмом и медициной прошли сложный путь. Большую часть XIX в. врачи не обращали внимания на идеи, которые выдвигали социальные науки и критические теории, в том числе и марксизм. В последней четверти XIX в. ситуация изменилась. Во-первых, в медицине началась научная революция, основанная на открытии бактерий и иммунитета. Во-вторых, социальные науки (статистика, демография, политэкономия и др.) накопили определенный багаж знаний, который можно было применять для решения и медицинских задач. В-третьих, развитие самоорганизации рабочих и создание левых политических организаций привело к изучению здоровья трудящихся в социально-политических целях. Сочетание всех этих факторов привело к появлению и развитию нового направления в медицине — социальной гигиене, которое было частью большого проекта по переустройству и модернизации общества. В Российской империи главными пропагандистами социальной гигиены были врачи с левыми политическими взглядами. Социально-гигиенические идеи

были зафиксированы в Политической программе РСДРП и ее преемниц. Период между Великой российской революцией и «великим переломом» был временем расцвета социальной гигиены в России и максимально творческого сочетания марксизма и медицины.

Ключевые слова: марксизм; медицина; социальная гигиена; СССР; научная революция.

Abstract. The relationships between Marxism and medicine had a difficult path. The most part of XIX century, doctors had not pay attention to the ideas, that were put forward by social sciences and critical theories, including Marxism. In the last quarter of XIX the situation had changed. First, the scientific revolution in medicine, based on the bacteria and immunity discovering, had been started. Second, social sciences (statistics, demography, political economy and others) had accumulated some knowledge, that was possible to use in the medicine problems solving. Third, the development of the worker's self-organization and left-wing organizations creation, had led to the study of workers health by social-political reasons. The combination of all these factors had led to the emergence and development of the new course in medicine — social hygiene, that was a part of a big project of social modernization and reconstruction. In Russian Empire, doctors with left-wing political views were among the main agitators of the social hygiene. These ideas were fixed in the RSDRP and successors' political program. The period between Great Russian revolution and The Great Turn was the flourishing period for the social hygiene in Russia, and the period of the very close and creative connections between Marxism and medicine.

Key words: Marxism; medicine, social hygiene; USSR; scientific revolution.

В Российской империи на рубеже XIX–XX вв. параллельно шли несколько революционных процессов. Два из них (политическая и социальная революция) хорошо известны и имели наиболее наглядные выражения в виде смены названия страны и изменения ее социальной структуры. Третий революционный процесс связан с революцией (или революциями) в науке и технике, частью которого, например, был переход от парового двигателя к двигателю внутреннего сгорания и распространение электричества. Менее заметная, но не менее важная, революция происходила в медицине — появление социальной гигиены и переход к профилактической медицине.

До 80–90-х гг. XIX в. во всем мире развитие медицины и социальных наук шло без пересечений и взаимовлияний. Врачи воспринимали болезни человека как исключительное влияние

физических и химических факторов. Альтернативы клинической медицине практически отсутствовали, а верховенство хирургов и патологоанатомов никто не оспаривал. Однако создание и развитие социальных наук на протяжении всего XIX в. (прежде всего статистики и демографии) привело к накоплению обширного фактического и аналитического материала, который можно было использовать и при рассмотрении чисто медицинских вопросов. Одним из первых примеров связи социальных наук и медицины стало требование о нормировании продолжительности рабочего дня и сокращении его до восьми часов. На первом конгрессе Международного товарищества трудящихся (1866 г.) К. Марксом и Ф. Энгельсом, наряду с другими требованиями, было выдвинуто предложение ввести восьмичасовой рабочий день для мужчин и женщин старше 18 лет на законодательном уровне. Это связано с тем, что сокращение рабочего дня, а вернее его нормирование, способствует наиболее полному воспроизводству рабочей силы, необходимой для эффективной работы[1].

Открытие в последней четверти XIX в. иммунитета и применение в медицине статистических методов, в частности, привело к оформлению социальной гигиены как самостоятельного раздела медицинской науки. Немецкие основоположники социальной гигиены определяли ее как науку «об отношениях между состоянием здоровья и социальными условиями групп населения, связанных между собою местом, временем и социальным положением, а равно и их потомства»[2]. Иммунология и социальная гигиена начали формировать заметную альтернативу клинической медицине.

Распространение идей социальной гигиены в Российской империи столкнулось с рядом преград. Во-первых, власти империи, несмотря на все попытки модернизации,

1 Артемьева М. А. Один марксизм — два дискурса: защита рабочих в государстве диктатуры пролетариата. Историко-философский анализ некоторых аспектов становления медицины труда как науки // Профессиональное здоровье и трудовое долголетие. Материалы Международной научно-практической конференции г. Шахты 5–6 июля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 17.

2 Фишер А. Основы социальной гигиены. М., 1929. С. 128.

отказывались от идеи создания единой системы здравоохранения. По их мнению, медицина должна была развиваться либо как часть системы благотворительности и меценатства, либо в качестве части непрофильных ведомств (например, врачи в Военном министерстве). Развитие земских, городских и фабрично-заводских медицинских заведений постоянно тормозилось скудностью финансирования и отсутствием центральной координации. Во-вторых, само сообщество врачей плохо принимало идеи социальной гигиены, так как было сложно реализовать их на индивидуальном уровне. Для перехода к профилактической медицине требовалось изменить всю систему. Надо отметить, что при этом в среде врачей было распространено критическое отношение к властям Российской империи. Например, Пироговские съезды, начиная с 1905 г., постоянно поднимали политические вопросы, призывая бороться с царским режимом и выступая за созыв Учредительного собрания. Главными сторонниками социальной гигиены были врачи левых взглядов, которые в целом занимали довольно маргинальное положение во врачебном сообществе. До 1917 г. большинство из них были сосредоточены в фабрично-заводской и страховой медицине.

Политическим выражением идей социальной гигиены являлась Политическая программа РСДРП (1903 г.), где содержались требования по «охране рабочего класса от физического и нравственного вырождения». Российские социал-демократы свои требования по охране здоровья пролетарских масс строили с упором на профилактическую медицину. Раскол РСДРП на фракции не оказал влияния на тактику и стратегию в сфере защиты здоровья. Вне зависимости от фракционной принадлежности врачи социал-демократических взглядов активно развивали медицину, направленную на защиту здоровья пролетариата, как на рабочем месте (гигиена труда), так и по месту жительства (коммунальная гигиена). В дальнейшем уже в Программе РКП(б) (1919 г.) эти положения были развиты в задачи «в области охраны труда и социальной защиты» и «в области охраны народного здоровья».

Расстановка сил в медицине начала меняться в ходе Великой российской революции. Временное правительство

первоначально планировало создать министерство народного здравоохранения, но в итоге под давлением Пироговского общества пошло по пути создания общественно-государственных органов по координации всей политики в сфере здравоохранения. Центральный врачебно-санитарный совет должен был стать главным органом врачебной самоорганизации и на основе корпоративной автономии создать систему здравоохранения. После прихода к власти большевики тоже не сразу определились с принципами построения системы здравоохранения. В качестве компромиссного решения в январе 1918 г. был сформирован Совет врачебных коллегий, который должен был координировать работу ведомственной и местной медицины. СВК должен был переманить на сторону советской власти часть врачей, которые поддерживали антисоветские Пироговское общество и Центральный врачебно-санитарный совет. Но к лету 1918 г. данная тактика практически себя исчерпала. Взамен общественных организаций и межведомственной координации был создан единый Народный комиссариат здравоохранения, в сферу ответственности которого постепенно перешло все здравоохранение.

Наркомздрав был не единственным центральным органом советского государства, который принимал активное участие в формирование новой медицинской парадигмы. Заметную роль в деле внедрения социальной гигиены играл Народный комиссариат труда, точнее его отдел охраны труда, в состав которого входили 2 инспекции: санитарная и техническая. НКТ и отделы труда местных советов применяли идеи профилактической медицины на производстве, выстраивая систему предотвращения и лечения профессиональных заболеваний. Отдел охраны труда НКТ, отталкиваясь от опыта фабрично-заводской медицины и имперской фабричной инспекции, пытался создать систему защиты пролетариев на их рабочем месте. В работе органов охраны труда активно участвовали как «ветераны» рабочей медицины (В.А. Левицкий, Н.А. Вигдорчик, Б.Б. Койранский и др.), так и молодые врачи (С.И. Каплун, А.А. Летавет, Э.М. Кагани др.).

Союз большевиков и сторонников социальной гигиены был взаимовыгодным. От этой коалиции врачи-гигиенисты по-

лучили опору в лице органов нового советского государства, что позволило приступить к реализации новой парадигмы в медицине. В частности, с 1922 г. в Москве под руководством врача-большевика В.А. Обуха и при активном участии ряда бывших земских врачей началась диспансеризация жителей, которая проходила под лозунгом «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда». В свою очередь большевики получили «фракцию еретиков» в медицине (как в сообществе врачей, так и в науке), которые помогали нейтрализовать антисоветские фракции. Лучше всего это видно на примере высших медицинских учебных заведений. Медицинские факультеты университетов до начала 1920-х гг. были под идеологической властью представителей клинической медицины, среди которых была распространена нелюбовь (открытая или скрытая) к советской власти. Наступление на старые научно-педагогические кадры возглавил сам нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Именно он одним из первых стал читать курсы по социальной гигиене с привлечением более узких специалистов по профессиональной и коммунальной гигиене. В 1921 г. под его руководством была образована кафедра социальной гигиены на медицинском факультете 1-го МГУ. Вслед за этим кафедры социальной гигиены или более специализированные гигиенические кафедры стали возникать на медицинских факультетах других университетов. Все 1920-е гг. шла борьба между кафедрами профилактического и клинического характера, с нестабильным доминированием первых. В начале 1930-х гг. эта борьба потеряла прежнюю остроту из-за новой позиции Сталина и его соратников.

В 1920–1921 гг., в условиях затухания Гражданской войны и перехода к новой экономической политике, в РСФСР начало кристаллизоваться движение за научную организацию труда. Главной задачей НОТ была адаптация американских и европейских идей к советской реальности и создание марксистского трудоведения. Для профгигиенистов это означало открытие «второго фронта»: помимо борьбы с клиницистами внутри поля медицины, необходимо было бороться с нотовцами в сфере охраны труда. Персонифицировалась эта борьба в противостоянии двух ярких организаторов и идеологов — С.И. Каплуна (заведующего отделом охраны труда НКТ и про-

фессора гигиены труда) и А.К. Гастева (директора Центрального института труда). Их полемика была наиболее яркой с диаметрально противоположными позициями. Для Гастева важно было создать нового человека, который бы умел трудиться с максимальной эффективностью. Каплун же в этом видел попытки усилить эксплуатацию пролетарских масс и нарушение правил по охране труда. Сталинская индустриализация первоначально дала больше возможностей для НОТ и гастевским экспериментам по установке нового труда, но ко второй пятилетке и эти эксперименты были свернуты.

«Великий перелом» нашел свое отражение и во взаимоотношениях марксизма и медицины. Идеологическим последствием «сталинской революции» был удар по старым революционным кадрам и их союзникам из бывшей земской медицины. Почти одновременно своих руководящих постов лишились Н.А. Семашко, В.А. Обух и другие ветераны революции. После этого началась активная идеологическая атака на профилактическую медицину: предпочитают читать лекции взамен реальной лечебной работы, мешают трудовому порыву народных масс и т. д. Сталинское руководство сделало ставку на союз с представителями клинической медицины, идеи которой были менее затратны, более утилитарны и легко применимы в военных условиях. Начиная со второй пятилетки, профилактическая медицина стала занимать подчиненное положение и проигрывать аппаратную борьбу клиницистам.

Практическая реализация сталинской индустриализации привела к снижению требований по охране труда. Органы, обеспечивающие безопасность труда, явно «мешали» проявлять трудовой героизм и критически относились к стахановскому движению и его аналогам. Во время первой пятилетки были реструктуризированы все органы и механизмы защиты пролетариата. Наиболее ярким событием была ликвидация в 1933 г. Народного комиссариата труда и передача части его функций ВЦСПС, что повлекло за собой еще большее огосударствление профсоюзов. Для профилактической медицины это означало потерю важнейшего работодателя, который позволял наладить сотрудничество с инженерами в сфере охраны труда.

Установление в 1930-е гг. идеологического господства И. Сталина привело к сведению марксизма в медицине к утилитарному использованию цитат из текстов «классиков». Творческое развитие марксизма могло повлечь за собой обвинение в каком-либо уклоне и непонимании сути марксизма. Например, один из советских столпов гигиены труда С.И. Каплун написал две большие статьи «Маркс и вопросы гигиены труда»[3] и «Ленин и вопросы охраны труда»[4]. А в своих статьях в первом издании Большой медицинской энциклопедии он активно занимался критикой части своих прежних взглядов и своих коллег-гигиенистов.

В период «позднего сталинизма» практика использования идеологии для борьбы за карьерные позиции только усилилась. Вслед за печально знаменитой августовской сессией ВАСХНИЛ (1948 г.) состоялась не менее драматичная Павловская сессия (1950 г.) Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, на которой были заклеймены буржуазные тенденции в медицине. Хотя в период «оттепели» удалось частично нейтрализовать влияние этих идеологических войн в науке, но так и не удалось вернуть творческое применение марксизма в медицине. В позднем Советском Союзе отношения между марксизмом и медициной строились на ритуальном использовании цитат из работ «классиков марксизма» и сборников постановлений Коммунистической партии.

Библиографический список:

1. *Артемьева М.А.* Один марксизм — два дискурса: защита рабочих в государстве диктатуры пролетариата. Историко-философский анализ некоторых аспектов становления медицины труда как науки // Профессиональное здоровье и трудовое долголетие. Материалы Международной научно-практической конференции г. Шахты 5–6 июля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 16–21.
2. *Каплун С.И.* Ленин и вопросы охраны труда // Гигиена

[3] Каплун С.И. Маркс и вопросы гигиены труда // Гигиена и безопасность труда. 1933. № 2. С. 3–14.
[4] Каплун С.И. Ленин и вопросы охраны труда // Гигиена труда и техника безопасности. 1934. № 1; С. 3–12; № 2, С. 3–15.

труда и техника безопасности. 1934. № 1; С. 3–12; № 2, С. 3–15.
3. *Каплун С.И.* Маркс и вопросы гигиены труда // Гигиена и безопасность труда. 1933. № 2. С. 3–14
4. *Фишер А*. Основы социальной гигиены. М., 1929.

УДК 321.74(85)
ББК 66.1(7Пер)дМариатеги Х.К.

Вуд Тони,
Член редколлегии журнала «New Left Review»,
факультет Истории Университета
Нью-Йорка, США
Tony Wood
Member of Editorial Board
of «New Left Review» New York University, USA
tony.wood@nyu.edu

«Ни калька, ни копия»: Хосе Карлос Мариатеги и проблемы латиноамериканского марксизма

«Neither Calque nor Copy»: José Carlos Mariátegui and the Dilemmas of Latin American Marxism

Аннотация. В этой статье рассматривается работа перуанского марксиста Хосе Карлоса Мариатеги, в частности то, как его работы адаптировали и трансформировали идеологические ортодоксии своего времени, пытаясь перестроить их в соответствии с социально-экономическими реалиями Латинской Америки. Кратко рассматривая его жизнь и работу, автор обращается к подходу Мариатеги к трем ключевым вопросам для латиноамериканских «левых» 1920-х гг.: роль крестьянства; индейский вопрос и проблемы политической стратегии, вытекающие из особенностей региона. В каждой из этих областей, по словам Вуда, Мариатеги ввел концептуальные инновации, которые с тех пор являются важной частью латиноамериканской левой мысли, оказывающей особенно сильное влияние на поколения радикалов, возникающих после 1960-х гг. В заключении статьи оценивается актуальность и резонанс идей Мариатеги сегодня, отмечая, в частности, точки контраста и сходства между 1920-ми гг. и контекстом, из которого возникли постнеолиберальные правительства «розовой волны».

Ключевые слова: Латинская Америка; марксизм; индейский вопрос; аграрный вопрос; левая стратегия; Коминтерн; коммунизм; Народный фронт; интеллектуальная история; «розовая волна».

Abstract. This article examines the work of Peruvian Marxist José Carlos Mariátegui, focusing in particular on the ways in which his writings adapted and transformed the ideological orthodoxies of his time, attempting to reshape them in line with Latin American socio-economic realities. After briefly surveying his life and

work, the author addresses Mariátegui's approach to three key dilemmas for the Latin American left of the 1920s: the role of the peasantry; the indigenous question and problems of political strategy arising from the region's specificities. In each of these areas, Wood argues, Mariátegui introduced conceptual innovations that have been a crucial part of Latin American left thought ever since, exerting an especially strong influence on post-1960s generations of radicals in the region. The article concludes by assessing the relevance and resonance of Mariátegui's ideas today, noting in particular points of contrast and similarity between the 1920s and the context from which the post-neoliberal "Pink Tide" governments emerged.

Key words: Latin America; Marxism; Indigenous question; Agrarian question;Left strategy; Comintern; Communism; Popular front; Intellectual history; Pink Tide.

Введение

В первые полтора десятилетия XXI в. Латинская Америка дала вдохновение для значительного прилива оптимизма среди левых. В электоральном плане это был успех «розовой волны»: в большинстве регионов пришли к власти правительства с широкой прогрессивной программой, в то время как Уго Чавес, Эво Моралес и Рафаэль Каррера открыто объединились для реализации т. н. «социализма XXI века»; также стоит отметить сохранение кубинской модели. Сейчас эта картина кардинально изменилась, конечно же, и течение, как кажется, повернулось против левых в Латинской Америке. Несмотря на это, судьба марксизма, как политической практики и аналитического метода, остается двойственной. Как и по всему миру, можно заметить частичное пробуждение интереса как к местным, так и международным марксистским течениям. Но до сих пор, будет честным это сказать, прямое политическое влияние марксизма на актуальную политическую сцену остается относительно небольшим. Несмотря на это, несколько из ключевых проблем, с которыми столкнулась Латинская Америка в наши дни, в разных формах были рассмотрены местной марксистской традицией — и в особенности наиболее оригинальным марксистским мыслителем перуанцем Хосе Карлосом Мариатеги. Я считаю, что из переосмысления его работ сегодня можно еще многое извлечь для анализа и политического действия.

Мариатеги заявил однажды, что латиноамериканский социализм не должен быть «калькой или копией», но вместо

этого «героическим творением» — не прямой имитацией или переносом европейской мысли, но чем-то появляющимся из анализа и конфликта в местных реалиях[1]. Его работа отображает этот процесс адаптации и трансформации в нескольких ключевых аспектах, но здесь я в основном сфокусируюсь на следующих взаимосвязанных областях: (1) центральная роль крестьянства; (2) важность вопроса коренных жителей; и (3) проблемы политической стратегии, возникающие из особенностей латиноамериканской обстановки. В каждой из этих областей Мариатеги ввел или более ясно сформулировал серию концептуальных инноваций, оставшихся навсегда частью марксистского репертуара.

Жизнь и работа

Для начала, однако, было бы неплохо привести небольшой биографический очерк[2]. Родившийся в южной части Перу в 1894 г., еще ребенком Мариатеги переехал в столицу, Лиму, где стал журналистом в 1910-х гг. Он принадлежал к поколению, оживленному и взбудораженному большевистской революцией; в декабре 1917 г., когда буржуазная пресса обличала его самого и его друзей как «перуанских большевиков», он с гордостью отвечал: «Хорошо! В значительной степени большевик и в значительной степени перуанец! Но больше перуанец, чем большевик»[3]. В 1919 г. он покинул Перу и отправился в Европу, где провел три с половиной исключительно важных года — большую часть из них в Италии, где участвовал в учредительном съезде Итальянской коммунистической партии в Ливорно и читал запоем издававшуюся А. Грамши газету L'Ordine Nuovo. В этот период он также побывал в Париже, Берлине, Мюнхене, Вене, Праге и Будапеште, хотя планы посетить Москву так никогда и не реализовались. Именно в Ев-

---

1 Mariátegui J. C. Aniversario y balance // Ideología y política. Lima: Biblioteca Amauta, 1969. p. 253

2 Этот вопрос рассмотрен подробно в работах Чаварриа (1979), Нуньеза (1978), Пэриса (1971), Руиллона (1975), Вандена (1975), см. список литературы.

3 Mariátegui J. C. Maximalismo peruano // El Tiempo, 30 December 1917, Цит по: Rouillon, G. La Creación Heroica de José Carlos Mariátegui, t. I: La Edad de Piedra (1894–1919). Lima: Editorial Arica, 1975, p. 202.

ропе, по его собственным словам, он приобрел специфическое марксистское видение, сформированное контактами с боевым рабочим движением во время biennio rosso, и работами ключевых марксистских мыслителей того времени.

После возвращения в Перу в 1923 г. Маритеги проведет остаток своей короткой жизни в Лиме. Действительно, на протяжении большей ее части он будет прикован к инвалидной коляске в своих апартаментах, в крайне слабом состоянии здоровья после ампутации ноги в 1924 г. На протяжении последующих шести лет он плодотворно писал, охватывая впечатляющий спектр вопросов в дюжинах эссе — от международной политики до художественной литературы и поэзии, от философии до условий жизни индейского населения. Его собрание сочинений включает пятнадцать томов, но оно не включает еще восемь томов юношеских сочинений[4], а также впечатляющего объема корреспонденцию[5]. К моменту смерти Мариатеги в 1930 г. только две его книги были опубликованы. La escena contemporánea («Современное положение»), опубликованная в 1925 г., давала панораму современных мировых событий, преимущественно касающихся послевоенной Европы. Значительно лучше известна его вторая книга, Sieteensayos de interpretación de la realidad peruana («Семь очерков истолкования перуанской действительности»), опубликованная в 1928 г., в которой анализируется экономика, общество, политика и культура его родной страны. Эта работа быстро приобрела статус классической среди латиноамериканских левых. Третий сборник эссе, Defensa del marxismo («Защита марксизма»), вышла посмертно в 1934 г. Но публикация его собрания сочинений началась только в 1959 г. — что не случайно совпало с революцией на Кубе.

Возможно, наиболее важной работой Мариатеги как литератора была, однако, работа редактора. В 1926 г. он основал журнал Amauta, что означает «учитель» на языке индейцев Кечуа. На протяжении последующих четырех лет в журнале будет опубликован впечатляющий список материалов — на-

---

4 Mariátegui J. C. Correspondencia, 1915–1930, 2 vols. Lima: Biblioteca Amauta, 1984.

5 Mariátegui J. C. Escritos juveniles (La edad de piedra), 8 vols. Lima: Biblioteca Amauta, 1987–1994.

пример, перевод эссе Зигмунда Фрейда и Георга Гросса, проза Исаака Бабеля и румынского левого писателя Панаит Истрати, статьи о Ленине и о противостоянии церкви и государства в Мексике; в нем также регулярно публиковались материалы об индейском вопросе в Перу. Между тем, наряду с редакторской и писательской работой, Мариатеги был ключевой политической фигурой и выполнял важную организационную работу внутри перуанского левого движения. В 1928 г. он был одним из основателей Перуанской социалистической партии, а годом позже помогал в создании первой национальной профсоюзной федерации, CGTP. На следующий день после смерти Мариатеги в 1930 г. в его честь на пять минут был остановлен весь городской транспорт в Лиме, в качестве подтверждения его статуса как публичной фигуры[6].

Марксизм на периферии

Мариатеги часто сравнивают с Антонио Грамши не только в смысле значимости для национального левого движения, но также по причине диапазона и пластичности его идей в контексте ортодоксальной линии Коминтерна. Его «Семь очерков» начинаются в полном соответствии с традицией, с материалистических предпосылок, двигаясь от базиса к надстройке — начиная с экономической истории Перу, переходя к аграрному вопросу и индейской проблеме, и затем к темам образования, религии и литературной сцене страны. Для Мариатеги ключевое различие между Латинской Америкой и Западной Европой заключалось в том, что феодальная система и ее правящий класс не были полностью заменены капиталистическим обществом; скорее, класс феодалов лишь «замаскировал» себя, и при республиканском правлении в Перу колониальные землевладельцы сохранили власть[7]. Поскольку капиталистическое развитие по европейскому образцу не было реализовано, в Латинской Америке не возникло и национальной «буржуазии», а только «полуфеодальный»

---

6 Chavarría J. José Carlos Mariátegui and the Rise of Modern Peru, 1890–1930. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1979. P. 166.

7 Mariátegui J. C. Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana (Obras completas, t. 2). Lima: Biblioteca Amauta, 1928. P. 51.

класс, связанный с международный капиталом, но и зависимый от него.

Из этого материалистического анализа Перу Мариатеги делает далеко идущие политические выводы о природе революции в Латинской Америке. Во-первых, структура латиноамериканских обществ показывает, что, логически, для региона будет невозможным пройти ту же последовательность этапов, что предполагается в Европе, от буржуазно-демократической революции к пролетарской. Не сформировалась там не только национальная буржуазия, численно пролетариат уступает крестьянству. Риторически, Мариатеги продолжал настаивать на ведущей роли пролетариата; но с середины 1920-х гг. и далее, в его работах делается особый акцент на революционную роль крестьянства. Важно отметить, что по времени это совпадает, например, с текстом Мао Цзедуна 1927 г. «Доклад об обследовании крестьянского движения в Хунани». В этом смысле, идеи Мариатеги должны рассматриваться как часть широкой волны попыток переосмыслить марксистские гипотезы конца XIX — начала XX вв. извне его европейской сердцевины, адаптируя марксизм к условиям преимущественно аграрного общества незападного мира[8].

Указывая на важную роль крестьянства, Мариатеги в то же время уделял значительное внимание крестьянским индейским массам. В 1927 г. он писал, что «наш социализм не будет перуанским — даже не будет социализмом — если он не будет солидарен, в первую очередь, с требованиями индейского населения»[9]. Это было время впечатляющей индейской активности. В 1915 г., например, произошло неудавшееся восстание в южном Перу, возглавленное армейским офицером индейского происхождения, «Rumi Maki» («Каменная Рука»), в дальнейшем были еще восстания в южном Перу в 1920–1921 и 1923 гг., подавленные правительством и унесшие по крайней мере 2000 жизней[10]. Через несколько месяцев после возвращения Мариа-

---

8 Этот эпизод подробно освещен Альберто Флорес Галиндо: Flores G. A. La agonía de Mariátegui. Madrid: Editorial Revolución, 1991. P. 220.

9 Mariátegui J. C. Intermezzo polémico // Mariátegui J. C. Ideología y política (Obras completas, t. 13). Lima: Biblioteca Amauta, 1969. P. 217.

10 Rénique J. L. La batalla por Puno. Conflicto agrario y nación en los Andes peruanos, 1866–1995. Lima: IEP Ediciones/ SUR Casa de Estudios del Socialismo/

теги в Перу из Европы он принял участие в Третьем конгрессе Comité Central Pro-Derecho Indígena Tawantinsuyo — одной из нескольких индейских организаций, возникших в 1920-х гг. Хотя эти организации концентрировались преимущественно на защите прав индейцев, идея об индейском движении как революционной силе витала в воздухе.

Но индейское движение не должно было стать просто поставщиком кадров для революции. Для Мариатеги и многих из его современников индейские общества и их традиции могли предложить потенциальную структурную основу для будущего социалистического общества. В 1920-е гг. наблюдался всплеск интереса к антропологическим исследованиям доколониальных обществ, в частности, индейские формы экономической организации сообщества рассматривались как вид «аграрного коммунизма». С точки зрения Мариатеги, ayllu, базовая ячейка общества инков, сохранилась в Перу под тяжелым давлением феодализма и полуфеодализма и до сих пор существует в достаточно живой форме, чтобы стать тем, что он называл «ячейкой современного социалистического общества»[11].

Логика здесь, которую большинство читателей без сомнения заметили, похожа на то, о чем писал Маркс в своих поздних сочинениях, особенно это касается его переписки с Верой Засулич по поводу русской крестьянской коммуны[12]. Не похоже, чтобы сам Мариатеги знал об этом — эти черновики и письма не переводились и не публиковались за пределами России до 1920-х гг. — однако удивительна близость мысли этих двух людей: идея о крестьянской коммуне как основе для прямого перехода к социализму.

Разногласия с Москвой

Идея о том, что существует особенная, андско-индейская основа для социализма, стала ключевой в разногласиях Мариа-

---

CEPES, 2004. Klarén P. F. Peru: Society and Nationhood in the Andes. New York: Oxford University Press, 2000. Pp. 248–49.

11 Mariátegui J. C. Principios de política agraria nacional // Mariátegui J. C. Peruanicemos al Perú (Obras completas, t. 11). Lima: Biblioteca Amauta, 1970. Pp. 109–110.

12 О позднем Марксе см.: Shanin T., ed. Late Marx and the Russian Road. New York: Monthly Review Press, 1983.

теги и Коминтерна. В тезисах, которые он подготовил в 1929 г. для Конгресса латиноамериканских коммунистичских партий в Буэнос-Айресе, Мариатеги вновь настаивал на наличии «естественных» социалистических тенденций, заключенных внутри индейской ayllu, и даже представил еще менее ортодоксальный взгляд, заявив что «поскольку индейцы сделали социалистические идеи своими собственными, он будет служить им с дисциплиной, упорством и силой, достойной пролетариата в иных условиях»[13]. Это вызвало жесткую критику со стороны представителей Москвы, и даже спустя много лет лидеры Коминтерна продолжали критиковать Мариатеги и мариатегизм в качестве современного народничества; в 1941 г., например, Владимир Мирошевский опубликовал объемный критический текст о «популизме» Мариатеги[14].

Эта критика сохранилась и после того, как и сам Коминтерн отошел от сектантской политики Третьего периода и перешел к тактике Народного фронта. Есть в этом болезненная ирония: за несколько месяцев до смерти Мариатеги подвергся критике за защиту идей, не так уж и отличающихся от стратегии Народного фронта. Основанная им в октябре 1928 г. Перуанская социалистическая партия не только давала возможность легальной деятельности при ожесточенно антикоммунистическом режиме Аугусто Легиа, но и была способна оказывать значительное влияние на идеологически гомогенный рабочий класс и крестьянство[15]. В таком качестве, однако, она нарушала 21 требование для членства в Коминтерне, и Мариатеги столкнулся с давлением в пользу того, чтобы изменить название и формально вступить в Коминтерн. Несмотря на возражения Мариатеги, ПСП присягнула на верность Коминтерну и

---

13 Mariátegui J. C. El problema de las razas en la América Latina // Mariátegui J. C. Ideología y política (Obras completas, t. 13). Lima: Biblioteca Amauta, 1969. Pp. 42, 46.

14 Miroshevski V. M. El «populismo» en el Perú. Papel de Mariátegui en la historia del pensamiento social latinoamericano // Aricó J. Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano [2nd edn: 1980]. Mexico: Ediciones Pasado y Presente, 1941. Pp. 55–70; об этих противоречиях между позицией Мариатеги и Коминтерна, см. в списке литературы: Flores Galindo (1991), Becker (2006), и Caballero (1987).

15 Flores Galindo A. La agonía de Mariátegui. Madrid: Editorial Revolución, 1991. Pp.73–78.

в мае 1930 г., едва через месяц после смерти Мариатеги, новые партийные лидеры переименовали ее в Перуанскую коммунистическую партию. Однако в 1931 г. партия была вынуждена уйти в подполье под давлением нового диктаторского режима Луиса Санчеса Серро и быстро растеряла большую часть своего влияния среди рабочего класса — наглядно и посмертно подтверждая утверждения Мариатеги.

Только в конце 1950-х г., во время хрущевской «оттепели» и появления международного движения Новых левых, работы Мариатеги стали систематически переиздаваться в Латинской Америке, оказав значительное влияние на идеи местных революционеров в 1960-е гг., искавших политический путь, отличный от установленного ортодоксальными коммунистическими партиями. Мы знаем, например, что Че Гевара читал Мариатеги, и по его инициативе сборник статей Мариатеи под заглавием «Аграрная проблема» был издан в 1960 г. в Гаване во время проведения кубинской аграрной реформы[16]. Не будет преувеличением сказать, что работы Мариатеги являются фундаментальными для понимания любого марксистского течения в Латинской Америке, начиная с 1960-х гг., не только в качестве предшественника, но также, благодаря его отсроченному признанию, в качестве живого собеседника.

Посмертная жизнь Мариатеги

Латиноамериканские левые достигли пика влияния в 1960-е гг., но затем наступил темный период диктатур 1970-х гг., за которыми последовали строгая экономия и фрагментация 1980-х и 1990-х гг., проходившие под влиянием долгового кризиса и неолиберальной реструктуризации. Затем, в конце 1990-х гг., в регионе для левых началась серия электоральных успехов и начала набирать силу «розовая волна». Действительно к концу первого десятилетия XXI в. в большинстве стран Южной Америки, левые и левоцентристские

[16] Mariátegui J. C. El Problema de la Tierra y Otros Ensayos. Havana: Editora Popular de Cuba y del Caribe, 1960; о чтении Мариатеги Че Геварой и связях с Кубой, см.: Becker M. Mariátegui and Latin American Marxist Theory. Athens, OH: Ohio University Center for International Studies, 1993. Pp. 74, 80.

правительства пришли к власти[17] и взяли на себя ответственность за судьбы 4/5 населения континента.

Могут ли написанные несколько десятилетий назад тексты Мариатеги сообщить нам что-то об актуальной траектории региона? Непосредственно в Латинской Америке наибольшее внимание в последние годы привлекает деятельность Мариатеги в рамках индейского вопроса, особенно это заметно в Боливии и Эквадоре. Вопрос о том, как рассматривать и как инкорпорировать специфические требования и давнюю традицию самоуправления индейских сообществ, на протяжении многих лет был одним из ключевых для стратегии левых. Такие мыслители как Пабло Гонсалес Казанова, вице-президент Боливии Альваро Гарсиа Линера, Анибал Кихана и др., уделили этому вопросу значительное внимание в своих трудах[18]. Важность этого вопроса только выросла после восстания Сапатистов в 1994 г., и с тех пор он оставался центральным для дискурса и практической деятельности правительств «розовой волны», особенно в Боливии и Эквадоре — двух странах, где в конституцию были внесены изменения с целью обозначить фундаментальную «многонациональность» их обществ.

В то время как взгляды Мариатеги на индейский вопрос имеют ясный современный резонанс, материальные основания латиноамериканских обществ с тех пор значительно изменились. Социально-экономический ландшафт теперь совершенно другой: по итогам периода промышленного роста и урбанизации в середине XX в. относительный вес аграрного сектора сократился, а последовавшие за этим в конце века долговые спирали и неолиберальные трансформации, часто сопряженные с массовой эмиграцией, разрушили традиционный сельский мир. В экономике господствуют конгломераты, занимающиеся добычей ресурсов и агроконцерны (в некоторых регионах в сотрудничестве с наркокартелями). Эти структурные изменения маркируют и политические отклики. Как указывал Рене Рохас, латиноамериканские левые середины XX в., имеющие влияние среди промышленного рабочего класса, были способны ока-

17 Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Эквадор, Парагвай, Уругвай и Венесуэла.

18 См. напр. в списке литературы: González Casanova (1996), García Linera (2007) и Quijano (2005).

зать значительное и долговременное влияние на политическую систему, принуждая ее к проведению необходимых социально-политических изменений. В результате трансформаций, произошедших в латиноамериканской экономике в эпоху неолиберализма, современные левые обладают значительно меньшим ресурсом структурной власти, в большей степени завися от краткосрочных народных мобилизаций[19].

Однако несмотря на эту принципиальную разницу, существует, по-видимому, степень формального сходства между стратегией Народного фронта, отстаивавшейся Мариатеги, и движениями, которые привели к власти правительства «розовой волны». Последние, как правило, составляют рыхлые, идеологически неопределенные коалиции, часто основывающиеся на сближении индейских движений, остатков левых организаций и организаций, борющихся за гражданские права. Эти коалиции были сформированы как ответ на результаты всепроникающего социального кризиса, вызванного неолиберальной реструктуризацией в 1980 и 1990-е гг. — что в некоторых частях Латинской Америки было сравнимо с эффектом Великой депрессии в 1930-е гг. Таким образом, мы можем рассматривать «розовую волну» как некоторое подобие постнеолиберальной тактики Народного фронта, хотя и реализующейся в более жестких рамках структурных ограничений, и в контексте, когда классовые идентичности как таковые в значительной степени ослабли.

Но есть также еще один аспект мысли Мариатеги, имеющий, как кажется, критическое значение. Я писал выше о влиянии, которое оказало на него пребывание в Европе; сам Мариатеги в предисловии к своим «Семи эссе» отмечал: «Я приобрел свою лучшую стажировку в Европе»[20]. Там он был свидетелем крушения anciens régimes и падения империй, революционного брожения, запущенного по всему континенту большевистской революцией, также как и поражения революции в Германии и первых ростков фашизма в Италии. Эти вопросы он активно рассматривал в своих текстах будучи в

19 Rojas R. The Latin American Left’s Shifting Tides // Catalyst Journal, 2018, Vol. 2, No. 2, Summer.

20 Mariátegui J. C. Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana (Obras completas, t. 2). Lima: Biblioteca Amauta, 1928. P. 12.

Европе, а по возвращении в Перу прочитал несколько лекций для рабочей аудитории в Universidad Popular González Prada, основанном в Лиме в 1923 г. для того, чтобы связать зарождающееся студенческое движение с образующимся городским пролетариатом[21]. Кризис старого порядка в Европе был для него ключевым источником уроков, стратегий и вопросов, о которых международное левое движение должно было немедленно быть проинформировано. С этой точки зрения, вместо того чтобы рассматривать Мариатеги как исключительно латиноамериканкого мыслителя, возможно, нам стоит рассматривать его в более глобальном контексте как теоретика кризисов, входящего в сформированную чрезвычайной ситуацией межвоенных лет плеяду мыслителей, стремящихся проанализировать наиболее болезненные симптомы этой ситуации.

Мариатеги написал однажды, что он и его современники «отдали себя в руки, без оговорок, полностью... Европе, ее жизни и ее трагедии. И в конце мы обнаружили, помимо всего прочего, нашу собственную трагедию, трагедию Перу и Латинской Америки»[22]. Другими словами, он увидел в Старом Свете то, что помогло ему заново открыть Новый Свет. Это наводит меня на мысль о возможности зеркального отражения в нашем современном мире капиталистического кризиса: привнесение опыта латиноамериканских левых в развитие событий в остальном капиталистическом мире, чтобы вновь увидеть их дальним зрением.

Перевод с англ. К. Харитонова

Библиографический список:

1. *Becker, Marc.* Mariátegui and Latin American Marxist Theory. Athens, OH: Ohio University Center for International Studies, 1993.
2. *Becker, Marc.* «Mariátegui, the Comintern, and the Indigenous Question in Latin America», Science & Society, Vol. 70, №. 4, October 2006, p. 450–479.
3. *Caballero, Manuel.* Latin America and the Comintern, 1919–1943. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

[21] These lectures were later published as the first volume of his collected works: see Mariátegui 1959.

[22] "'El Pueblo sin Dios' por César Falcón" (1929), in Mariátegui 1970.

4. *Chavarría, Jesús.* José Carlos Mariátegui and the Rise of Modern Peru, 1890–1930. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1979.
5. *Flores Galindo, Alberto.* La agonía de Mariátegui. Madrid: Editorial Revolución, 1991.
6. *García Linera, Alvaro.* La potencia plebeya: Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. Bogotá: CLACSO, 2007.
7. *González Casanova, Pablo.* «Lasetnias coloniales y el estado multiétnico», in González Casanova and Marcos Roitman, eds, Democracia y Estado multiétnico en AméricaLatina. Mexico City: La Jornada / UNAM-CIICH, 1996. Pp. 23–36.
8. *Klarén, Peter Flindell.* Peru: Society and Nationhood in the Andes. New York: Oxford University Press, 2000.
9. *Mariátegui, José Carlos.* Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana (Obras completas, t. 2). Lima: Biblioteca Amauta, 1928.
10. *Mariátegui, José Carlos.* Historia de la crisis mundial (1923–1924) (Obras completas, t. 8). Lima: Biblioteca Amauta, 1959.
11. *Mariátegui, José Carlos.* El Problema de la Tierra y Otros Ensayos. Havana: Editora Popular de Cuba y del Caribe, 1960.
12. *Mariátegui, José Carlos.* Ideología y política (Obras completas, t. 13). Lima: Biblioteca Amauta, 1969.
13. *Mariátegui, José Carlos.* Peruanicemos al Perú (Obras completas, t. 11). Lima: Biblioteca Amauta, 1970.
14. *Mariátegui, José Carlos.* Correspondencia, 1915–1930, 2 vols. Lima: Biblioteca Amauta, 1984
15. *Mariátegui, José Carlos.* Escritos juveniles (La edad de piedra), 8 vols. Lima: Biblioteca Amauta, 1987–1994.
16. *Miroshevski V.M.* «El 'populismo' en el Perú. Papel de Mariátegui en la historia del pensamiento social latinoamericano», in Aricó, José, Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano [2nd edn: 1980]. Mexico: Ediciones Pasado y Presente, 1941. Pp. 55–70.
17. *Núñez, Estuardo.* La experiencia europea de José Carlos Mariátegui y otros ensayos. Lima: Editora Amauta, 1978.

18. *Paris, Robert.* La formación ideológica de José Carlos Mariátegui. Mexico: Ediciones Pasado y Presente, 1981.
19. *Quijano, Aníbal.* «El 'movimiento indígena' y las cuestiones pendientes en América Latina», in Quijano, Cuestiones y horizontes. De la dependencia histórico-estructural a la colonialidad/descolonialidad del poder. Buenos Aires: CLACSO 2014. Pp. 635–663.
20. *Rénique, José Luis.* La batalla por Puno. Conflicto agrario y nación en los Andes peruanos, 1866–1995. Lima: IEP Ediciones/ SUR Casa de Estudios del Socialismo/ CEPES, 2004.
21. *Rojas, René.* «The Latin American Left's Shifting Tides», Catalyst Journal, 2018, Vol. 2, No. 2, Summer.
22. *Rouillon, Guillermo.* La Creación Heroica de José Carlos Mariátegui, t. I: La Edad de Piedra (1894–1919). Lima: Editorial Arica, 1975.
23. *Shanin, Teodor, ed.* Late Marx and the Russian Road. New York: Monthly Review Press, 1983.
24. *Vanden, Harry.* Mariátegui, influencias en su formación ideológica. Lima: Biblioteca Amauta, 1975.

УДК 321
ББК 66.1

Березкина Оксана Степановна,
кандидат политических наук, доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова
Berezkina Oksana Stepanovna
PhD in Political Sciences, Associate Professor
Moscow Lomonosov State University
os-berezkina@yandex.ru

Эволюция схемы «базис-надстройка» в политической мысли XX века

The evolution of the «basis-superstructure» scheme in political thought of the XX century

Аннотация. В статье прослеживаются основные изменения классической марксистской схемы «базис-надстройка» в политической мысли XX в. Автор отмечает эволюцию этой схемы в сторону большего внимания к элементам «надстройки» — государству, идеологии, культуре. Важнейшую роль в пересмотре отношений «базиса» и «надстройки» сыграли идеи и политическая практика В.И. Ленина, теоретическое наследие А. Грамши. В рамках неомарксистской мысли были выдвинуты тезисы о самостоятельном значении политико-идеологических и культурных факторов и необходимости приоритетного внимания к человеческому сознанию. Государство стало рассматриваться не только как инструмент господствующего класса, но и как центр формационных структур и фактор создания новых производственных отношений (структуралистский марксизм). Развитие трактовок политики и идеологии как самостоятельных арен социального действия и классовой борьбы, в конечном итоге, привело к леворадикальным позициям постструктурализма, сделавшего акцент на «идеологическом производстве» и «дискурсивных формациях». Постструктуралистские идеи, наряду с концепцией гегемонии А. Грамши, активно использовали постмарксисты, выведя на первый план положение о том, что социальный мир формируется дискурсом с помощью значений. Автор считает, что в определенном смысле постструктуралисты и постмарксисты довели до логического конца предшествующие положения, направленные на пересмотр отношения «базиса» и «надстройки». В статье делается вывод, что, несмотря на специфичность, отмеченные течения имеют точки соприкосновения с марксизмом, отвечая если не букве, то духу марксистской теории. Это выражается в критическом отношении к современному обществу,

акцентировании политической борьбы и проблематики доминирования, стремлении не только исследовать, но и «изменить мир».

Ключевые слова: классический марксизм; схема «базис-надстройка»; политическая мысль XX в.; В.И. Ленин; А. Грамши; структуралистский марксизм; политика; идеология; постструктурализм; дискурс; постмарксизм.

Abstract. The article traces the main changes of the classical Marxist schema «basis-superstructure» in the political thought of XX century. The Author notes the evolution of this scheme in the direction of greater attention to the elements of the «superstructure» — the state, ideology, and culture. The most important role in the revision of relations between the «basis» and «superstructure» was played by the ideas and political practice of Lenin, the theoretical heritage of Gramsci. Within the framework of neo-Marxist thought, theses were put forward about the independent importance of political, ideological and cultural factors and the need for priority attention to human consciousness. The state was considered not only as an instrument of the ruling class, but also as a center of formational structures and a factor of the creation of new production relations (structuralist Marxism). The development of interpretations of politics and ideology as independent arenas of social action and class struggle eventually led to the left-wing radical positions of poststructuralism, which emphasized «ideological production» and «discursive formations». Post-structuralist ideas, along with the concept of hegemony, were actively used by post-Marxists, bringing to the fore the position that the social world is formed by discourse with the help of meanings. The author believes that in a sense, poststructuralists and post-Marxists brought to a logical end the previous provisions aimed at revising the relationship of «basis» and «superstructure». The article concludes that, despite the specificity, the mentioned flows have points of contact with Marxism, responding if not to the letter, then to the spirit of Marxist theory. This is expressed in a critical attitude to modern society, the accentuation of political struggle and domination, the desire not only to explore, but also to «change the world».

Key words: classical Marxism; the scheme "basis-superstructure"; political thought of the XX century; V. I. Lenin; A. Gramsci; structuralist Marxism; politics; ideology; post-structuralism; discourse; post-Marxism.

Эволюция марксистской (или испытавшей явное влияние марксизма) мысли в XX в. включала существенные изменения классической марксистской схемы «базис-надстройка». Данная статья не претендует на исчерпывающую полноту в освещении вопроса, обозначая лишь некоторые значимые вехи на этом пути.

К. Маркс и Ф. Энгельс достаточно однозначно характеризовали государство, право, идеологию как «надстройку» над «базисом» (производительными силами и производственными отношениями) и как инструмент господствующего класса[1]. Р. Милибанд в обзорной статье, посвященной марксистской трактовке государства, отмечал, что Маркс никогда не занимался систематическим анализом государства, хотя затрагивал этот вопрос в ряде работ, и что для Маркса и Энгельса взгляд на государство как инструмент господствующего класса оставался основным[2]. Марксистская теория признавала относительную самостоятельность политико-идеологической надстройки, возможности ее влияния на базис, существование особых интересов и особого «духа» бюрократии, воплощавшегося в бюрократическом отношении к государству как к своей собственности[3]. Представляет значительный интерес работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», в которой содержится положение о том, что в основе политической власти повсюду лежало отправление «общественной должностной функции», что господствующий класс, захватив власть, «превращает руководство обществом в эксплуатацию масс» (тем самым функция политического руководства выводится Энгельсом на первый план)[4]. Однако в целом, в большей части работ, классический марксизм не акцентировал внимание на проблеме социального управления, выдвигая тезис об уничтожении в коммунистическом обществе государственно-административной машины вместе с классовыми отношениями. Не случайно в появившихся немного позднее теориях элит утверждалось о недооценке Марксом политико-управленческого фактора в формировании и жизнедеятельности «господствующего класса»[5].

1 Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13 С. 5–9; Маркс К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. С. 426 и др.

2 См.: A Dictionary of Marxist Thought (ed. By Tom Bottomore). Cambridge, 1987. P. 465.

3 Отмеченные положения отразились в работах К. Маркса «К критике гегелевской философии права», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.

4 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 184, 293.

5 Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 41–45.

Важнейшая роль в пересмотре классической схемы «базис-надстройка» принадлежит В. И. Ленину, еще в начале своей политической деятельности сделавшему вывод о необходимости внесения политического сознания в рабочее движение извне сферы экономических отношений и самой рабочей среды, о решающей роли партии нового типа в образовании «класса для себя» как борющейся группы[6]. Политическая практика большевиков, осмысленная в ленинских работах послереволюционного периода, наглядно доказала значение политической власти, организации, идеологии в процессе слома старых и строительства новых экономических отношений, в создании нового общества. Известное высказывание Ленина о том, что можно поступить и большевики поступили «наоборот», сначала завоевав политическую власть, а затем начав создавать необходимые экономические и культурные основания для социализма, и вовсе можно трактовать как опровержение экономического детерминизма[7]. Не случайно на современном этапе в поисках «подлинного политического действия» некоторые исследователи провозглашают «возвращение к Ленину»: Ленин рассматривается как пример «вмешательства в ситуацию», причем не в плане приспособления ее к объективным условиям, а в плане «осуществления вмешательства, изменяющего координаты ситуации». Подлинное политическое действие, по мнению, например, С. Жижека, — это вмешательство в социальную реальность, которое изменяет сами координаты того, что воспринимается как «возможное»; оно «заново переопределяет то, что является благом»[8].

Явный отход от классической схемы характеризовал работы одного из крупнейших марксистских мыслителей XX в. А. Грамши, акцентировавшего автономность политики и идеологии по отношению к экономике, предлагавшего разрабатывать положения о значении «надстройки», отмечавшего способность людей изменять обстоятельства своей жизни посредством борьбы, «сильной волевой деятельности»,

---

6 Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 124–127.

7 Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

8 Цит. по: Глинос Дж. Радикальный демократический этос, или Что такое подлинное политическое действие? // Логос. 2003. № 4–5. С. 96.

«непосредственного вмешательства в "силу вещей"», решительно осуждавшего «механистический детерминизм», который превращается в причину пассивности, подчеркивавшего необходимость развития «философии практики», действия «в самом грубом и мирском смысле слова»[9]. В качестве важнейших элементов философии практики он выделял «понятие гегемонии, переосмысление философского фронта, систематическое изучение функции интеллигенции в государственной и исторической жизни, учение о политической партии как авангарде любого прогрессивного исторического движения»[10]. (Влияние ленинских идей и политической практики в этом вопросе представляется очевидным.) Грамши подчеркивал значение воплощенной в государстве политической силы и особого идеологического аппарата как оснований господства капиталистического класса. «Первым элементом политики» он называл деление на «правителей и управляемых, руководителей и руководимых», хотя и ставил в качестве главной задачи происхождение этого деления, связываемое с экономической структурой[11]. Концепция гегемонии, разработанная А. Грамши, имела большое значение для последующего развития политической мысли, использовалась исследователями разных направлений. Гегемония, предполагающая «активный консенсус» в обществе, включает идейно-политическое и культурное превосходство господствующего класса, добивающегося этого за счет воздействия на массовое сознание (а также за счет имманентно присущих «обыденному» сознанию черт). Грамши особенно подчеркивал значимость идеологической борьбы, утверждая: идеологии — реальные исторические явления, с которыми нужно бороться, чтобы «сделать руководимых духовно независимыми от руководящих, чтобы покончить с гегемонией одних и установить гегемонию других, ибо таково необходимое условие переворачивания практики»[12]. Политическому, идеологическому, культурному «фронтам» Грамши уделял основное внимание.

---

[9] Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 37–38, 70–71 и др.

[10] Там же. С. 220.

[11] Грамши А. Тюремные тетради // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 312–313.

[12] Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 269.

Представители «структуралистского марксизма» Л. Альтюссер и Н. Пуланцас предложили тезис о «двусторонности» причинных связей между политикой, идеологией и экономикой, предопределенности классов не только экономической, но политической и идеологической структурами. «Социальный класс, — писал Пуланцас, — определяется его местом в общественном разделении труда в целом, что включает также политические и идеологические отношения…»[13]. Очищенная, по мнению структуралистов, от «экономизма» марксистская схема включала теперь практически «на равных» факторы, считавшиеся классиками определенно вторичными, экономические противоречия трактовались как внутренняя, глубинная структура, никогда непосредственно не определяющая событий. Государство трактовалось Пуланцасом не как инструмент господствующего класса, а как «фактор единства всех уровней общественной формации», регуляции ее глобального равновесия как системы, как «центр, где можно обнаружить цельность и сочлененность формационных структур»[14]. В конечном итоге у Пуланцаса государство не только представало как центр формации, но «могло бы рассматриваться и как фактор создания новой цельности, новых производственных отношений» (многократное цитирование В.И. Ленина в этом контексте представляется закономерным)[15]. В целом у Пуланцаса увязаны в одну цепочку «Маркс, Энгельс, Ленин и Грамши», а одним из ключевых положений является вывод о необходимости специального изучения политики, поставленного как цель анализа.

Альтюссер и Пуланцас характеризуются как представители «структурного» (или функционального) подхода в рамках неомарксистской мысли в противовес «инструментальному» направлению (государство — инструмент господствующего класса). Последнее развивалось, в частности, через детальное изучение состава и структуры «правящих классов», и обозначено рядом авторов, среди которых выделяется Р. Милибанд. В известной работе «Государство в капиталистическом обще-

---

13 Poulantzas N. Classes in Contemporary Capitalism. L., 1975. P. 14–15.

14 Пуланцас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 815.

15 Там же.

стве» Милибанд предпринял попытку доказать несостоятельность плюралистических теорий элит. Согласно его выводам, в капиталистическом обществе существует единый «правящий класс», связанный многочисленными семейными, образовательными, экономическими, культурными узами; политические руководители являются выходцами из того же социального слоя, что и руководители бизнеса[16]. Нельзя не отметить, что попытка марксистского анализа «правящего класса» на практике обернулась очередным вариантом «властвующей элиты», наглядно подтвердив возможность и вероятные точки «конвергенции» марксистского и элитаристского подходов.

Особое место в неомарксистской мысли заняла Франкфуртская школа, представители которой акцентировали внимание на компонентах надстройки и в основном — на культуре и искусстве, считая, что Маркс недостаточно оценил влияние этих сфер, и через работу с ними (прежде всего, интеллигенции) можно повлиять на характер социальной структуры общества. С другой стороны, особенностью «фрейдомарксизма» было пристальное внимание к сознанию и психике человека, исследование индивидуальных и групповых проявлений определенного психического склада, «материалистическое» понимание личности, которое давал психоанализ (Э. Фромм, Г. Маркузе и др.). Концепции теоретиков Франкфуртской школы были призваны дать человеку «критическое знание», представление о реальном характере общественного устройства, об истоках «отчуждения» и идеологических искажений, что, в свою очередь, должно было способствовать преодолению противоречий социальной жизни и освобождению личности. По мнению Ю. Хабермаса, целью критического знания является пробуждение общественной рефлексии и эмансипация людей как субъектов: «…Критика, которую Маркс разработал как теорию общества, а Фрейд как метапсихологию, различается именно включением интереса, направляющего знание, — интереса к эмансипации, выходящего за пределы технического и практического интересов к знанию»[17].

16 Miliband R. The State in Capitalist Society. L., 1969.
17 Habermas J. Theory and Practice. L., 1974. P. 9.

В целом можно констатировать, что в XX в. марксистская теория эволюционировала в сторону большего внимания к факторам политики, идеологии, культуры, проблематике знания, что явилось следствием недостаточной адекватности классической схемы «базис-надстройка» для объяснения общественных явлений, особенно в современную эпоху. Одним из главных стал вопрос о природе и степени автономии государства, формах проявления его «классового характера», прежде всего, применительно к современным капиталистическим обществам. Целый ряд авторов двигались в направлении признания самостоятельного значения государства, а также культурно-идеологических факторов, мотивируя тем, что многообразные социально-политические процессы невозможно уложить в традиционное русло классовых отношений, так или иначе сводимых к экономическим.

Однако развитие трактовок политики и идеологии как самостоятельных арен социального действия и классовой борьбы, в конечном итоге, привело к леворадикальным позициям постструктурализма, провозгласившего разрыв с основополагающими марксистскими тезисами (М. Фуко, П. Бурдье и др.). «Тот, кто пытается противопоставить ″реальную бороду″ Маркса ″фальшивому носу″ Сталина, — говорил М. Фуко, — тот напрасно теряет время»[18]. На почве постструктурализма и влияния теории гегемонии А. Грамши, в свою очередь, взошли семена постмарксизма (Э. Лаклау, Ш. Муфф)[19]. В итоге в рамках постструктурализма «политическое поле» стало трактоваться как автономный феномен, способный оказывать решающее влияние на процесс классообразования и классового действия, политические битвы — прежде всего, как битвы в символическом пространстве, политика — как явление, формирующее «материю» социального, дискурс — как способ доминирования и контроля в обществе, понятия гуманитарного знания — как относительные, не имеющие фиксированных значений в материальном мире. «Класс, — писал, например, П. Бурдье, — существует в той и лишь в той мере, в которой уполномоченное лицо <…>

[18] Цит. по: Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб, 1996. С. 235.

[19] Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985.

может быть и ощущать себя облеченным властью говорить от своего имени — в соответствии с уравнением: ″Партия есть рабочий класс″, а ″Рабочий класс есть партия″ <…> такое лицо может осуществить эту формулу как реальную силу в недрах политического поля <…> Этот рабочий класс как ″воля и представление″ <…> не имеет ничего общего с классом в действии, с реально мобилизованной группой, которую упоминает марксистская традиция»[20]. Бурдье неоднократно подчеркивал, что политика в собственном смысле слова начинается с «расторжения <…> молчаливого договора о членстве в заведенном порядке, который определяет исходную доксу», что политический бунт предполагает бунт когнитивный, «переворот в видении мира»[21]. М. Фуко акцентировал внимание на понятии дискурсивной формации как «общей системе высказываний, которой подчиняется группа вербальных реализаций», как пространства многочисленных разногласий, совокупности различных оппозиций, уровни и роли которых нужно описать»[22].

В целом социальные структуры у постструктуралистов существуют не только как конкретные, внешние по отношению к человеку, институты, но и как элементы представлений, схем мышления и оценок, что гораздо более важно. Утвердившиеся схемы мышления, дискурсы детерминируют поведение человека, навязывают легитимное видение социального мира, которое стремится закрепиться в объективных институтах. Следовательно, приоритетное внимание теоретиков должно быть уделено исследованию логики образования понятий и классификаций, полю «идеологического производства», режиму производства дискурсов.

Постмарксисты, в свою очередь, задаются вопросом: как дискурсивно оформить класс как сознательную, солидарно борющуюся группу в условиях современной значительно изменившейся социальной структуры? Вслед за постструктуралистами они выводят на первый план анализ «идеологического производства», необходимость создания новых концепций, которые должны решающим образом повлиять на формирование

---

[20] Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 91–92.

[21] Бурдье П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2005. № 4–5. С. 33.

[22] Фуко М. Археология знания. СПб., 2012. С. 91, 284.

нового социального проекта. В центре внимания постмарксистов — дискурс как способ восприятия и формирования социальной жизни. Категория социального понимается как дискурсивное пространство, политика рассматривается как сфера борьбы между определенными дискурсами. Любой дискурс, в свою очередь, является открытой для изменений структурой, включает возможности выхода за его рамки, переформатирования, подрыва дискурсивных практик и социальных систем. Общество находится в постоянном становлении («невозможность общества»), социальное включает многообразную игру различий, а также стремление к доминированию, формированию гегемонии. Постмарксисты характерны постановкой вопроса об антагонизме и власти как существе феномена политического, о том, что всякий политический порядок является выражением гегемонии. Они вступают в спор с теми, кто идеализирует современную демократию и выдвигает возможность ее перерастания в «демократию обсуждения» и согласия (Ю. Хабермас), настаивают на необходимости «живого столкновения» демократических позиций, политических страстей, борьбы, в которой противник, однако, считался бы не врагом, а конкурентом (агонистическая теория демократии) и т. д.[23]

Очевидно, что в определенном смысле теоретики левой ориентации — постструктуралисты и постмарксисты — довели до логического конца предшествующие марксистские положения, направленные на пересмотр характера отношений «базиса» и «надстройки». Они провозгласили приоритетное значение политико-идеологического производства в осмыслении общества, выведя на первый план положение о том, что социальный мир формируется дискурсом с помощью значений. При этом постмарксисты претендуют на переосмысление («реактивацию») марксизма через «деконструкцию» его основных категорий и акцентирование понятия гегемонии, в то время как постструктуралисты открыто провозгласили «разрывы с марксистской теорией», прежде всего, с «экономизмом», сводящим многообразие социального пространства к производственным отношениям, с «интеллектуалистской иллюзией», по причине

[23] Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180–197.

которой сконструированный ученым класс рассматривается как реально действующая группа людей, и с «объективизмом», приводящим к игнорированию символической борьбы, целью которой являются сами представления о социальном мире[24]. Самопозиционирование теоретиков отличается, однако исследователи считают именно концепцию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф наиболее «чистой» в плане приверженности идеям постструктурализма.

Следует отметить, что постструктуралисты и постмарксисты негативно отнеслись к марксизму-ленинизму в советском варианте, хотя нельзя не признать, что именно Ленин не только много писал об идеологической борьбе, но и доказал ее значимость, не только создавал теории, но сумел на практике воплотить конструктивистский проект, заявив в конце концов, что экономическая детерминация не обязательна. Современные авторы возражают, прежде всего, против реалий советского общества, трактуемых как «просвещенный деспотизм интеллектуалов и бюрократов, которые выступали от имени масс, объясняли им их истинные интересы и навязывали все более и более тоталитарные формы контроля»[25].

Так или иначе, с марксизмом оба обозначенных течения роднит критическое отношение к современному капиталистическому обществу, акцент на проблеме власти и гегемонии (дискурс как способ властвования), на политике как сфере борьбы, стремление к социальному конструированию, поиск нового «класса для себя» и др. (в данном случае автор не рассматривает сложные политико-философские построения постмарксистов). Упоминавшиеся теоретики не просто исследуют общество, как это делают позитивисты, они стремились или стремятся (что характерно для марксистского подхода) «изменить мир», предложить основу и пути этого изменения. Несмотря на специфичность, современные течения объективно свидетельствуют: марксистские идеи и сам дух марксистской теории продолжают жить в разнообразных воплощениях даже в тех случаях, когда сходство кажется или объявляется невозможным.

---

24 Бурдье П. Социология политики. М., 1993 С. 55.

25 Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. № 4–5. С. 56.

Библиографический список:

1. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
2. *Бурдье П.* Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4–5. С. 33–42.
3. *Глинос Дж.* Радикальный демократический этос, или Что такое подлинное политическое действие? // Логос. 2003. № 4–5. С. 82–105.
4. *Грамши А.* Тюремные тетради // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 311–325.
5. *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., 1991.
6. *Громов И., Мацкевич А.* Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
7. *Лаклау Э.* Невозможность общества // Логос. 2003. № 4–5. С. 54–58.
8. *Ленин В.И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 1–192.
9. *Ленин В.И.* О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–382.
10. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5–9.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419–459.
12. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 41–45.
13. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180–197.
14. *Пуланцас Н.* Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 807–826.
15. *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2012.
16. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 1–338.
17. A Dictionary of Marxist Thought (ed. By Tom Bottomore). Cambridge, 1987.
18. *Habermas J.* Theory and Practice. L., 1974.
19. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985.

20. *Miliband R.* The State in Capitalist Society. L., 1969.
21. *Poulantzas N.* Classes in Contemporary Capitalism. L., 1975.

УДК 930.1+94(47).084
ББК 60.03+63.3(2)6

Отюцкий Геннадий Павлович,
доктор философских наук, профессор
Российского государственного социального университета
Otyutskiy Gennady,
Prof. Dr. in Philosophical Sciences,
Russian State Social University,
otiuzkyi@mail.ru

К. Маркс и российские революции XX века

K. Marx and Russian revolutions of the XX century

Аннотация. В статье предпринята попытка нового осмысления исторических границ глобального социалистического эксперимента — крупнейшего социального проекта XX в., опиравшегося на теоретические прогнозы и не имевшего предшествующих аналогов в истории. Четверть века назад социалистический эксперимент был прерван, но до сих пор отсутствуют адекватные оценки его завершающего этапа. Окончательное свержение монопольной власти коммунистической партии было результатом антикоммунистической революции 1991 г., начало которой связано с августовским путчем, а окончательные результаты закреплены беловежским сговором, развалившим СССР.

Вооруженный разгон Совета народных депутатов положил начало сентябрьско-октябрьской антисоветской революции 1993 г., результаты которой закреплены в Конституции РФ. Эту революцию по праву можно считать Великой антисоветской революцией в силу глобальности ее результатов — она поставила окончательную точку в глобальном советском социалистическом эксперименте и окончательно свергла советскую власть в России.

Ключевые слова: Маркс; революция; социальный эксперимент; Великая Октябрьская социалистическая революция; антикоммунистическая революция; антисоветская антисоциалистическая революция.

Abstract. The article attempts to make of new judgment of historical borders of global socialist experiment — the largest social project of the XX century which was guided by theoretical forecasts and not having the previous analogs in the history. Quarter of the century back socialist experiment was interrupted, but still there are no adequate estimates of its final stage. Final overthrow of the exclusive power of communist party was result of anti-communistic revolution of 1991 that started with

August putsch, and final results were consolidated by the Belovezhsky arrangement which disorganized the USSR.

The armed dispersal of the Council of People's Deputies laid the foundation of anti-Soviet revolution of 1993 the results which were enshrined in the Constitution of the Russian Federation. This revolution by right can be considered as Great anti-Soviet revolution owing to globality of its results — it put the final end to global Soviet socialist experiment and finally overthrew the Soviet power in Russia.

Key words: Marx; revolution; social experiment; Great October socialist revolution; anti-communistic revolution; anti-Soviet anti-socialist revolution.

Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. исполнилось сто лет. На первый взгляд, такой срок вполне достаточен для осмысления и оценки сущности этого события. Однако ситуация в современном отечественном социально-гуманитарном знании показывает, что такого срока не хватило для подлинно системных научных изысканий и теоретических выводов относительно одного из самых важный событий мировой истории XX в. Несколько очевидных тенденций подтверждают этот вывод. Отметим лишь некоторые из них.

Первое. Во многих современных исследованиях стали преобладать конъюнктурные соображения, исходя из которых авторы таких исследований не только принижают значение Октябрьской революции, но и искаженно трактуют ее социальные, политические, культурные и т. д. последствия в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Существуют, к примеру, публикации, характеризующие Октябрьские события в Петербурге как верхушечный переворот при незначительной поддержке рабочих[1].

Второе. Итогом многих совещаний, конференций, симпозиумов российских историков, проводимых накануне 100-летия Великого Октября, стал тезис о необходимости объединения Февральской и Октябрьской революций понятием Великая революция 1917 г.[2] и в таком синкретическом, нерасчлененном

1 Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 г. пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 119–120.

2 Тропов И.А. Измерить революцию: современная отечественная историография и потенциал исторической компаративистики (к постановке проблемы) // В сборнике: Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. 2017. С. 24–29.

виде представлять эти события новым поколениям российских граждан, фактически игнорируя сущностные социально-классовые изменения, определявших сущность и задачи революционного процесса на каждом конкретном историческом этапе даже в течение одного лишь 1917 г. Справедливости ради отметим, что поддерживая концепцию «единого революционного процесса в России», многие историки все же считают нужным выделять в этом процессе отдельные «взаимосвязанные этапы февраля и октября 1917 г.»[3].

Третье. Широкий круг либеральных исследователей последовательно изгоняет «большевистский» термин «Великая Октябрьская социалистическая революция», настойчиво внедряя вместо него понятие «кровавый октябрьский переворот»[4].

Методологическая несостоятельность таких позиций осознается все шире. Так, историограф Н.Т. Кудинова говорит о необходимости внесения определенности в название революции, поскольку «отсутствие ее однозначного определения не позволяет четко обозначить предмет научной полемики»[5]. Сама Н.Т. Кудинова считает наиболее приемлемым название «революция 1917 г. в России» (отметим в скобках, что этот вариант вообще лишен социально-политической определенности), не исключая при этом, «что предложенные варианты названия со временем могут трансформироваться в такое понятие, как "Великая Российская революция" или же, напротив, революционные события 1917 г. войдут в историю под названием "Великая смута"»[6].

Четвертое. В современных политологических текстах прочно утвердился термин «цветные революции» по отношению к государственным переворотам, стимулируемым, как правило, извне. Фактически происходит преднамеренная тер-

---

3 Тропов И.А. Актуальные проблемы истории революции 1917 года в России // URL: http://mognovse.ru/izm-aktualenie-problemi-istorii-revolyucii-1917-goda-v-rossii.html

4 Булдаков В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М.: Политиздат, 1991. С. 39.

5 Кудинова Н.Т. Революция 1917 г. в России (к вопросу о названии революции) // http: // URL: pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/science/nir/elcatalog3/text7/

6 Там же.

минологическая (а следовательно, — принципиальная методологическая) инверсия, которая не может считаться простой понятийной путаницей. Фактически — это форма методологической «диверсии», которая служит целям преднамеренного искажения сущности описываемых в этих терминах социально-политических явлений.

Очевидно, что революция в широком ее понимании есть коренная, качественная смена не только политического, но и социально-экономического строя государства. «Цветные революции» приводят, как правило, лишь к верхушечному политическому перевороту и межклановому перераспределению экономических ресурсов. Однако характеристика их в качестве революций позволяет замаскировать именно межклановый характер интересов и выдать их за проявление широкой народной воли.

Справедливости ради отметим, что на рубеже первого-второго десятилетий XXI в. отечественные историки и историографы осознали необходимость трактовки событий 1917 г., «исходя из понимания того, что такое революция»[7].

Пятое, и, видимо, самое главное — в умах едва ли не большинства исследователей происходит массовый отход от марксистской методологии исследования социальных революций, прежде всего, революции социалистической.

Хорошо помню 1 сентября 1991 г. Ко мне в кабинет (я руководил кафедрой общественных наук в высшем военном училище) вбежал начальник одной из технических кафедр, доктор технических наук, известный коллективу педагогов острыми выступлениями на партийных собраниях с сугубо марксистских позиций. На нем буквально не было лица: «Погибло все, во что мы верили, — марксизм оказался ложным учением! А мы так верили в Маркса!». Мои возражения о том, что за развал Советского Союза ответственны, прежде всего, его руководители, но отнюдь не Карл Маркс, что этот факт ни в коей мере не может служить аргументом против марксистской теории, — никакой ответной реакции у него не встретили, равно как и последующие дискуссии на эту тему. Буквально через не-

[7] Чураков Д.О. 1917 год в современной историографии: проблемы и дискуссии // Историография и источниковедение. 2009. № 4. С. 107–108.

сколько месяцев этот преподаватель стал распространителем религиозного журнальчика «Башня стражи», уволился из рядов Вооруженных Сил и пропал из поля зрения. Факт, весьма характерный для того времени, — одна слепая вера заменилась другой — такой же слепой — верой.

После августа 1991 г. и особенно после октября 1993 г. К. Маркс и Ф. Энгельс на значительный период стали «персонами нон грата» в отечественных социально-гуманитарных публикациях. Между тем неисчерпаемые методологические возможности марксистского метода, основы которого в системном и сжатом виде изложены в «Манифесте Коммунистической партии», позволяют не только предпринять такие попытки, но и высветить те стороны этого процесса, которые остаются на периферии исследовательского поля.

В то время, когда отечественная наука от Маркса отвернулась, могучее влияние теории Маркса продолжала испытывать на себе западная общественная наука. Даже те, кто не принимает Маркса-революционера, как минимум почтительно относятся к Марксу-исследователю. Периодически воспроизводящиеся экономические кризисы заставляют вновь обращаться к «Капиталу» Маркса. Широкому знакомству с основами его экономического учения способствуют, в частности, вошедшие на Западе в моду комиксы на основе Марксова «Капитала»[8].

Показательно, что 200-летие со дня рождения Карла Маркса отмечалось всего через полгода после 100-летия Октябрьской революции. К. Маркс постоянно интересовался Россией и понимал сущность российских социально-экономических и политических реалий своего времени. Он, к примеру, обстоятельно обсудил в трех статьях сущность готовившейся Крестьянской реформы в России. Однако реформы 1860–1870-х гг. в царской России не сыграли роли буржуазной революции: сохранялся феодальный класс — военно-служилое сословие, фактически находившееся у власти до 1917 г. Справедлива идея многих исследователей о том, что 1861 год породил 1905-й, а 1905-й — 1917-й[9]. К. Маркс ясно видел ограниченные усло-

---

8 См. напр.: Смит Д., Эванс Ф. «Капитал Маркса» в комиксах. М.: Эксмо, 2017.

9 Гросул В.Я. Карл Маркс и русские революционеры // Политическое

вия Крестьянской реформы 1861 года и в начале 1870 г. написал, что пришел к «глубокому убеждению: в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция...»[10].

Вместе с тем, как справедливо отмечает С.Н. Мареев, «Маркс никогда не считал себя кудесником — любимцем богов и, в частности, предупреждал русских революционеров, что для судеб русской крестьянской общины и ее роли в будущей русской революции из его "Капитала" тут ничего не следует. Все зависит от массы обстоятельств, которые сможет учесть только будущий историк»[11].

Октябрьская революция 1917 г. — первый в истории разработанный, запланированный и реализованный общенациональный социальный проект, опиравшийся на обстоятельные теоретико-методологические основания: марксистскую концепцию социализма, доработанную В.И. Лениным применительно к конкретным российским условиям.

Аналогов такому проекту в истории не было. Некоторые примеры давала Парижская коммуна, но в целом этот проект был уникальным, опиравшимся, по сути, только на теоретические (хотя и, в известной мере, утопические) прогнозы. Противоречивые и утопические аспекты социалистического проекта были в свое время подмечены Н.А. Бердяевым. Он считал, что грядущее социалистическое общество — это неотеократия: «Социалистическое общество и государство по типу своему вероисповедальное, сакральное, а не секулярное, не светское»[12]. Поэтому принципы теократии фактически воспроизводились в советском обществе, начиная с самого начала, хотя и в светской форме. Однако Н. Бердяев — философ-диалектик. Будучи идейным противником коммунизма, он, тем не менее, показывает: «Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией... хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения. Правда, она создала самое

просвещение. 2018. № 3 (104). С. 38.

[10] Маркс – Лауре и Полю Лафарг, 5 марта 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 549.

[11] Мареев С.Н. Разговор о марксизме начистоту // Политическое просвещение. 2018. № 3 (104). С. 96.

[12] Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия. // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. http://vehi.liter.ru/index.html

большое угнетение и уничтожила всякую свободу, но делала это, искренно думая, что это — временное средство для осуществления высшей цели... Русская революция пробудила и раековала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл»[13].

Таким образом, Октябрьская революция 1917 г., пробудив и расковав огромные силы русского народа, не просто утвердила новый тип государственной власти — советскую власть, но и положила начало становлению нового экономического строя, который на протяжении многих десятилетий не только успешно конкурировал с капитализмом, но и выдержал испытания самой тяжелой войны — Великой Отечественной.

Уместно вспомнить исполненные исторического оптимизма слова В. И. Ленина: «Революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение»[14].

Прошедшая четверть века показала, что, за исключением России, Белоруссии и Казахстана, бывшие республики СССР так и смогли достичь экономического развития уровня 1991 г. Утратили положение мощных индустриально развитых держав и многие бывшие социалистические страны Восточной Европы: Польша, Чехия, Словакия, даже Восточная Германия.

Социалистический проект — глобальный инновационный фактор мировой истории XX в., начало которого не могло не носить революционного характера. Но и прерывание этого эксперимента также не могло быть рядовым историческим событием.

Однако российские исследователи до сих пор не дали адекватной оценки этого события, а некоторые этапные феномены попросту замалчивают. Б.В. Дубин отмечал, что в первом десятилетии XXI в. события августа 1991 г. «оказались значимыми лишь для меньшинства россиян»[15]. По его данным, уже в 2005

---

13 Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: философы русского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 264.

14 Ленин В.И. Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 366–367.

15 Дубин Б.В. События августа 1991 г. в общественном мнении России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6 (80). С. 58.

г. приблизительно три пятых из числа опрошенных не могли вспомнить свою реакцию на события 1991 г., или они утверждали, что у них не было времени, чтобы разобраться в ситуации в те дни[16]. Понятно, что в таких условиях не могло стоять вопроса о понимания этих событий в широком социальном и историческом контексте, в рамках теории революций. Поэтому действительно теоретическое понимание событий 1991–1993 гг. было сначала предпринято иностранными исследователями.

Так, Э. Арато и Д. Коэн, осмысливая российский опыт последних лет СССР и опыт революционных событий конца 1980 — начала 1990-х гг. в Восточной Европе, говорят об исторически новом феномене — постреволюционных или «самоограничительных революциях»[17]. Британский профессор Р. Саква применительно к процессам в СССР и Восточной Европе в 1989–1991 гг. пишет об «антиреволюциях, которые не являются контрреволюциями»[18]. С этими утверждениями можно спорить, но важно, что события 1991 г. в России трактуются как революционные. Правда, тут же, противореча себе, автор утверждает, что «попытки втиснуть события 1989–1991 гг. в привычную теорию революции является искажением действительности»[19].

В числе первых (и немногих!) отечественных исследователей, трактующих события 1990-х гг. в России именно как революцию, были И.В. Стародубровская и В.А. May[20].

Российские исследователи В.С. Измозик и С.Н. Рудник самим названием статьи формулируют актуальный вопрос «Российские революции XX века: сколько их было?» и предлагают свою периодизацию «единой истории российской революции»: первый этап — конец февраля – начало марта

---

16 Дубин Б.В. События августа 1991 г. в общественном мнении России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6 (80). С. 53.

17 Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 37–38.

18 Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. // URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2463

19 Там же.

20 Стародубровская И.В., May В. А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004.

1917 г. (завершился падением монархии), второй — март – октябрь 1917 г. (борьба вчерашних союзников за выбор модели дальнейшего развития), третий — октябрь 1917 – март 1921 гг. (период Гражданской войны, завершившийся укреплением власти большевиков)[21]. Как видим, XX век в их понимании весьма короток: сюда не вошли 1990-е гг., принадлежащие именно XX в. Вопрос о количестве революций в России ставят и другие авторы, но лишь применительно к 1917 г.[22]

В Информационном бюллетене КПРФ рассматриваемые события трактуются как развал СССР, «за которым последовал кровавый государственный переворот и расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года»[23]. В проекте программы партии «Родина: здравый смысл (РЗС)» эти же события определены как «катастрофа 90-х»[24].

Однако если советский и европейский социализм возникли «по Марксу», то и прекратить свое существование они могли тоже только «по Марксу». Речь не идет о том, что жизнь целых народов может идти «по Марксу», «по Ленину», или «по Д. Беллу». Жизнь социума идет сама по себе, но при этом она подчиняется объективным законам, отменить которые невозможно. Эти законы и открыты Марксом, а выявленная им диалектика производительных сил и производственных отношений, диалектика базиса и надстройки в конкретно-исторической форме (в системном виде отраженная в концепции общественно-экономических формаций) проявляет себя на всех этапах общественного развития. Важный аспект этого понимания заключается в том, что революция в подлинном смысле этого слова (а не просто государственный переворот) связана

[21] Измозик В.С., Рудник С.Н. Российские революции XX века: сколько их было? К постановке проблемы // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, проф. А.З. Ваксера. СПб.: «Европейский Дом», 2008.

[22] Ерофеев Н.Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Историография и источниковедение. 2009. № 2. С. 92–109; Чураков Д.О. 1917 год в современной историографии: проблемы и дискуссии // Историография и источниковедение. 2009. № 4. С. 104–115.

[23] Коммунистическая партия Российской Федерации Центральный Комитет. Информационный бюллетень. М., 2017. № 3(153). С. 7.

[24] Шаги к правде. Программные документы партии «Родина: здравый смысл (РЗС)». М., 2010. С. 2.

с принципиальным изменением экономических основ жизни общества, со сменой форм собственности.

В свою очередь, необходимость смены таких форм возникает тогда, когда существующие производственные отношения становятся тормозом назревшего развития производительных сил. Именно такая необходимость и вызвала Октябрьскую социалистическую революцию, которая, решая собственные задачи, вынуждена была устранять пережитки феодализма, еще сохранявшиеся в России. Но та же задача возникла и в конце 1980-х: развитие советских производительных сил стремительно замедлялось, назревала замена производственных отношений.

Российский философ А.И. Ракитов писал в 1989 г. о том, что информатизация и медиатизация общества (как важнейшая характеристика обновляющихся производительных сил) «плохо прививаются в отсутствие рыночной экономики, демократического общественного строя, гарантированного законом свободного доступа к любой информации, необходимой для жизнедеятельности и свободного развития человека»[25]. Он выдвинул три возможных сценария развития информатизации в СССР. По одному из них «медиатизация будет ограниченна, деформирована, технологические инновации зайдут в тупик… Информационный коллапс, нарастание серии общественно-политических кризисов, усиление всех перечисленных выше негативных процессов и сильное общественное потрясение во второй половине следующего десятилетия»[26]. Философ ошибся только в том, что потрясения произошли не во второй, а в первой половине десятилетия — в 1991–1993 гг.

Метко подмечено Р.И. Косолаповым: «Идейное наследие Маркса не подлежит старению. У Маркса всегда найдется слово, сказанное, будто сегодня»[27]. Люди, пережившие «перестройку», хорошо помнят лавинообразное распространение различных кооперативов, ухитрявшихся продавать даже танки. Именно они стали для многих будущих российских милли-

---

25 Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. С. 281.

26 Там же. С. 282.

27 Косолапов Р.И. Маркс современен всегда // Политическое просвещение. 2018. № 2 (103). С. 37.

онеров и миллиардеров способом обеспечить первоначальные накопления.

Поэтому может быть единственный ответ на вопрос: куда делась советская власть, утвердившаяся революционным путем? Эта власть революционным же путем была свергнута.

«Августовский путч» положил начало антикоммунистической революции 1991 г., окончательно свергнувшей монопольную власть коммунистической партии. В итоге парадоксальным образом осуществился лозунг меньшевиков и эсеров 1917–1918 гг. — «За Советы без коммунистов». Фактически открывалась (по крайней мере, в России) перспектива нового направления развития советской власти на реформируемой экономической основе. Теоретически, если бы в условиях гайдаровско-чубайсовских реформ приватизация предшествовала либерализации цен, возможно было бы ускоренное формирование достаточно крупного среднего класса, интересы которого и выражала бы обновленная советская власть. Однако порядок мер был иным, и приватизация в условиях либерализации цен привела к иным результатам: с одной стороны — к массовому обнищанию населения, с другой — к ускоренному формированию класса крупной и крупнейшей российской буржуазии, нередко — криминального происхождения. Окончательные результаты этой революции закреплены беловежским сговором, развалившим СССР.

В результате сентябрьско-октябрьской антисоветской революции 1993 г., начало которой положено вооруженным разгоном законно избранного Совета народных депутатов, а результаты закреплены в Конституции РФ, советская власть в России была свергнута окончательно. Эту революцию по праву можно считать великой антисоветской антисоциалистической революцией в силу глобальности ее результатов — она поставила окончательную точку в глобальном советском социалистическом эксперименте. Конституция РФ закрепила формирование новой — буржуазной — надстройки и легализовала процессы революционной замены социалистических производственных отношений постсоциалистическими — буржуазными.

Ирония истории в том, что в целом ряде черт и начало, и завершение социалистического эксперимента зеркально схожи.

Император Николай II добровольно отрекся от власти, тем самым закрепив результаты буржуазной революции февраля 1917 г. М.С. Горбачев не только добровольно сложил полномочия первого президента СССР, но и активно содействовал ослаблению власти той КПСС, Генеральным секретарем которой он являлся, что в итоге привело к антикоммунистической революции 1991 г.

Всероссийское учредительное собрание по указанию В.И. Ленина было разогнано в январе 1918 г., а Б.Н. Ельциным в 1993 г. разогнан Совет народных депутатов и Верховный Совет РСФСР (на Конституции именно этого государства приносил клятву Б.Н. Ельцин в 1991 г., будучи избранным Президентом России), что стало началом антисоветской, антисоциалистической революции в России.

Уникальным был теоретический проект социалистического развития. В известной мере уникальным был и теоретический проект 1991–1993 гг., поскольку переход от социализма к постсоциализму осуществлялся также впервые в истории по теоретическим моделям, разрабатываемым тогдашними младореформаторами, и также в существенной мере утопическим. Достаточно вспомнить выдвинутый накануне распада СССР (и проходивший экспертизу в США под руководством Д. Сороса) проект С.С. Шаталина – Г.А. Явлинского «500 дней»[28] и последующие программы Е. Гайдара и его соратников.

События осени 1993 г. потому и должны трактоваться как революция, а не просто как антиконституционный государственный переворот, что их результатом стало не только окончательное свержение советской власти, но и политическое закрепление новых экономических основ постсоциалистического развития.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы истории революции 1917 г. в России // Научная сессия ГУАП. Сб. докл.: В 4 ч. Ч. III. Гуманитарные науки. СПб.: ГУАП, 2009. С. 85–88.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской фило-

[28] Программа реформ и приватизации «500 дней» Явлинского – Шаталина — план по развалу СССР // URL: https://ss69100.livejournal.com/2903182.html

софской культуре: философы русского зарубежья. М.: Наука, 1990.
3. *Бердяев Н.А.* Демократия, социализм и теократия. // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. URL: http://vehi.liter.ru/index.html
4. *Булдаков В.П.* На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М.: Политиздат, 1991.
5. *Гросул В.Я.* Карл Маркс и русские революционеры // Политическое просвещение. 2018. № 3 (104). С. 37–48.
6. *Дубин Б.В.* События августа 1991 г. в общественном мнении России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6 (80). С. 45–59.
7. *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Историография и источниковедение. 2009. № 2. С. 92–109.
8. *Измозик В.С., Рудник С.Н.* Российские революции XX века: сколько их было? К постановке проблемы // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, проф. А.З. Ваксера. СПб.: «Европейский Дом», 2008. С. 160–165.
9. *Колбановский В.В.* Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? // Социс. 2013. № 10. С. 40–51 // URL: http://www.isras.ru/socis_2013_10.html
10. Коммунистическая партия Российской Федерации Центральный Комитет. Информационный бюллетень. М., 2017. № 3 (153).
11. *Косолапов Р.И.* Маркс современен всегда // Политическое просвещение. 2018. № 2 (103). С. 34–68.
12. *Коэн Д.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.
13. *Кудинова Н.Т.* Революция 1917 г. в России (к вопросу о названии революции) // URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/science/nir/elcatalog3/text7/
14. *Ленин В.И.* Всероссийский съезд по внешкольному об-

разованию 6–19 мая 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 327–372.
15. *Мареев С.Н.* Разговор о марксизме начистоту // Политическое просвещение. 2018. № 3 (104). С. 76–100.
16. Маркс – Лауре и Полю Лафарг, 5 марта 1870 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 545–550.
17. Программа реформ и приватизации «500 дней» Явлинского – Шаталина — план по развалу СССР // URL: https://ss69100.livejournal.com/2903182.html
18. *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.
19. *Саква Р.* Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 23–38 // URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2463
20. *Семенова Е.Ю.* К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «шаг вперед, два шага назад» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3. С. 160–165.
21. *Смит Д., Эванс Ф.* «Капитал Маркса» в комиксах. М.: Эксмо, 2017. 224 с.
22. *Стародубровская И.В., Мау В.* А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. 2-е изд., доп. М.: Вагриус, 2004. 512 с.
23. *Тропов И.А.* Актуальные проблемы истории революции 1917 года в России // URL: http://mognovse.ru/izm-aktualenie-problemi-istorii-revolyucii-1917-goda-v-rossii.html
24. *Тропов И.А.* Измерить революцию: современная отечественная историография и потенциал исторической компаративистики (к постановке проблемы) // В сборнике: Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. 2017. С. 24–29.
25. *Фельдман М.А.* Была ли Октябрьская революция 1917 г. пролетарской? (Проблемы истории и историографии) //

Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.
26. *Чураков Д.О.* 1917 год в современной историографии: проблемы и дискуссии // Историография и источниковедение. 2009. № 4. С. 104–115.
27. Шаги к правде. Программные документы партии «Родина: здравый смысл (РЗС)». М., 2010. 68 с.
28. Энгельс – Августу Бебелю, 20–23 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 358–363.

УДК 329(410)ЛПВ
ББК 66.69(4Вел)ЛПВ

Харитонов Констанитин Борисович,
библиотекарь Центра социально-политической истории ГПИБ России
Kharitonov Konstantin Borisovich,
librarian of the Center of Social and Political History of SHPL of Russia
Kharitonov86@gmail.com

Британский марксизм о феномене Джереми Корбина

British Marxism on a phenomenon of Jeremy Corbyn

Аннотация. В статье рассматривается отношение британских марксистов к феномену радикализации Лейбористской партии Великобритании под руководством ветерана левого движения Джереми Корбина, чья победа на выборах лидера партии была неожиданна, а перспектива стать премьер-министром страны вызывает как надежды, так и серьезные опасения. Один из пунктов критики, с которым столкнулся новый лидер партии, стала его приверженность марксизму. Насколько это обвинение является правдивым, ясно как из программы Корбина, так и из анализа самих британских марксистов.

Ключевые слова: Джереми Корбин; марксизм; Лейбористская партия Великобритании.

Abstract. The articale tries to explain the British Marxists position on the Labour Party radicalization phenomena under the Jeremy Corbyn leadership. The victory of veteran on leadership elections was unexpected, and the possibility for becoming a prime minister calls for hope, but also causes serious alarm. On the critical point the new party leader faced was his commitment to Marxism. Is it relevant or not we may see from his political program and from the analyzes, given by British Marxists themselves.

Key words: Jeremy Corbyn; Marxism; Labour Party

Когда в 2015 г. Джереми Корбин стал лидером Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) — это стало неожиданностью для всех. Один из буквально нескольких оставшихся в политике представителей влиятельного в 1970–1980-е гг.

крыла «Твердых левых» в ЛПВ, Корбин впервые стал членом парламента в 1983 г., никогда не занимал никаких правительственных постов и не был членом Теневого кабинета министров; вечный «заднескамеечник», упорно бунтующий против партийного руководства. В партии, из которой на протяжении десятков лет упорно вычищались радикальные левые, которую покидали тысячи разочарованных членов, в партии, много лет проводившей неолиберальную политику «с человеческим лицом», что-то подобное казалось уже невозможным.

До 1980 г. лидера партии выбирали только члены парламента, впоследствии система была несколько демократизирована: треть голосов от профсоюзов и других организаций, аффилированных с ЛПВ; треть голосов от членов местных лейбористских организаций; треть голосов от парламентариев. Все изменилось в 2015 г., когда Эд Миллибанд (сын известного марксиста Ральфа Миллибанда) ввел новую систему: один человек — один голос. В результате, рядовые члены партии и парламентарии впервые были уравнены в избирательных правах. 12 сентября 2015 г. эти самые рядовые члены партии и зарегистрированные сторонники проголосовали и выбрали своего лидера, набравшего 59,5% голосов уже в первом туре, что стало наиболее сильным мандатом, полученным лидером ЛПВ за всю ее историю (и в то же время самым слабым с точки зрения поддержки парламентариев).

Большинство комментаторов и опытных политиков были уверены, что все это временно и ненадолго, а тем временем Джереми Корбин сменил практически весь состав Теневого кабинета, выдержал две попытки переворота внутри партии, на выборах 2017 г. несколько изменился состав парламентской группы ЛПВ в пользу сторонников Корбина, а в саму партию вступило порядка 400 000 новых членов, в основном молодежи и вернувшихся в строй старых активистов. В ответ на такой впечатляющий успех радикально-левой риторики лидера Лейбористкой партии в медиа и блогах на него посыпались обвинения, включая такие экзотичные как антисемитизм, связи с Ирландской республиканской армией, Муаммаром Каддафи, Владимиром Путиным и… приверженность марксизму. Именно на последнем хотелось бы остановиться в этом тексте.

В мае 2017 г. в консервативной газете The Telegraph вышла небольшая заметка «Братья Маркс»[1], в которой Джереми Корбин и казначей (одна из ключевых должностей в Великобритании) его Теневого кабинета Джон Макдоннел обвинялись в принадлежности к марксизму. Основания для обвинения заключались в том, что лидер ЛПВ назвал Карла Маркса «великим экономистом», а его казначей отметил, что у Маркса «можно многому поучиться». Обвинения в марксизме в духе «холодной войны» стали довольно популярны среди медиа и представителей истеблишмента. Например, именно марксизмом Корбина, среди прочего, объяснила свой отказ повторно избираться в парламент Джастина Грининг[2]. В этой ситуации не могли промолчать и британские марксисты.

Конечно, марксистом Джереми Корбин не является и никогда не был, в этом согласны практически все. В Великобритании существует своя собственная социалистическая традиция, развивавшаяся самостоятельно, хоть и не без влияния марксизма. Сегодня ее связывают преимущественно с Тони Бенном (1925–2014), признанным лидером «Твердых левых» периода их наибольшего влияния в 1970–1890-е гг., и корректнее всего будет назвать Корбина «беннитским социалистом». Именно отношения Тони Бена с текстами и идеями Маркса может наглядно показать, что означает марксизм для этой традиции. В его дневниках есть такая запись: «Прочитал вчера ″Манифест Коммунистической партии″, никогда до этого не читал этот текст, и обнаружил, что не читая ни одного коммунистического текста, я пришел к идеям Маркса»[3].

По иронии судьбы, в Лейбористской партии действительно есть марксисты, в т. ч. троцкистская группа «Socialist Appeal», продолжающая классическую тактику энтризма внутри ЛПВ. На страницах своих бумажных и электронных изданий они опубликовали множество материалов, посвященных Джереми

---

1 Maidment J. The Marx Brothers: Jeremy Corbyn joins John McDonnell in praising Communist icon's work // The Telegraph, 08.05.2017, URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/08/marx-brothers-jeremy-corbyn-joins-john-mcdonnell-praising-communist/

2 Greening J. Why am I quitting as an MP? Marxist Corbyn and job-destroying Johnson, The Times, 4.09.2019, URL: https://www.thetimes.co.uk/article/why-am-i-quitting-as-an-mp-marxist-corbyn-and-job-destroying-johnson-qzd6q0sk9.

3 Benn T. The Benn Diares. London: Arrow, 1995. P. 388.

Корбину, его тактике и стратегии: всегда оказывая поддержку демократическим изменениям и социалистической программе, но и настаивая при этом, что демократизация должна идти гораздо дальше, а будущее социалистическое правительство не должно останавливаться на относительно умеренных, компромиссных позициях принятой программы[4].

Посчитали нужным разъяснить, почему Джемери Корбин, при всех его достоинствах и связанных с ним надеждах, марксистом не является, сторонники другой троцкистской организации, всегда выступавшей с критикой ЛПВ — Socialist Workers Party (SWP). Выражая все возможное уважение к деятельности нового лидера Лейбористской партии, троцкисты указывают на, по крайней мере, два ключевых теоретических разногласия: вопрос о государстве, которое с точки зрения марксизма (в их понимании) не может использоваться для реализации социалистической политики, а должно быть уничтожено; и вопрос о революции, необходимость которой полностью отрицается Корбином, для него вопрос об этом даже не стоит, в то время как марксисты из SWP настаивают на том, что никакие реформы, даже очень полезные, не смогут окончательно снять противоречия между трудом и капиталом[5].

Возможно, наиболее интересный и глубокий анализ феномена Джемери Корбина во главе ЛПВ дал влиятельный британский марксист Ричард Сеймур в своей выдержавшей уже второе издание книге «Корбин. Странное возрождение радикальной политики». Называя «обвинения» Корбина в марксизме «залежалым клише, которое торжественно произносят лейбористские лоялисты и эксперты при каждой удобной возможности»[6], Сеймур указывает, что эти обвинения если даже и имеют под собой некоторые основания, но традиция, к которой принадлежит Корбин, как и его программа, имеют мало общего с марксизмом как таковым. В первую очередь это касается

---

4 См. напр.: Booth A. Corbyn's «government in waiting» vs the Establishment, Socialist Appeal, 27.09.2017, URL: https://www.socialist.net/corbyn-s-government-in-waiting-vs-the-establishment.htm.

5 Marxism and Jeremy Corbyn's Labour Party, Socialist Worker, 11.06.2018, N. 2608. URL.: https://socialistworker.co.uk/art/46714/Marxism+and+Jeremy+Corbyns+Labour+Party.

6 Seymour R. Corbyn: The Strange Rebirth of Radical Politics. Lomdon: Verso, 2017. P. 91.

недостаточной радикальности программы, в которой практически отсутствует стремление коренным образом переустроить общество таким образом, чтобы капитализм в нем стал уже невозможен. Вместо этого предлагается вводить новые, некапиталистические способы существования сообществ и экономики, которые, однако, могут быть «отвергнуты глобальным капиталом, как тело отвергает имплантаты»[7]. Ожидая много от возможной победы ЛПВ под руководством Джереми Корбина на всеобщих выборах, Сеймур подчеркивает, что радикальное социалистическое правительство столкнется с саботажем и сопротивлением со стороны правящего класса и глобального капитала, что неизбежно обострит кризис и противоречия и, возможно, заставит лейбористское правительство пойти дальше тех мер, что заявлены сейчас в программе — представляющей собой скорее обещание «модернизации, социального апгрейда»[8] капиталистической системы.

Все это хорошо видно из программы, которую обещает реализовать Джереми Корбин:

- повышение налогов для корпораций и лиц с высоким доходом;
- увеличение финансирования программ по интеграции мигрантов;
- ренационализация и развитие железных дорог и энергетической отрасли;
- восстановление британской промышленности;
- введение бесплатного высшего образования;
- развитие и повышение финансирования национальной системы здравоохранения;
- строительство нового жилья и введение разумных ограничений на стоимость аренды;
- создание специального министерства, ответственного за рабочие права, обеспечение каждому работнику права и возможности состоять в профсоюзе;
- отмена «нулевого контракта» (когда в контракте прописано ноль часов и работодатель сам решает, когда и на

7 Seymour R. Corbyn: The Strange Rebirth of Radical Politics. Lomdon: Verso, 2017. P. 91.
8 Seymour R. Corbyn: The Strange Rebirth of Radical Politics. Lomdon: Verso, 2017. P. xii.

какое время привлекать сотрудника), ограничение разницы в оплате труда пропорцией 20:1 на государственных предприятиях;
- сохранение и развитие социальных льгот и гарантий для самых разных слоев населения.

Все это достаточно смелые и радикальные шаги, способные, если будут реализованы, на долгие годы изменить облик британского общества, как это произошло в итоге послевоенных лейбористских реформ. Однако к марксизму такая программа может иметь лишь косвенное отношение, на что ясно указывают как марксисты, так и некоторые консерваторы, как член парламента от партии Тори Роберт Халфон. Он призывает своих однопартийцев прекратить называть Джереми Корбина марксистом, ведь, с одной стороны, это совсем не так, а с другой, — такая поверхностная критика не влияет на электорат, для которого вопрос о том кто марксист, а кто антимарксист, вовсе не является актуальным[9].

Библиографический список:

1. *Benn T.* The Benn Diares. London: Arrow, 1995.
2. *Booth A.* Corbyn's «government in waiting» vs the Establishment, Socialist Appeal, 27.09.2017, URL: https://www.socialist.net/corbyn-s-government-in-waiting-vs-the-establishment.htm.
3. *Greening J.* Why am I quitting as an MP? Marxist Corbyn and job-destroying Johnson, The Times, 4.09.2019, URL: https://www.thetimes.co.uk/article/why-am-i-quitting-as-an-mp-marxist-corbyn-and-job-destroying-johnson-qzd6q0sk9.
4. *Maidment J.* The Marx Brothers: Jeremy Corbyn joins John McDonnell in praising Communist icon's work // The Telegraph, 08.05.2017, URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/08/marx-brothers-jeremy-corbyn-joins-john-mcdonnell-praising-communist/.
5. Marxism and Jeremy Corbyn’s Labour Party, Socialist

[9] Robert Halfon: Stop calling Corbyn a Marxist, 24.04.2019, Conservativehome, https://www.conservativehome.com/thecolumnists/2019/04/robert-halfon-stop-calling-corbyn-a-marxist.html.

Worker, 11.06.2018, N. 2608. URL.: https://socialistworker.co.uk/art/46714/Marxism+and+Jeremy+Corbyns+Labour+Party.
6. *Robert Halfon:* Stop calling Corbyn a Marxist, 24.04.2019, Conservativehome, https://www.conservativehome.com/thecolumnists/2019/04/robert-halfon-stop-calling-corbyn-a-marxist.html.
7. *Seymour R.* Corbyn: The Strange Rebirth of Radical Politics. Lomdon: Verso, 2017

УДК 32.019.5(476)
ББК 66.05(Беи)

Тихомиров Андрей Владимирович,
магистр культурологии, библиотекарь,
Гродненской областной научной
библиотеки им. Е.Ф. Карского,
Tsikhamirau Andrei
librarian, MA in Cultural Studies
Hrodna Regional Scientific Library
named after E. F. Karsky
cichy77@gmail.com

«Невидимый» марксизм в современном белорусском интеллектуальном пространстве

«Invisible» Marxism in the modern Belarusian intellectual space

Аннотация. В статье рассматривается наследие советской версии марксизма в современном белорусском гуманитарном знании. В качестве источников использовались работы современных белорусских философов. Кратко анализируется общая ситуация в гуманитарных науках в Беларуси. Марксизм остается важным источником для белорусской философии наряду с белорусским национализмом, русским славянофильством XIX — начала XX вв., феноменологией и другими течениями.

Ключевые слова: марксизм; философия; гуманитарные науки; власть; общество; Беларусь.

Abstract. The article discusses the legacy of the Soviet version of Marxism in modern Belarusian humanitarian knowledge. The works of modern Belarusian philosophers were used us sources. The general situation in the humanities in Belarus is briefly analyzed. Marxism remains an important source for Belarusian philosophy along with Belarusian nationalism, Russian Slavophilism of the XIX — early XX centuries, phenomenology and other trends.

Key words: Marxism; philosophy; humanities; power; society; Belarus.

Белорусское гуманитарное знание после 1991 г. на фоне других постсоветских стран выглядит достаточно консервативным и «обращенным» в сторону советского прошлого.

Со стороны может показаться, что в связи со сложившимся с середины 1990-х гг. политическим режимом в Беларуси производимое гуманитарное знание остается по инерции частью советской интеллектуальной культуры, в том числе и в области философии.

Однако если более пристально посмотреть на ситуацию, можно обнаружить значительные отличия от советского периода. Смена поколений интеллектуалов, структурные изменения в белорусской науке и высшей школе, появление научных центров, независимых от государства, постепенный трансфер идей извне, а также роль государства являются теми факторами, которые повлияли на гуманитарное знание.

Остался ли советский марксизм частью интеллектуальной среды или можно говорить о полном разрыве с этой философской традицией?[1] Насколько интеллектуалы готовы открыто обсуждать свои методологические позиции, и как институции влияют на выбор тех или иных философских ориентиров?

Данная статья не претендует на широкий и полный анализ белорусской гуманитарной среды, а скорее является попыткой показа ее ключевых моментов, с особым вниманием на проблему «неочевидности» философских основ в большинстве научных текстов. Марксизм (прежде всего, в форме марксизма-ленинизма) остается важным импульсом для белорусской интеллигенции в понимании окружающего мира. При этом значительная часть авторов в текстах старается не указывать свои философские предпочтения, как бы «стесняясь признаться» в марксизме.

В качестве источников для анализа были выбраны философские тексты, затрагивающие также другие гуманитарные области — историю, социологию, гендерные исследования.

Востребованность проблематики «национального» в условиях Беларуси оказалась значительно ниже, чем в соседних странах. Если в 1991–1996 гг. вопрос об интеллектуальном обосновании существования независимого государства был важен и востребован со стороны политических элит, а интеллигенция

---

[1] Ольга Шпарага обратила внимание на наследие марксизма-ленинизма в Беларуси, см.: Шпарага О. Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности. Вильнюс, 2010. С. 204–209.

разработала собственное видение белорусского прошлого и определенных культурных ориентиров, то политические изменения 1994–1996 гг. затронули и гуманитарные науки.

Президентские выборы 1994 г., общенациональные референдумы 1995 и 1996 гг. радикально повлияли на смену внешнеполитических ориентиров Беларуси и утвердили специфический политический режим.

Поиск сильного фактора в экономической области со стороны белорусских правящих элит привел к доминированию идеи экономической и социальной интеграции с Россией. Одновременно значительная часть населения Беларуси переживала ностальгию по временам СССР, воспринимаемых, прежде всего, как период экономической стабильности. Все эти факторы повлияли и на «производство знания». Вместе с политическим сломом середины 1990-х гг. со стороны власти появилась потребность в прежней коммунистической идеологии и привлечении «старых кадров»[2]. Многие наблюдатели, изучавшие Беларусь, даже писали о том, что в скором времени эта страна просто перестанет существовать[3].

Возвращение советских интеллектуальных элит в условиях Беларуси оказалось не слишком долгим: естественная смена поколений привела к тому, что гуманитарное знание стало отличатся синкретизмом, фрагментарностью и публицистическим стилем. Старшее поколение уходило достаточно быстро, а в условиях существования собственного государства постоянное апеллирование к наследию Советского Союза уже не играло объединяющей роли, как это случилось в середине 1990-х гг.

К концу 1990 — началу 2000-х гг. произошли изменения запросов государства к интеллектуалам. В этот период политический режим уже сложился и требовал также обоснования в гуманитарной сфере. В силу различных причин полностью

---

[2] Часть соображений по поводу белорусского гуманитарного знания я изложил в следующей статье: Тихомиров А. «Воображаемая география», трансфер идей и поддержка государственности: заметки о белорусском гуманитарном знании // The Bridge — Мост. Журнал Международной ассоциации гуманитариев. Vol. 3, issue 8 (20). Август 2014. // URL: http: // thebridge-moct.org/воображаемая-география-трансфер-и/

[3] В частности, американский политолог украинского происхождения Александр Мотыль, см.: Мотиль О. Підсумки імперій: занепад, розпад і відродження. Київ, 2009. С. 139, 150.

воспринять все постулаты национально-ориентированной интеллигенции (приоритет белорусского языка, белорусской исторической традиции, открытость к влиянию западной культуры) политические элиты не могли. Давление советского наследия, сильное влияние российских элит и желание сохранить стабильность властной структуры привели к возникновению в 2003 г. проекта «идеологии белорусской государственности». Данный проект был достаточно быстро институционализирован в виде обязательного учебного курса в высшей школе, были изданы соответствующие программы и ряд учебников. При этом сущностное наполнение зависит от самого преподавателя и его ценностных ориентиров.

В идейном плане сам курс является смесью различных интеллектуальных традиций, что отражено в учебных программах. В нем присутствуют идеи советского марксизма, белорусского национализма, «западно-русской» школы, позднего русского славянофильства конца XIX в., различных западных теорий (воспринятых в специфической форме). В целом же, это смешение можно характеризовать как некий сплав антизападных, патерналистских течений и одновременно идей левого и правого толка, призванных обеспечивать стабильность существующего политического режима.

Важным моментом для понимания белорусской гуманитарной ситуации является также вопрос трансфера идей и языков этого перехода. Доминирование русского языка в Беларуси является одним из важных отличий этой страны на фоне всего постсоветского пространства. Белорусский язык значительно сдает свои позиции, но продолжает оставаться важным маркером национальной идентичности. Ситуация с владением иностранными языками среди интеллигенции остается сложной. Повышается уровень знания английского языка, но все же он еще не достигает приемлемого академического уровня, и большинство интеллектуалов не может вести свободных академических дискуссий на английском. В силу различных причин языками-трансферами также служат польский, украинский, отчасти немецкий и французский.

Преобладание русского языка имеет важные последствия для самосознания интеллектуалов, круга идейных интересов

и проблематики исследований. Важно подчеркнуть, что в значительной степени это не нарушает автономию белорусского знания, прежде всего потому, что для российских исследователей Беларусь не является важным объектом изучения. Такого рода автономия (во многом напоминающая самоизоляцию) является источником проблем для белорусского гуманитария и, парадоксально, сохраняет самый важный предмет его исследования. Беларусь выступает главной проблемой для белорусских исследователей.

Связь между языком трансферов и идеями, приходящими извне, также очевидна. В последние десятилетия в случае с российским направлением можно говорить о преобладании правого, националистического фактора с ярко выраженным набором антизападных и антимодернизационных идей.

Составной частью этого дискурса являются также религиозные идеи. Православие в данном случае выступает, скорее, не как собственно религиозная конфессия, а, в первую очередь, как «цивилизационный выбор» и определенный набор культурных характеристик.

Либеральные и левые идеи (в том числе и современные интерпретации марксизма) имеют гораздо меньшее влияние и реже транслируются, особенно в региональные центры Беларуси.

Зависимость от «интеллектуальной моды» и широкие каналы распространения правой идеологии и национализма приводят к тому, что прежняя марксистская «матрица» уступила место идеям патернализма и «славянской исключительности». Влияние политических элит на воспроизводство знания привело к усилению упования на силу государства и персонифицированного правления.

Для философского обоснования «белорусского пути» большинство интеллектуалов обращается к проблеме дихотомии «Восток — Запад» и пытается позиционировать Беларусь в качестве «моста» или же «центра Европы». При этом для самих высказываний характерен широкий синкретизм идейных вдохновений.

Так, обосновывая важность существования белорусской государственной модели, Анатолий Лазаревич и Илья Левяш отмечали:

«По-своему неоднозначно взаимодействие Беларуси и с Евросоюзом. Вновь подчеркнем не совсем совпадающие смыслы нашего отношения к ″онтологической″ Европе как таковой, Евросоюзу. Прежде всего широким кругам белорусской общественности пора сбросить бремя ″ветхого Адама″ провинциальной неполноценности и исходить из того, что Беларуси ни в какую ″Европу″ нет нужды ″возвращаться″. Старый континент, на котором мы живем, это не мессианская "Европа" как критерий оценки, на основе которой выставляются баллы ″недоевропейцам″. Европа — это реальность, напоминающая два ассиметричных и дополняющих друг друга полушария головного мозга. Это Бастилия и Зимний, Освенцим и Минское гетто, Елисейские поля и радзивилловский замок и библиотека, и многое другое из европейских реалий. Каждый из этих феноменов не самодостаточен, и только вместе они и есть Европа. Беларусь была, есть и будет в суперрегиональной центральноевропейской системе координат. Такой подход в равной мере дает основания для отклонения менторского тона в отношении Беларуси»[4].

Приведенное высказывание — это антизападный посыл с претензией на построение некой собственной субъектности с опорой на идею «центральноевропейской» общности. При этом авторы одновременно указывают на важность идеи интеграции с Россией:

«Объективная роль Республики Беларусь в центральноевропейском ареале означает, что предварительным фундаментальным условием ее реальной субъектности является заметное повышение ″градуса″ сотрудничества со всеми государствами Центральной Европы, прежде всего, с ее славянской ветвью, исходя из нашей культурно-цивилизационной общности и вопреки искусственно созданному Евросоюзом дистанцированию между нами. Наша стратегия должна заключатся в том, чтобы, образно говоря словами покойного Иоанна Павла II, ″дышать обоими легкими″. Можно с уверенностью утверждать, что сотрудничество Беларуси с Россией, Казахстаном и другими государствами евразийского ареала

4 Лазаревич А.А., Левяш И. Я. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор. Минск, 2014. С. 86–87.

будет более результативным, если минимизировать ″старые споры среди славян″, опереться на совокупный потенциал польских, чешских, болгарских и сербских субъектов, выстроить тесные институциональные взаимоотношения между ними»[5].

Такие термины как «мост», «пограничье» часто используются авторами, но они предпочли использовать термин «фронтир». Наряду с цитированием папы римского Иоанна Павла II в этом контексте появляются и цитаты из выступлений президента Александра Лукашенко:

«...фронтир — это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных практик, во взаимодействии которых, в конечном счете, все более отчетливо кристаллизуется определенный культурно-цивилизационный вектор — в определенном конкретно-историческом хронотопе. Для Беларуси он не ″западный″ и не ″восточный″, а автохтонный — центральноевропейский. Поэтому — вновь подчеркнем программную мысль А. Лукашенко: ″Мы выбираем не… Восток или Запад — мы выбираем Беларусь″»[6].

Отношение к советскому прошлому в размышлениях авторов довольно двойственно: они признают парадоксы советской национальной политики и русификацию Беларуси, репрессии и кризис советской модели. Но при этом распад СССР, в оценке А. Лазаревича и И. Левяша, можно было предотвратить:

«...судьба СССР была обусловлена вызовами принципиально новой исторической эпохи — глубокого, системного кризиса среднеразвитого (″фордовского″) индустриального общества и властной потребности в переходе к высокоразвитой стадии его развития — в принципе вполне ″подъемной″ для СССР. […] распад/развал СССР, очевидно, не был фатальным. Он свидетельствовал не о его историческом тупике, а скорее — о системном кризисе. Выход из него требовал кардинальной переориентации с вещного капитала на человеческий, искусства сопряжения процессов индивидуализации и социализации, эволюции государства и гражданского общества, широкой автономии личности и вместе с тем — твер-

5 Лазаревич А.А., Левяш И. Я. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор. Минск, 2014. С. 87.

6 Там же.

дого и мудрого социально-политического дирижирования и открытости миру»[7].

Стремление восстановить существовавшую общность, ностальгия по возрождению СССР (по крайней мере, в ограниченной форме — в виде союза Беларуси и России) основываются, по мнению этих авторов, на близости языков и билингвизме белорусского общества:

«Плодотворность и дальновидность билингвизма современного белорусского государства и общества, как безошибочный индикатор органической близости ″к земле″, традициям исторической общности ее народа с Россией — это ныне уникальный культурно-политический феномен в постсоветском пространстве. Он вполне способен стать ценностной ориентацией и культуротворческой нормативной моделью. Надо сделать все, чтобы мироощущение единого культурно-цивилизационного пространства Беларуси и России не было утрачено. Только вместе Россия и Беларусь способны возродить свою цивилизационную и этнокультурную идентичность и славянскую близость, быть подлинными субъектами современного мира»[8].

Как эти высказывания соотносятся с идеей «центральноевропейской» общности, авторы уже не указывают, вероятно, лозунг «всеобщей интеграции», по их мнению, способен снять всяческие противоречия в данном процессе:

«...″осевая″ идея статьи Президента Республики Беларусь заключается в "интеграции интеграций", т. е. привилегированного партнерства как фундаментального условия плодотворной синергии двух интегративных процессов — евросоюзного и евразийского, основанных на общности интересов и ценностей вовлеченных в эти процессы государств»[9].

Вполне очевидно, что для указанных авторов главной задачей было обоснование политического курса государства, а собственно белорусская идентичность осталась в тени всех размышлений. Кажущаяся «логичность» идеи интеграции при этом не учитывает очевидных противоречий между разными

---

7 Там же. С. 107–108.
8 Там же. С. 261.
9 Там же. С. 346.

интеграционными объединениями и размытости и противоречий внутри участников «евразийского объединения». Как видно, прямые ссылки, подтверждающие марксистские влияния в этой работе найти сложно, но употребление термина «синергия» указывает на общую марксистскую подготовку обоих авторов[10].

По мнению Игоря Гафарова, в большинстве учебной литературы по философии, издаваемой в Беларуси, сохраняется марксистский подход к подаче материала, понятийный аппарат и общая стилистика, характерная для текстов конца 1980-х — начала 1990-х годов[11]. При этом сами авторы этих учебников в большинстве случаев не указывают, что придерживаются марксистской методологии.

Учебное пособие по философии, изданное под редакцией Ядвиги Яскевич, подтверждает это мнение. Объясняя понятие диалектики, авторы описывают это понятие с материалистических позиций, отмечая следующее:

«Материалистическая диалектика в философии марксизма есть результат распространения гегелевских идей на всю реальность, доступную человеческому познанию. К. Маркс и Ф. Энгельс поэтому говорили, во-первых, об объективной диалектике, т. е. процессах развития и связях, царствующих во всём мире, и, во-вторых, о субъективной диалектике — диалектическом мышлении, отражающем, в той или иной мере, стихийно или сознательно, объективную диалектику бытия. Высшей формой такого мышления выступает философская концепция диалектики, включающая, как любая система теоретического знания, ряд принципов, законов и категорий»[12].

---

[10] По мнению ряда авторов, использование понятия «синергия», «синергетика» в гуманитарных науках может свидетельствовать о «маскировке» советской марксистской методологии в таких текстах. В условиях белорусской философии этот термин используется достаточно широко. По мнению части ученых, само использование «синергетики» в гуманитарных науках является признаком лженаучности, см.: Губин В. Б. Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. Бюллетень № 1. 2006. С. 68–73.; Браточкин А., Гафаров И., Кебуладзе В., Русецкая Г., Шпарага О. После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина). Вильнюс, 2013. С. 36.

[11] Браточкин А. и др. Указ соч. С. 143–155.

[12] Философия: учебное пособие / под общ.ред. Я.С. Яскевич. Минск, 2016. С. 82.

Ниже по тексту следует перечисление основных законов материалистической диалектики. Подводя итог, авторы отмечают:

«Все эти (и многие другие) законы и категории материалистической диалектики функционируют в мышлении человека как всеобщая теория развития бытия и философский метод его познания. Они ориентируют познающего субъекта на анализ любого явления в его закономерном развитии и связи с другими явлениями, на исследование присущих ему меры, противоречий, взаимодействий старого и нового, его индивидуальных и общих с другими явлениями признаков, необходимых и случайных черт и т. д. Иными словами, все предметы познания диалектика считает постоянно изменяющимися, а знания о них — преимущественно относительными, требующими учета конкретного контекста познания»[13].

Из общего контекста высказывания можно понять, что авторы также придерживаются данной трактовки материалистической диалектики.

В разделе о социальной философии достаточно много места отводится марксистскому пониманию данного вопроса. Авторами кратко описано понятие общественно-экономических формаций, но значительно больше места отведено «цивилизационному подходу», который, по их мнению, дополняет марксистское понимание данного вопроса. Алексей Браточкин указывает, что само понятие «цивилизационного подхода» в условиях белорусской гуманитарной науки является, по сути, маскированием марксистской философии[14]. Описание идей О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Тойнби и К. Ясперса в качестве «основателей» «цивилизационного подхода» стало одной из отличительных особенностей белорусских учебников по философии. Синкретизм и незавершенность таких построений свидетельствуют о том, что гуманитарии накладывают разную методологическую оптику друг на друга и тем самым создают видимость объективности или учета различных мнений.

Не затрагивая вопроса о целесообразности такого изложения материала в учебнике, можно говорить о том, что марксистский подход остается главным или, по крайней мере,

[13] Там же. С. 84.
[14] Браточкин А. и др. Указ. соч. С. 26–29.

превалирующим при описании вопросов социальной философии:

«Приоритет открытия и квалификации обсуждения законов поведения сложноразвивающихся социальных объектов свободно-волевого типа принадлежит философии марксизма, которая осваивает диалектику истории как особую форму объективного процесса, вырабатывает такую картину социума, для которой идея социальной индивидуальной свободы так же имманентна, как и идея развития. Идея освобождения человечества и коммунизм как социальная форма и воплощение — ведущие ценностные регулятивы западноевропейской философии нашли теоретическое обоснование в марксистской программе»[15].

Авторы осторожно, но определенно высказываются и о перспективах марксистского понимания, лишь ставя под сомнение вопрос применения насилия:

«Бесспорно и то, что идея классового конфликта и революционного изменения обстоятельств могла многое объяснить в истории второй половины XIX — первой половины XX вв. Становление идей марксистской программы происходило в контексте культуры, в которой провозглашалось деятельностное отношение к миру, как к природному, так и к социальному. Поэтому марксистская концепция классовой борьбы, социальной революции и диктатуры как способа решения социальных проблем возникла в контексте ценностей техногенной культуры. Вопрос стоит сегодня в том, насколько продуктивна идея насилия сейчас»[16].

Специфика белорусской идентичности в учебнике под редакцией Я. Яскевич, как и в работе А. Лазаревича и И. Левяша, описывается в категориях «посредника», «пограничья» (правда, понятие «фронтир» уже не используется):

«На протяжении всей своей истории пространство Беларуси никогда не было моноэтническим, моноконфессиональным, моноязычным и т. д. Здесь мирно сосуществовали различные этносы, религии, культуры. В нынешних условиях необходимо развивать модель поликультурализма, предоставляя тем самым индивиду право выбора собственной идентичности. И здесь белорусское пограничье, социокультурная многовариа-

15 Философия: учебное пособие... С. 287.
16 Там же. С. 288.

тивность этого пространства должны сыграть свою позитивную роль»[17].

С постулатом развития поликультурализма Беларуси, вероятно, не согласятся другие белорусские философы. В понимании Чеслава Кирвеля, белорусы сложились именно в контексте восточнославянской общности и должны участвовать в реализации масштабных задач:

«Восточные славяне сложились как исторический народ и сегодня это может быть расценено как качественное превосходство, ибо в ситуации планетарных трансформаций без развитого чувства истории невозможно занять достойное место в глобальном миропорядке»[18].

Развивая идею о государстве-империи, Ч. Кирвель полагает, что будущее Беларуси — в составе нового объединения, центром которого должна быть Россия. Для этого автора опыт Советского Союза важен именно с точки зрения преодоления капитализма:

«В XX веке Советский Союз смог реализовать собственный социокультурный проект, создав прецедент модернизации на незападных началах. Этот проект оказался настолько значимым и привлекательным, что Запад усвоил многие его существенные черты. Это ему дало возможность "очеловечить" свой капитализм, найти баланс между интересами бизнеса и общества, а трудящиеся смогли защитить свои интересы через систему тред-юнионов. Перед лицом могущественного СССР капитал был вынужден вести себя цивилизованно, соблюдая социальные обязательства и принимая в расчет некоммерческие интересы общества. Во многом именно крах СССР обусловил стремительное одичание капитала и возвращение его к уровню цивилизованности середины XIX века. Аналогия заключается в том, что восточнославянское государство-империя сможет защитить не только свои народы и культуры, но и стать носителем мощнейшей идеи, которая воодушевит всех тех, кто ″проиграл″ от стремительного наступления глобализации. А таких «проигравших» немало на самом Западе, а в целом мире — подавляющее большинство»[19].

17 Там же. С. 425.
18 Современные глобальные трансформации и проблемы исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч. С. Кирвеля. Гродно, 2008. С. 304.
19 Там же. С. 303.

Церковь при этом выступает в качестве государствообразующего компонента. По мнению Ч. Кирвеля, первоначальный период советской власти характеризовался ломкой «русской цивилизации», в том числе и в религиозной сфере:

«Пафос всеобщей тотальной ″ломки″ до самых низов, вплоть до ″самых последних глубин″, был внутренне присущ этим людям. Они были убеждены в необходимости сломать буквально все основы прежней русской жизни — от экономики до культуры, осуществить кардинальную трансформацию русской цивилизации как таковой. В этом смысле большевистский переворот носил антирусский, антинациональный характер»[20].

Оценивая последующий период, автор уже склоняется к положительной оценке деятельности Коммунистической партии под руководством И.В. Сталина:

«Большевики сталинского призыва, отказавшись от откровенного русофобского западничества, превратились, как теперь об этом часто говорят, в ″антизападных западников″, стали довольно интенсивно реставрировать некоторые элементы традиционной русской жизни и государственности, сохраняя вместе с тем рожденные на Западе идеологию прогрессизма и технократический подход к миру. Ценой невероятных усилий им удалось вернуть Россию в лоно индустриальной цивилизации и жесткого, однако на платформе европейского Просвещения, соперничества с Западом. В результате изолированная от Европы Россия стала оплотом Востока, восставшего против Запада»[21].

В размышлениях Ч. Кирвеля выразительно видна советская марксистская основа (что, впрочем, неудивительно в силу принадлежности к старшему поколению ученых в Беларуси), на которую сильный отпечаток наложили славянофильские идеи (в версии, распространенной в России в 1990-е гг.). Идеал построения государства-империи в мировоззрении этого автора почерпнут из размышлений идеологов XIX в., но более ося-

20 Кирвель Ч.С. Вестернизация «через колено»: радикальное западничество как злой рок восточнославянского мира // Всерусскій соборъ. 2005. № 2. С. 98.

21 Там же.

заемым и понятным примером для этого философа выступает, прежде всего, Советский Союз:

«Непрекращающиеся попытки превратить Россию в Запад привели к тяжелейшим мутациям во многих сферах русской жизни, подорвали цивилизационное ядро, культурный генетический код русского и близкородственных ему народов. Причем, если большевистскую внутреннюю колонизацию русскому народу удалось в конечном счете все же адаптировать к своим глубинным интенциям и менталитету, существенно трансформировать ее (на деле произошел процесс соединения и «притирки» марксистского идеала построения социалистического общества со славянофильской идеей спасения мира, что, на наш взгляд, и позволило большевикам не только удержаться у власти, но и вызвать небывалый энтузиазм масс, открывший возможность в рекордно короткие сроки осуществить собственными силами индустриализацию, превратить Россию в огромную индустриальную державу), то нынешнюю ″либерал-демократическую″ внутреннюю колонизацию российский народ пока не смог ″переварить″ и ″перемолоть″ и неизвестно, сможет ли он когда-либо вообще это осуществить»[22].

Поддерживая мысль Карла Маркса об абсолютном обнищании пролетариата, Чеслав Кирвель и Ольга Кирвель, ссылаясь на ряд современных авторов, пишут о глубоком и неразрешимом кризисе капитализма:

«В любом случае господство капитализма в его нынешней форме будет так или иначе пресечено. Не исключено, что капитализм может стать концом истории, понимаемым как уничтожение человечества на планете Земля. Сегодня, пожалуй, всем, кто не лишен аналитических способностей, ясно, что позднекапиталистическая организация современного общества исчерпала все свои внутренние резервы. Капитализм с его стремлением к накоплению капитала, когда главная цель хозяйствования — получение максимальной прибыли, в принципе не способен дать ответы на возникающие вызовы и риски, решать терзающие нашу планету глобальные проблемы и кризисы. Все

[22] Там же. С. 101.

эти проблемы могут быть решены только в рамках посткапиталистической цивилизации. Если она, конечно, наступит»[23].

Анализируя современное состояние общества, авторы обращают внимание государства на потребность: «...найти способы вернуть и отстоять те базовые права, которые оказались подорванными или вообще утраченными в последние десятилетия XX и в начале XXI вв., т. е. возродить все то, что составляло реальное содержание социального государства, а именно: доступное жилье, бесплатное образование и здравоохранение, общественный транспорт, учреждения и институты, обеспечивающие социальную мобильность и т. п.»[24].

Сохранение марксистской основы и ее модернизация в зависимости от потребности и вызовов со стороны общества и государства являются характерной чертой размышлений части белорусских философов, прежде всего, активных в академической и университетской среде. Парадоксально, что при этом они не называют себя марксистами.

Переосмысление советской традиции, в том числе марксизма, может быть творческим импульсом для развития белорусского гуманитарного знания. В области философии марксизм продолжает играть важную роль, как и в других гуманитарных дисциплинах. Развитие гендерных исследований показывает творческие возможности марксистской оптики, как и в социологии, историографии и литературоведении.

Библиографический список:

1. *Браточкин А., Гафаров И., Кебуладзе В., Русецкая Г., Шпарага О.* После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина). Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013.
2. *Губин В.Б.* Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. Бюллетень № 1. 2006. С. 68–73.
3. *Кирвель Ч.С.* Вестернизация «через колено»: радикаль-

---

[23] Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч. Историческая судьба тезиса К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата (К 200-летию со дня рождения К. Маркса) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта ім. Я. Купалы. Сер. 1. 2018. № 2. С. 99.

[24] Там же. С. 91.

ное западничество как злой рок восточнославянского мира // Всерусскій соборъ. 2005. № 2. С. 96–121.

4. *Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч.* Историческая судьба тезиса К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата (К 200-летию со дня рождения К. Маркса) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта ім. Я. Купалы. Сер. 1. 2018. № 2. С. 90–101.
5. *Лазаревич А.А., Левяш И. Я.* Беларусь: культурно-цивилизационный выбор. Минск: Белорусская наука, 2014.
6. *Мотиль О.* Підсумки імперій: занепад, розпад і відродження. Київ: Критика, 2009.
7. Современные глобальные трансформации и проблемы исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч. С. Кирвеля. Гродно: Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, 2008.
8. *Тихомиров А.* «Воображаемая география», трансфер идей и поддержка государственности: заметки о белорусском гуманитарном знании [Электронный ресурс] // The Bridge — Мост. Журнал Международной ассоциации гуманитариев. Vol. 3, issue 8 (20). Август 2014. URL: http://thebridge-moct.org/воображаемая-география-трансфер-и/
9. Философия: учебное пособие / под общ. ред. Я. С. Яскевич 2-е изд., перераб. Минск: Вышэйшая школа, 2016.
10. *Шпарага О.* Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010.

УДК 1330.852(430)
ББК 65.02(4Гем)дМаркс К.

Васина Людмила Леонидовна,
кандидат экономических наук, главный специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории,
руководитель группы по подготовке
международного Полного собрания сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА).
Vasina Lyudmila Leonidovna,
PhD in Economics, chief specialist of the Russian State Archive
of the Socio-Political History, head of the Moscow team of the
international project «Complete works by Karl Marx and Frederick
Engels in the original languages (Marx-Engels-Gesamtausgabe –
MEGA)».

Новое издание первого тома «Капитала» К. Маркса в Германии

The new edition of Marx's Capital, Vol. I, in Germany

Аннотация. В статье рецензируется публикация первого тома «Капитала» Карла Маркса, подготовленного в новой редакции Томасом Кучинским. Книга вышла в Германии к 150-летнему юбилею главного труда Маркса. Автор показывает, в чем заключается новизна и оригинальность данного издания, характеризует особенности подачи текста и содержание научного аппарата книги. Сопоставляя издание Кучинского с наиболее значимыми предшествующими публикациями первого тома, автор показывает место данного издания в истории «Капитала».

Ключевые слова: «Капитал» Маркса; издания первого тома «Капитала»; «Капитал» Маркса в редакции Т. Кучинского.

Abstract. In the article is reviewed the publication of «Capital», vol. 1, of Karl Marx, new edited by Thomas Kuczynski. The book was issued in Germany to the 150th anniversary of the main Marx's work. The author reveals the novelty and originality of this new edition, characterizes the particularities of the edition of the text and the contents of the scientific apparatus of the book. Comparing the Kuczynski's

edition with the most significant previous editions of Volume 1 the author shows the place of the new edition in the history of «Capital».

Key words: «Capital» by Marx; editions of the «Capital», Volume 1; Marx's «Capital» edited by T. Kuczynski.

Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. Neue Textausgabe, bearbeitet und herausgegeben von Thomas Kuczynski. Hamburg: VSA-Verlag, 2017. Текст 798 с. Историко-критический научный аппарат 944 стр.

В сентябре 2017 г. в Гамбурге — городе, где 150 лет назад появился первый том «Капитала» Карла Маркса, — опубликовано новое издание первого тома. Книга подготовлена немецким экономистом, профессором, доктором экономических наук Томасом Кучинским. Экземпляр данного издания был лично подарен Кучинским ЦСПИ (филиала) ГПИБ.

В более чем 150-летней истории распространения первого тома «Капитала» было лишь несколько изданий, имевших принципиальное значение для дальнейшей издательской практики. Во-первых, это — вышедшие при жизни Маркса первое (1867) и второе (1872/1873) немецкие издания, во-вторых, — отредактированный Марксом французский перевод «Капитала» (1872–1875), в-третьих, — третье (1883) и четвертое (1890) немецкие издания в редакции Ф. Энгельса. Последнему предшествовал первый английский перевод (1887), также подготовленный под редакцией Энгельса. Четвертое издание первого тома «Капитала» 1890 г. в редакции Энгельса является и сегодня основой для большинства изданий и переводов первого тома «Капитала» на иностранные языки, включая русский. Именно с этого издания в 1909 г. В. Базаровым, И.И. Скворцовым-Степановым под общей редакцией А. Богданова был сделан новый русский перевод первого тома, послуживший основой для публикации «Капитала» в первом (т. XVII, 1937) и во втором (т. 23, 1960) русских изданиях Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако внимание всех издателей первого тома неизменно привлекало авторизованное французское издание «Капитала». По словам самого Маркса, оно имело «самостоятельную на-

учную ценность» наряду с немецким оригиналом. Французское издание Маркс намерен был использовать при подготовке третьего издания «Капитала», вышедшего в свет уже после его смерти. Хотя Энгельс, казалось бы, реализовал в определенной мере это намерение автора в четвертом издании первого тома[1], тем не менее, по мнению последующих издателей «Капитала», он сделал это в недостаточной степени. В 1914 г. К. Каутский выпустил так называемое «народное» издание первого тома[2] на основе второго немецкого издания с привлечением французского издания как более популярного с точки зрения изложения теоретического материала. Издание Каутского было использовано Скворцовым-Степановым для нового русского перевода первого тома «Капитала», вышедшего в 1920 г. и неоднократно переиздававшегося вплоть до 1938 г.

В 1932 г. известный немецкий философ-марксист ультралевого толка Карл Корш (1886–1961) выпустил новое издание первого тома «Капитала» с собственным предисловием, в основу которого было также положено второе немецкое издание[3]. Издание Корша было негативно оценено в СССР, для чего были очевидные политические причины. В качестве альтернативы в том же 1932 г. московский Институт Маркса – Энгельса – Ленина выпустил на немецком языке свой вариант «народного издания» первого тома, вернувшись к 4-му немецкому изданию Энгельса. В конце 1933 – начале 1934 г. на его основе вышло новое издание «Капитала» на русском языке, которое, в свою очередь, послужило основой для подготовки публикации первого тома в томе XVII первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса[4].

Все вышеизложенное необходимо для понимания характера нового издания «Капитала» в редакции Томаса Кучинского.

В его основу Кучинский положил второе немецкое издание 1872–1873 гг., однако отдельные предложения, формулиров-

---

1 Энгельс Ф. Предисловие к четвертому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 35.

2 Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Volksausgabe. Hrsg. von Karl Kautsky. Bd. I. Stuttgart, 1914.

3 Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Ungekürzte Ausg. nach d. 2. Aufl. v. 1872. Это издание и сегодня переиздается в Германии.

4 Подробнее см. статью Л.Л. Васиной в данном сборнике, с. 43–44.

ки, фрагменты текста даны по французскому изданию первого тома. Таким образом, текст нового издания является своего рода компиляцией двух авторских (т. е. Марксовых) редакций первого тома «Капитала» с преобладанием, безусловно, текста второго немецкого издания. Именно в данном ключе, полагает Кучинский, Маркс предполагал переработать текст первого тома для третьего издания, но не сумел осуществить это намерение. Задача, которую поставил перед собой Т. Кучинский, попытавшись реализовать замысел Маркса, не только достаточно амбициозна, но и потребовала от редактора текста как обширных и глубоких профессиональных знаний, так и немалой научной смелости и ответственности. Эту осознаваемую им личную ответственность за обоснованность внесенных изменений в, казалось бы, «канонический» текст «Капитала» Т. Кучинский специально подчеркнул в своем послесловии к новому изданию[5]. В работе над ним Кучинский использовал личные экземпляры Маркса немецких и французского изданий первого тома с его собственными пометками и корректурами, хранящиеся сегодня в Международном институте социальной истории в Амстердаме и Российском государственном архиве социально-политической истории в Москве. Кучинским были скрупулезно проанализированы (буквально слово за словом, предложение за предложением) тексты всех прижизненных немецких изданий первого тома «Капитала», привлекались другие рукописные и печатные материалы наследия Маркса и Энгельса.

Безусловно, работа облегчалась тем, что тексты всех прижизненных изданий первого тома «Капитала» (1–4-е немецкие издания, французское и английское издания) с обширным научным аппаратом опубликованы в томах 5–10 Второго отдела Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), вышедших в 1983–1991 гг. Издание МЭГА сделало эти, давно ставшие библиографической редкостью, издания доступными современному исследователю. В новом издании Кучинского мы впервые видим практическое

5 Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. Neue Textausgabe, bearbeitet und herausgegeben von Thomas Kuczynski. Hamburg: VSA-Verlag, 2017. S. 775.

использование издания МЭГА в таком масштабе. Однако со времени выхода томов «Капитала» в МЭГА прошло почти 30 лет, появились новые информационные и технические возможности, поэтому Кучинский смог предложить современному немецкому читателю качественно новое издание первого тома «Капитала».

Работа Кучинского имеет, безусловно, фундаментальный научный характер. Глубокое знание текста «Капитала», свободное владение основными европейскими языками, позволяющее понять все оттенки мысли Маркса в разных изданиях «Капитала» на различных языках, глубокое знание экономической литературы и энциклопедические знания в самых разных областях позволили Т. Кучинскому подготовить оригинальное издание первого тома, которое, с одной стороны, аккумулировало все достижения предшествующих научных изданий, в первую очередь МЭГА, с другой – предложить современному читателю текст первого тома в новой редакции, в отдельных случаях отличающийся от авторского текста второго немецкого издания. Редактору пришлось решать многие лингвистические проблемы, с которыми сталкивались все издатели труда Маркса. Они связаны не только с проблемами терминологии. Это – наличие многих цитат на языках оригинальных источников, которые в новом издании даются в немецком переводе, необходимость устранения многих англицизмов и галицизмов в тексте, которые у сегодняшнего читателя могут породить совершенно иное понимание, чем это было во времена Маркса, воспроизведение в тексте «Капитала» отдельных иностранных слов и выражений, пословиц и пр. Редактор обращает внимание также на системы мер и весов, фигурирующие в расчетах и числовых примерах Маркса, но малопонятные современному читателю. Все эти проблемы Кучинский постарался предусмотреть и соответствующим образом решить в своем издании.

Чрезвычайно важным представляется вывод Кучинского об отсутствии терминологических различий между вторым немецким и французским изданиями первого тома «Капитала».

Особенностью подачи текста в издании Кучинского является включение содержательных подстрочных примечаний Маркса в основной текст, где они выделяются особым образом

(более мелким шрифтом). Редактор не без основания полагает, что данные места неразрывно связаны с основным текстом книги. Имеющиеся подстрочные примечания в новом издании содержат библиографические и отдельные текстологические пояснения (например, иностранных слов и выражений) трех типов: во-первых, библиографические примечания самого Маркса (как правило, уточняемые редактором); во-вторых, редакционные библиографические примечания, большинство которых имеется и в других изданиях «Капитала», прежде всего, в МЭГА, но часто они даются в ином ключе или в уточненном виде; наконец, в третьих, новые библиографические примечания, предлагаемые Кучинским в данном издании. Необходимо специально отметить, что в новом издании уточнен целый ряд библиографических и других данных, в том числе установлены имена авторов нескольких изданий, цитируемых Марксом, подававшихся в прежних изданиях, в том числе в МЭГА, как анонимные публикации.

Говоря о разночтениях текста нового издания со вторым немецким изданием, следует отметить, что во многих случаях речь идет о чисто стилистической правке. Для наглядности приведу пару простейших примеров. В предисловии к первому изданию известное место во втором немецком издании сформулировано и точно в соответствии с немецким оригиналом переведено в русском издании следующим образом: «Что касается особенно анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно»[6]. В русском переводе по изданию Кучинского это место дословно звучит так: «Что касается особенно анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его максимально популярным и попытался изложить его так, чтобы он был, с одной стороны, максимально ясным, с другой – понятным любому читателю»[7]. Или другое хорошо известное место, касающееся анализа экономических явлений и категорий: «То и другое должна заменить сила абстракции»[8]. В издании Кучинского: «Абстракция — это единственная сила, которая мо-

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 5.

7 Marx K. Das Kapital. …Neue Textausgabe, bearb. und hrsg. von Thomas Kuczynski. Hamburg: VSA-Verlag, 2017. S. 8.

8 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

жет служить его [т. е. анализа — Л.В.] инструментом»[9]. Можно спорить, меняют ли эти формулировки что-либо по существу, но стоит отметить, что немецкие переводы с французского сделаны самим редактором.

Однако в тексте «Капитала» есть немало мест, где различия между изложением в немецком и французском изданиях гораздо более существенны. Многие содержательные изменения были сделаны Кучинским, например, в тексте главы XXII «Превращение прибавочной стоимости в капитал». Так, вместо довольно большого абзаца с определением накопления капитала («Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала…»[10]) в издании Кучинского это предложение дается по французскому изданию: «В предыдущих отделах мы видели, как прибавочная стоимость возникает из капитала; теперь посмотрим, как капитал возникает из прибавочной стоимости.

Если прибавочная стоимость вместо того, чтобы быть израсходованной, авансируется и используется в качестве капитала, то создается новый капитал и он присоединяется к прежнему. Происходит накопление путем капитализации прибавочной стоимости»[11]. В рамках краткой рецензии невозможно привести все примеры подобного рода.

В этой связи следует отметить, что подготовители публикации первого тома «Капитала» во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпущенного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1960 г., тоже использовали французское издание, если те или иные места были там изложены понятнее, чем в немецком оригинале. По свидетельству подготовителя тома 23 2-го издания А.И. Малыша, «… число всевозможных исправлений в старом переводе под редакцией И.И. Скворцова-Степанова только по первому тому достигает 9 тысяч. В сложных и ответственных случаях обращались к текстам на других языках — французскому авторизованному переводу и английскому переводу, отредактированному Энгельсом. Сличение оригинала с этими именно переводами

[9] Marx K. Das Kapital. …Neue Textausgabe… S. 8.

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 592.

[11] Marx K. Das Kapital. …Neue Textausgabe… S. 512–513. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 202.

подсказывало то русское слово или словосочетание, которое полнее и правильнее всего выражало мысль Маркса. В ряде случаев было решено в отдельные формулировки оригинала внести целесообразные исправления на основе французского варианта»[12]. Таким образом, у читателя «Капитала» на русском языке (в редакции ИМЛ во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, которое и сегодня используется для большинства современных изданий «Капитала» в России) не должно возникнуть опасения, что он лишен возможности изучать «Капитал» по надежным переводам. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на то, что обширные фрагменты французского издания, представляющие собой значительно переработанные Марксом части текста первого тома, были отдельно опубликованы на русском языке в 1974 г.[13] На мой взгляд, эта публикация в дополнительном томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса недостаточно оценена отечественными исследователями «Капитала».

Для того чтобы оценить каждое содержательное изменение, внесенное Кучинским в новое издание «Капитала», от читателя требуется очень внимательное изучение текста в сочетании с обширным историко-критическим аппаратом, который в электронном виде прилагается к книге наряду с электронной версией текста. Значение этой части книги весьма существенно. Историко-критический научный аппарат объемом в 944 стр. сводит воедино все результаты предшествующих изданий «Капитала», а также содержит большой объем новой информации, которая предлагается редактором в данном издании впервые. Кучинский дает здесь все установленные им разночтения в текстах первого тома во всех прижизненных изданиях «Капитала».

Подобная работа была впервые проведена в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса и Институте Маркса – Энгельса – Ленина в конце 1920 – начале 1930-х гг. при подготовке «Капитала» к публикации в первом издании МЭГА, выходившем в 1927–1935 гг. Однако ни один из томов «Капитала» в этом

---

12 Малыш А.И. Второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса // Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. № 14. М., 1966. С. 25–26.

13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 165–230.

издании так и не вышел. Уникальная работа, проделанная в те годы, использовалась в дальнейшем при работе над изданиями «Капитала» как в русских изданиях, так и в немецком издании Marx-Engels-Werke, а также в МЭГА. Однако у Кучинского не было доступа к этим данным, и фактически он в одиночку проделал вновь филигранную работу по сопоставлению текстов всех прижизненных изданий первого тома «Капитала». Сложность и ценность этой работы, впервые ставшей доступной читателю в новом издании Кучинского, невозможно переоценить.

Обращают на себя внимание весьма детализированные примечания, многие из которых представляют собой отдельное научное исследование. К примеру, к известному любимому девизу Маркса «Segui il tuo corso, e lascia dir le gentri!» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно»), которым он завершает свое предисловие к первому изданию, Кучинский не ограничивается обычным для всех современных изданий «Капитала» указанием на то, что это — перефразированные слова из «Божественной комедии» Данте. Он обращает внимание на ошибку в данной фразе в том издании «Божественной комедии», которым пользовался Маркс, не обративший внимания на исправление этой ошибки в конце издания. На самом деле стих должен был начинаться со слов «Vien dietro a me…» («Приди, следуй за мной…»). Кучинский поясняет историю этой ошибки, а в историко-критическом аппарате в дополнение к подстрочному примечанию к данному месту текста приводит обширнейший комментарий с цитированием источников, в том числе на греческом языке, поясняющих истоки и историю данного выражения[14].

В послесловии к своему изданию Кучинский подробно разъясняет, что побудило его подготовить новое издание и характеризует все предшествующие попытки издать первый том «Капитала» на основе прижизненных изданий книги. Специально поясняется отличие новой редакции от текста второго немецкого издания[15]. В приложении[16] дается обширный список литературы, включающий библиографические издания, цити-

14 Marx K. Das Kapital. …Neue Textausgabe… S. 12. Научный аппарат, S. 6–8, примечание 148.

15 Ebenda. Научный аппарат, S. 761–780.

16 Ebenda. Научный аппарат, S. 727–760.

руемые, упоминаемые или использованные Марксом в тексте первого тома. Необычным, во всяком случае для русскоязычного читателя, выглядит подача изданий отдельных авторов не в алфавитном, а в хронологическом порядке.

Кучинский называет свое новое издание первого тома «Капитала» «Studien-Ausgabe», что можно понимать как издание, предназначенное для изучения «Капитала» читателем самого разного уровня. Читателю предложен текст, облегчающий понимание «Капитала» в результате использования более популярного изложения некоторых вопросов во французском издании. Однако пользование изданием Кучинского – отнюдь не легкое занятие даже для читателей, знакомых с первым томом труда Маркса. Фундаментальный характер проделанной работы, новизна подхода, большое количество разного рода уточнений в комментариях редактора, обширный историко-критический аппарат — все это делает публикацию новой редакции первого тома «Капитала» событием неординарным. Издание Томаса Кучинского, несомненно, займет в истории изданий первого тома «Капитала» заметное место. Представляется, что без обращения к этой работе невозможно будет представить новые издания главного труда Маркса не только на немецком языке, но и в других странах. Первый тираж издания «Капитала» в новой редакции Кучинского уже распродан в Германии.

УДК 026(47+57):94
ББК 78.34(2Рос)

Новиченко Ирина Юрьевна,
кандидат исторических наук,
заведующая отделом специальных коллекций
Центра социально-политической истории (ГПИБ России),
Novichenko Irina Jur'evna
Center of Social and Political History
(SHPL of Russia), Moscow, PhD in History,
Head of Special Collections Department
ino@shpl.ru

ГПИБ России и юбилеи в истории марксизма

The State Historical Public Library of Russia and anniversaries in the history of Marxism

Аннотация. Статья включает обзор мероприятий, подготовленных и проведенных в Центре социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России в 2017–2018 гг. в честь значимых юбилеев в истории марксизма: 150-летия выхода в свет первого тома «Капитала», 170-летия опубликования «Манифеста Коммунистической партии», 200-летия со дня рождения Карла Маркса. В тексте содержатся ссылки на дополнительные содержательные ресурсы по истории марксизма, размещенные на сайте библиотеки.

Ключевые слова: история марксизма; история издания «Манифеста Коммунистической партии»; первый том «Капитала»; Карл Маркс; революция 1848–1849 гг. в Европе.

Abstract. The article includes an overview of the events organised and held at the Center of Social and Political History of the State Historical Public Library of Russia in 2017–2018 in honor of significant anniversaries in the history of Marxism: the 150th anniversary of the publication of the first volume of «Capital», 170 years since the first publication of «Manifesto of the Communist Party», the 200th anniversary of the birth of Karl Marx. The text contains links to additional substantial resources on the history of Marxism, available on the Library website.

Key words: history of Marxism; history of the publication of the «Manifesto of the Communist Party»; the first volume of «Capital»; Karl Marx; Revolution of 1848-1849 in Europe.

В годы празднования трех значимых юбилеев — 150-летия выхода в свет первого тома «Капитала» (1867),

170-летия опубликования «Манифеста Коммунистической партии» (1848), 200-летия со дня рождения Карла Маркса (1818–1883), Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ), раскрывая богатейшие и уникальные коллекции по истории марксизма своего филиала — Центра социально-политической истории (ЦСПИ), организовала и провела ряд конференций, круглых столов, лекций, подготовила книжно-иллюстративные и виртуальные выставки[1].

В августе–октябре 2017 г. в читальном зале ЦСПИ мы представляли уникальную коллекцию изданий «Капитала» — от первого издания первого тома «Капитала» 1867 г., первых переводов и изданий великого труда Маркса в разных странах мира, на разных языках, до любопытных и курьезных выпусков «Капитала», в том числе в литографиях и комиксах, а также современные российские издания и зарубежные монографии, посвященные изучению «Капитала», методические рекомендации по изучению данного труда, различные конспекты и пересказы[2]. ГПИБ не только хранит одну из лучших в мире коллекций первых изданий «Капитала», произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, исследований, посвященных основателям марксизма и их работам, но и систематически пополняет ее. Информация о новых поступлениях размещается на сайте ГПИБ[3], а также полностью отражается в Едином электронном каталоге[4] библиотеки.

14 сентября 2017 г., когда исполнилось ровно 150 лет выходу I тома «Капитала» Карла Маркса, в Центре социально-политической истории — филиале ГПИБ России — прошли на-

1 Следует подчеркнуть, что ключевыми партнерами по организации юбилейных мероприятий являлись филиал Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации и Российский государственный социальный университет.

2 Каталог выставки размещен на сайте библиотеки: URL: https://www.shpl.ru/images/cms/data/CSPH/kapitalu-150-katalog-vystavki.pdf (Дата обращения 9.09.2019); О редких изданиях «Капитала» в коллекциях ЦСПИ, см.: URL: http://filial.shpl.ru/marksizm/kapital-v-fondah-tsspi (Дата обращения 9.09.2019).

3 О новых поступлениях в коллекцию по истории марксизма, см.: URL: http://filial.shpl.ru/news/2017/551 (Дата обращения 9.09.2019) .

4 Единый электронный каталог ГПИБ, см.: URL: http://unis.shpl.ru/.

учные чтения, посвященные этому важному для всей мировой и отечественной истории событию под названием «Судьбы ″Капитала″ в России». Научные чтения были организованы Государственной публичной исторической библиотекой России совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории. Мероприятие оказалось аншлаговым, слушателей едва вместил читальный зал ЦСПИ[5].

В России «Капитал» прошел длительный, непростой и увлекательный путь — вместе с нашей страной. Именно этому были посвящены чтения. На первой секции обсуждались переводы «Капитала» на русский язык — ведь именно на него был сделан первый иностранный перевод этой книги, а первый тираж русского издания разошелся гораздо быстрее, чем даже первое немецкое издание. Основное внимание на данной секции было справедливо уделено человеку, осуществившему в значительной степени этот самый первый перевод — Герману Лопатину. Вторая секция охватила вопросы, связанные с влиянием «Капитала» на российскую общественную мысль: на народников, либералов-центристов, марксистов центральной части России и самого В.И. Ленина. На третьей секции обсуждались вопросы истории и экономики в контексте марксистской методологии, а также связь и применимость этой теории к современности. Четвертая секция называлась «Читаем ″Капитал″ в современной России». На ней прозвучали доклады о практиках чтения труда Маркса во время перестройки; о том, кто и зачем читает его сегодня, а также о новых поступлениях иностранной литературы о «Капитале» в ЦСПИ. Подробный отчет о ходе дискуссий был размещен на сайте ГПИБ[6].

В феврале–марте 2018 г. в читальном зале отдела специальных коллекций ЦСПИ была развернута выставка «Манифест Коммунистической партии», на которой экспонировались редчайшие ранние издания «Манифеста», включая самую первую публикацию февраля–марта 1848 г., первое издание на русском

---

5 Программу Научных чтений, см.: URL: https://www.shpl.ru/events/conference/sudby_kapitala_v_rossii/?archive=yes (Дата обращения 9.09.2019).

6 Отчет о научных чтениях «Судьбы ″Капитала″ в России», см.: URL: http://filial.shpl.ru/news/nauchnye-chteniya-sudby-kapitala-v-rossii (Дата обращения 9.09.2019).

языке 1869 г., якобы в переводе Михаила Бакунина, а также рукописные копии «Манифеста» на русском языке 1880–1890-х гг. и другие редкие издания «Манифеста» из коллекций ЦСПИ[7].

2 марта 2018 г. в филиале ГПИБ России — Центре социально-политической истории — собрали круглый стол, посвященный актуальности написанного 170 лет назад «Манифеста Коммунистической партии», ставшего одним из важнейших политических текстов XIX–XX вв. Мероприятие началось с экскурсии-лекции по выставке ранних «Манифестов» и продолжилось интереснейшей дискуссией специалистов и читателей библиотеки об актуальности данного текста в настоящий период[8].

С 5 апреля по 12 мая 2018 г. в читальном зале ЦСПИ можно было ознакомиться с масштабной книжно-иллюстративной выставкой «Карл Маркс и ″Весна народов″ (1848–1849 гг.)», подготовленной на материалах коллекции по истории революций середины XIX в. Выставка была посвящена Карлу Марксу и революциям 1848–1849 гг. в Европе.

В первом разделе выставки «Революции 1848–1849 гг. в странах Европы (Франция, Германские земли, Австрийская империя, Итальянские территории)» были представлены документы и иллюстративные материалы, отражавшие события «Весны народов»: революционные движения, восстания и бунты, падение правительств и создание структур новой государственности. Лидерам демократических и национально-освободительных движений было отведено особое место. Содержание событий раскрывали уникальные издания тех времен: официальные документы — коллекция документов Национальной ассамблеи Франции, протоколы заседаний

---

7 Подробнее о коллекции «Манифестов» в ЦСПИ, см.: Новиченко И.Ю. «Манифест Коммунистической партии» (редкие и коллекционные издания в ГПИБ России) // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2018. № 4 (417). С. 128–135.

8 Подробный отчет о мероприятии, см.: URL: http://filial.shpl.ru/news/reportazh-o-kruglom-stole-aktualen-li-manifest-kommunisticheskoj-partii-segodnya (Дата обращения 9.09.2019).

парламентов Германских земель, французские политические журналы (в частности «Альманах папаши Дюшена» и др.), иллюстрированные издания 1848 г. — «Исторические картины основных событий Французской революции 1848 г. с пояснительным текстом» и «Хроника событий мартовской революции в Германии», воспоминания известных политических деятелей и участников революционных событий — Л. Блана, Л.О. Бланки, Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини, Л. Кошута, брошюры, листовки.

Во втором разделе выставки «Произведения К. Маркса 1848–1849 гг.» предлагалось ознакомиться с ранними работами Маркса, в частности с изданием «Манифеста Коммунистической партии» (1848 г.) на немецком и русском языках, с публицистическими текстами революционной эпохи.

Третий раздел «К. Маркс и ″Союз коммунистов″» был посвящен деятельности Союза коммунистов в революционные годы и роли К. Маркса.

Основателем и главным редактором «Новой Рейнской газеты» (Neue Rheinische Zeitung), издававшейся в Кёльне с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г., был Карл Маркс. В редакцию входили Ф. Энгельс, В. Вольф, Г. Веерт и другие члены Союза коммунистов. На выставке была представлена подшивка «Новой Рейнской газеты» 1848–1849 гг., сборники, содержащие статьи, печатавшиеся в ней, статьи из журналов, в частности статья Ф. Энгельса «Маркс и ″Новая Рейнская газета″», а также книги о публицистической деятельности К. Маркса.

Последний раздел выставки — «Карл Маркс в годы революций» — носил историографический характер и включал исследования, монографии и статьи видных специалистов по истории революций 1848–1849 гг.: работы С. Левиовой, А. Молока, В. Мосолова, а также зарубежных исследователей: Г. Бехера, Г. Стейнера, О. Корню[9].

На основе материалов этой выставки были подготовлены планшетная выставка «Карл Маркс и ″Весна народов″», которая экспонировалась в других библиотеках и вузах в период

[9] Каталог выставки, см.: URL: https://www.shpl.ru/images/cms/data/CSPH/karl-marks-i-vesna-narodov-1848-1849-gg.pdf (Дата обращения 9.09.2019).

проведения юбилейных конференций, а также виртуальная выставка «Карл Маркс и ″Весна народов″ (1848–1849 гг.)»[10], размещенная на сайте ГПИБ.

В виртуальной выставке ранние работы Маркса присутствуют в разделе «Маркс о революции». Вторая часть «Маркс и ″Союз коммунистов″» посвящена деятельности Союза коммунистов в революционные годы и роли К. Маркса как одного из его основателей. Особое внимание уделяется «Новой Рейнской газете», основателем и главным редактором которой был Карл Маркс. В разделах выставки, посвященных революции 1848–1849 гг. в странах Европы (Франция, Германские земли, Австрийская империя, Итальянские территории), представлены документы и иллюстративные материалы, отражающие события «Весны народов».

Особое внимание следует обратить на два последних раздела виртуальной выставки, в которых речь идет об уникальных источниках — коллекции сатирических листовок 1848–1849 гг., а также о коллекционере, собравшем огромный комплекс материалов по истории революций 1848–1849 гг., — австрийском политике и историке Йозефе Александре Гельферте (Joseph Alexander Helfert, 1820–1910). Гельферт не только сам наблюдал революционные события, но и изучал их, опубликовал множество исследований, посвященных истории революций. По всей Европе, на протяжении всей жизни он собирал материалы революционной эпохи. В 1927 г. коллекция Гельферта по истории революций 1848–1849 гг. была приобретена Д.Б. Рязановым и оказалась в библиотеке Института К. Маркса и Ф. Энгельса (в настоящее время — Центр социально-политической истории ГПИБ России)[11]. Сатирические листовки, представленные на выставке, являются лишь небольшой частью этой коллекции.

Остановимся подробнее на характеристике сатирических листовок периода революций 1848–1849 гг.

---

10 Виртуальную выставку см. на сайте ГПИБ: URL.: http://filial.shpl.ru/marx/marx (Дата обращения 9.09.2019).

11 Подробнее о коллекции, см.: Хорева О.А. Коллекция Й.А. Гельферта по истории Революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений. Вып. 4. М., 1988. С. 62–83.

Антимонархические выступления начались в феврале 1848 г. во Франции и в течение весенних месяцев распространились на Австрийскую империю, Германские и Итальянские земли. «Весна народов» или «Весна свободы» — такие названия получила в историографии революция 1848–1849 гг. Пробуждение природы совпало с ожиданиями политических демократических перемен в Европе.

Поэтическая революция предшествовала бурным политическим событиям 1848 г. Еще в 1842 г. в немецкой литературе возникла шумная полемика об отношении поэзии к политической борьбе, в центре которой оказались поэты Фердинанд Фрейлиграт (1810–1876) и Георг Гервег (1817–1875). Фрейлиграт защищал консервативный романтизм, Гервег звал стихотворцев к отражению реальной действительности. Обмен взаимными публичными посланиями спровоцировал волну дискуссий, которые велись в поэтической форме и посвящались одной теме, сформулированной Гервегом в стихотворении «Партия»:

«Скажи — как мужу муж, — с тобой нам по дороге? Ты раб иль гражданин? Подумай и решись».

Сборники стихов выходили один за другим. Фрейлиграта удалось переубедить, он изменил позицию и перешел в демократический лагерь. В ряды политических поэтов влились Георг Веерт и целая армия стихотворцев, о которых раньше ничего не было слышно в Германских землях, в Австрийской империи, во Франции[12].

Многие из поэтов прославились в период революции. Поэтические баталии велись в стихотворной форме и часто принимали сатирический характер. Рифмованные тексты публиковались в журналах, газетах, но чаще всего распространялись в форме листовок. Творчество именно этих малоизвестных или вообще неизвестных поэтов, имена которых часто скрывались под псевдонимами, а тексты сохранились

12 Подробнее о поэзии революций 1848–1849 гг. см.: Шиллер Ф. П. Поэзия Германской революции 1848 года. Историко-литературный очерк. М., 1934; Немецкая поэзия революции 1848 года. Под ред. И. Миримского. М., 1948; Поэзия Французской революции 1848 г. Антология. Переводы В. Дмитриева. [Сост.], ред., вступ. ст. и коммент. Ю.Данилина. М., 1948; Николаева Т. С. Поэзия немецкой революции 1848 года. Саратов, 1961.

лишь в листовых материалах, мы представили на выставке. Помимо стихотворений Ф. Фрейлиграта, можно было ознакомиться с творчеством У. Бомхаммеля, А. Буддельмайера, Й. Тюльпенталя, А. Штампельмайера, И. М. Херша, А. Хопфа и многих других.

Следует учитывать, что поэтическая революционная сатира была широко распространена в Австрийской империи, во Франции, но особенно в Германских землях. Чтобы продемонстрировать богатство и разнообразие исторических источников такого типа, для выставки были отобраны листовки, напечатанные в регионах Берлина и Франкфурта в 1848–1849 гг. Тексты обычно располагались на одной или нескольких страницах, на бумаге разного качества и формата, часто сопровождались иллюстрациями и карикатурами. Листовки предназначались, в основном, для городских жителей. Листки могли быть единичными или выпускаться в сериях. Политическая направленность виршей также была разнообразной — от консервативно-монархической до радикально-революционной. Присутствовали все известные жанры: гимны, оды, песни, патетические поэмы, басни, эпиграммы, шутливые подражания, даже рифмованные проповеди, поминальные молитвы, пророчества и политические речи, любовная лирика и т. д. По-видимому, стихосложение тогда стало массовым увлечением и охватило разные социальные слои, поэтому в текстах можно встретить и высокий стиль, и жаргонные словечки, и нравоучения. Значительную часть текстов составляли обращения, послания и призывы к властям и военным, поэтические размышления о конституции.

Сатира, юмор, анекдоты и, вообще, смех — являются трудными источниками для изучения любой исторической эпохи, поскольку требуют глубокого погружения в реалии того времени. Видимо поэтому, большой пласт сатирических материалов периода революции 1848–1849 гг. до сих пор остается мало востребованным и не вовлеченным в научный оборот. Представляя поэтическую революционную сатиру, мы стремились привлечь внимание исследователей к уникальным и редким источникам, скрывающим в себе немало загадок.

Судя по объему печатных материалов по истории революции 1848–1849 гг. — книг, брошюр, памфлетов, листовок, пла-

катов, хранящихся в ЦСПИ, это был также удивительный период острой интеллектуальной борьбы.

Значительная часть сатирических листовок представлена в цифровом виде в Открытой электронной библиотеке на сайте ГПИБ[13].

11 апреля 2018 г. состоялся круглый стол «На пороге перемен: Карл Маркс, ″Манифест Коммунистической партии″ и революции 1848 года». В качестве докладчиков на заседании первой секции — «Актуален ли ″Манифест Коммунистической партии″ сегодня?» выступили известный немецкий экономист, профессор Томас Кучинский, автор получившего высокую оценку научной общественности издания «Манифеста Коммунистической партии», вышедшего в Германии в 1995 г. (Das Kommunistische Manifest (Manifest der Kommunistischen Partei) von Karl Marx und Friedrich Engels. Von der Erstausgabe zur Leseausgabe. Mit einem Editionsbericht von Thomas Kuczynski. (Schriften aus dem Karl-Marx-Haus Trier). Trier, 1995), Алексей Гусев (МГУ имени М. В. Ломоносова) и Илья Дементьев (Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта). Далее ученые размышляли о Марксе и революциях, роли 1848 г. в истории, о наследии Маркса, об образе Маркса в киноискусстве. Мероприятие показало, что философское наследие Маркса — неисчерпаемая тема, а его личность представляет интерес не только для академических исследований. Яркое свидетельство тому — дебаты об образе Карла Маркса в кино. О программе мероприятия, а также о том, как проходила дискуссия (ознакомиться с видеозаписью), можно в отчете о круглом столе[14].

26–27 сентября 2018 г. проблемы марксизма обсуждались на конференции «Наследие Маркса в XXI веке»[15], организато-

[13] См. раздел — «Сатирические листовки периода Революции 1848–1849 гг. в Германии»: URL.: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/48243-satiricheskie-listovki-perioda-revolyutsii-1848-1849-gg-v-germanii (Дата обращения 9.09.2019).

[14] Программу круглого стола, см.: URL.: http://www.shpl.ru/events/roundtable/na_poroge_peremen/; подробный отчет о мероприятии, см.: URL.: http://filial.shpl.ru/news/4792 (Дата обращения 9.09.2019).

[15] Отчет о мероприятии, см.: URL.: http://filial.shpl.ru/news/aktualen-li-marks-otchet-o-konferentsii-nasledie-k-marksa-v-xxi-veke (Дата обращения 9.09.2019).

рами которой выступили Государственная публичная историческая библиотека России, филиал Фонда Розы Люксембург в РФ и Российский государственный социальный университет. Дискуссии и научные публикации о характере и исторической роли марксизма не прекращаются по сей день. Участники конференции размышляли о судьбах марксизма, в частности, о том, как изменился марксизм за годы, прошедшие с распада Советского Союза, что может сказать марксизм сегодня по поводу важнейших вопросов, стоящих перед обществом? Подробнее о дискуссии можно узнать из статьи «Актуален ли Маркс сегодня?»[16].

Особый интерес в рамках конференции, вызвало заседание круглого стола «Марксизм и историческая наука». Его организаторами выступили Государственная публичная историческая библиотека России, редакция альманаха «Историк-марксист», филиал Фонда Розы Люксембург в РФ. Трудно представить сегодня серьезного историка или исследователя, работающего в области исторической социологии и, как минимум, не испытавшего влияния марксизма. Историк не может обойти стороной внушительную марксистскую историографию, пусть даже и не соглашаясь с ее основными выводами. Оттого печально выглядят попытки постсоветских историков полностью вычеркнуть марксистскую методологию как из своих работ, так и из учебных курсов. Именно об этом во многом шла речь на круглом столе, основными спикерами на котором стали доцент МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Гусев, сопредседатель профсоюза «Университетская солидарность» П.М. Кудюкин и главный редактор альманаха «Историк-марксист» Б.Ю. Кагарлицкий. В ходе оживленной дискуссии обсуждались многие вопросы, в том числе — возможно ли в современной российской научной мысли использовать марксистский метод анализа[17].

Подводя итоги, следует отметить, что личность Карла Маркса, темы марксизма, «Капитала», «Манифеста Коммунистической партии», истории мирового революционного движения популярны и вызывают живой интерес у исследователей

---

[16] Струкова Е.Н., Харитонов К.Б. Актуален ли Маркс сегодня? // Библиография и книговедение. 2018. № 6. С. 68–72.

[17] Подробнее о круглом столе, см.: URL.: http://filial.shpl.ru/news/marksizm-i-istoricheskaya-nauka (Дата обращения 9.09.2019).

и читателей, особенно молодого поколения, которое стремится самостоятельно разобраться в сложных социально-экономических общественных отношениях прошлого и настоящего.

Библиографический список:

1. Немецкая поэзия революции 1848 года. Под ред. И. Миримского. М., 1948.
2. *Николаева Т.С.* Поэзия немецкой революции 1848 года. Саратов, 1961.
3. *Новиченко И.Ю.* «Манифест Коммунистической партии» (редкие и коллекционные издания в ГПИБ России) // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2018. № 4 (417). С. 128–135.
4. Поэзия Французской революции 1848 г. Антология. Переводы В. Дмитриева. [Сост.], ред., вступ. ст. и коммент. Ю. Данилина. М., 1948.
5. *Струкова Е.Н., Харитонов К.Б.* Актуален ли Маркс сегодня? // Библиография и книговедение. 2018. № 6. С. 68–72.
6. *Хорева О.А.* Коллекция Й.А. Гельферта по истории революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений. Вып. 4. М., 1988. С. 62–83.
7. *Шиллер Ф.П.* Поэзия Германской революции 1848 года. Историко-литературный очерк. М., 1934.

УДК 061.43:(02)330.852(430)
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.л6

Каталог книжной выставки «″Капиталу″ — 150»

Струкова Елена Николаевна,
заведующая Центром социально-политической истории (ЦСПИ)
ГПИБ России, кандидат исторических наук
Strukova Elena Nickolaevna
PhD in History, Head of the Center of Social and Political History of the Russian State Historical Public Library of Russia

Гетьман Ирина Петровна,
главный библиотекарь ЦСПИ ГПИБ России/
Get'man Irina Petrovna, chief librarian of the Center of Social and Political History of the Russian State Historical Public Library of Russia

Воронкова Ольга Борисовна,
ведущий библиотекарь ЦСПИ ГПИБ России/
Voronkova Olga Borisovna,
leading librarian of the Center of Social and Political History of the Russian State Historical Public Library of Russia

Харитонов Константин Борисович,
библиотекарь Центра социально-политической истории ГПИБ России
Kharitonov Konstantin Borisovich,
librarian of the Center of Social and Political History of the Russian State Historical Public Library of Russia

Аннотация. На прошедшей в 2017 г. в Центре социально-политической истории ГПИБ России выставке «″Капиталу″ — 150» были представлены самые разнообразные издания «Капитала» Карла Маркса из богатых фондов библиотеки: первое издание книги, включая первое российское издание, «Капитал» на языках народов мира и СССР и новейшие издания XXI в. Также на выставке были представлены избранные образцы анализа и интерпретации труда Маркса и пособия по его изучению.

Ключевые слова: ЦСПИ; Карл Маркс; «Капитал».

Abstract. On the exhibition «Capital — 150», that was organized in the Center for Social and Political History (filial of the SPHL of Russia) in 2017, were presented different publications of Karl Marx's «Capital» from the rich funds of the library: the first publication of the book, including first Russian edition, «Capital» on many languages of the world and of the USSR, and the newest editions of the XXI century. There were also presented selected examples of Karl Marx's work interpretation, and also study guides.

Key words: CSPH; Karl Marx; Capital.

Выставка проходила с 21 августа по 13 октября 2017 г. в Центре социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России.

Открывал выставку раздел, посвященный первым изданиям труда Карла Маркса. Здесь собраны публикации, выходившие в Германии в XIX в. В разделе были также представлены первые отклики на книгу, в том числе известная рецензия Евгения Дюринга, опубликованная в 1868 г. Завершала раздел монография советского исследователя Анны Васильевны Уроевой «Книга, живущая в веках», посвященная изданию и распространению I тома «Капитала».

Второй раздел был посвящен истории переводов и публикаций «Капитала» в России. Представлены первые дореволюционные издания, в том числе самый первый русский перевод Г. Лопатина, Н. Даниельсона и Н. Любавина. Большой интерес для исследователей представляет полемика по книге Карла Маркса в отечественных журналах того времени. Волна этих публикаций последовала фактически сразу после появления переводов «Капитала» на русский язык.

Третий раздел, озаглавленный «"Капитал" в Стране Советов», состоял из двух частей. В первом экспонировались разнообразные издания «Капитала» на русском языке. Стоит обратить внимание на публикации первых лет советской власти, в том числе под редакцией известных политических деятелей: Карла Каутского и Петра Струве. Во второй части раздела были представлены издания на языках народов СССР: азербайджанском, армянском, белорусском, украинском, литовском, эстонском и др.

Четвертый раздел — «″Капитал″ на языках народов мира». В отдельные подразделы выставки были выделены издания на немецком, французском и английском языках. Помимо изданий непосредственно текста Маркса в раздел включены наиболее важные публикации о «Капитале», опубликованные в XX в.

В пятом разделе выставки «Как читать ″Капитал″» были представлены монографии и методические рекомендации, изданные в XX в. на русском языке.

Последний раздел выставки был посвящен публикациям, вышедшим в последние два десятилетия. Среди них — переиздания «Капитала» в новых переводах и комментариях, тематические исследования, а также комиксы и методические руководства. Следует отметить, что книги, изданные в XXI в., коренным образом отличаются от литературы предыдущих периодов. Эти издания характеризует поиск новых идей и новых подходов к самой известной работе Карла Маркса, делающих ее актуальной в XXI в.

В конце каталога был представлен дополнительный список изданий, поступивших в библиотеку в 2017–2018 гг., уже по окончании работы выставки «″Капиталу″ — 150». Особый интерес для исследователей представляет книга германского исследователя Томаса Кучинского, содержащая обширные методические рекомендации и комментарии, подаренная автором Государственной публичной исторической библиотеке России.

Первые издания I тома «Капитала»

1. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — Hamburg, 1867. — Нем. яз. — Bd. 1. Buch. 1: Der Produktionsprocess des Kapitals. — XII, 784 S.

Шифр хранения: I C 2.

2. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — Hamburg, 1872. — 2.verb. Auflage— Нем. яз. — Bd. 1. Buch. 1: Der Produktionsproceß des Kapitals. — 830 S.

Шифр хранения: ЕГ24/2К 1418.

3. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — Hamburg, 1883. — 3.verb. Auflage— Нем. яз. — Bd. 1. Buch. 1: Der Produktionsproceß des Kapitals. — XXIII, 808 S.

Шифр хранения: ЕГ23/2G333.

4. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — Hamburg, 1890. — 4.verb. Auflage — Нем. яз. — Bd. 1. Buch. 1: Der Produktionsproceß des Kapitals. — XXII, 740 S.

Шифр хранения: I. С. 2/1к.

***

5. *Dühring E.* Marx K. Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. — 1. Band. — Hamburg, 1867 // Ergänzungsblätter zur Kenntniß der Gegenwart. — 1868. — № 4. — S. 182–186. — Нем. яз.

Шифр хранения: SУЖ/2Er36.

6. ...wichtige Nachricht, daß der erste Band des von Bürger Karl Marx verfassten Werks «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie» dem Drucke übergeben ist und Ende Mai im Verlag von Otto Me[i]ssner, in Hamburg erscheinen wird // Der Vorbote. — 1867. — № 4. — S. 63–64. — Нем. яз.

Шифр хранения:SУЖ/2V772.

***

7. *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. — 2-е изд., доп. — М.: Изд-во «Мысль», 1972. — 315 с.

Шифр хранения: ЕГ36/У6662.

8. *Uroeva A.V.* For all time and all men. — Moscow: Progress,1967. — 256 p. — Англ. яз.

Шифр хранения: ЕГ36/2U943.

«Прекрасный русский перевод…» (К. Маркс)

9. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — СПб., 1872. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала: пер. с нем. [Г. Лопатина, Н. Даниельсона, Н.Н. Любавина]. — 1872. — XIII, 678 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 325.

10. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — СПб.: Н. П. Поляков,1872. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала: пер. с нем. — 1872. — XIII, 678 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 3252.

(Воспроизводство изд. 1872 г., осуществленное в Нью-Йорке в 1890-е годы Еваленко. Редк.)

11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — СПб.: Тип. А.Бенке,1898. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала : Изд. 2-е, исправ. и дополн. по четвертому нем. изд. — 1898. — XXIX, 676 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 32510.

12. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — СПб.: Тип. А.Бенке,1898. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала : Изд. 3-е, исправ. и дополн. по четвертому нем. изд. — 1898. — XXVIII, 682 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 3253.

13. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии : полн. пер. с нем. под ред. д-ра математики В.Д. Любимова. — СПб.: Изд-во Н. С. Аскарханова, 1898. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — VII, 862 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 3254.

14. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1899. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала: Изд. 4-е, пер. с 4-го нем. изд., проверенного Ф. Энгельсом; под ред. П. Струве. — 1899. — XXXVI, 673 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 3255.

15. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / под ред. П. Струве. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1906. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — XXXVI, 576 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 3257.

16. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / под ред. В. Базарова, И. Степанова. — Киев: Изд-во Оренштейн ; New York: Изд-во Майзель, [1922]. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — XLVIII, 755 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К 32526.

Полемика вокруг «Капитала» в России в 1870–1890 гг.

17. *Жуковский Ю.Г.* Карл Маркс и его книга о капитале // Вестник Европы. — СПб., 1877. — № 9. — С. 64–105.

Шифр хранения: УЖ/В515.

18. *Зибер Н.И.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях: опыт крит.-экон. исслед. — СПб.: [б. и.], 1885. — VII, [1], 598, [3] с.

Шифр хранения: ЕГ135/З753$_2$ Р (ОРК).

19. *Зибер Н.И.* Б. Чичерин contra К. Маркс : (критика критики) // Слово. — СПб., 1879. — № 2. — С. 63–101.

Шифр хранения: УЖ/С452.

20. *Зибер Н.И.* Экономическая теория Маркса // Знание. — СПб., 1874. — № 1. — С. 43–90.

Шифр хранения: УЖ/З864.

21. *Кауфман И.И.* Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса // Вестник Европы. — СПб., 1872. — № 5. — С. 427–436.

Шифр хранения: УЖ/В515.

22. *Михайловский Н.К.* Карл Маркс перед судом г-на. Ю. Жуковского // Отечественные записки. — СПб., 1877. — № 10. — С. 321–356.

Шифр хранения: УЖ/О846.

23. *Михайловский Н.К.* По поводу русского издания книги Карла Маркса // Отечественные записки. — СПб., 1872. — № 4. — С. 176–184.

Шифр хранения: УЖ/О846.

24. *Покровский В.И.* Что такое рабочий день? (По Марксу, «Das Kapital», Hamburg,1867) // Отечественные записки. — СПб., 1870. — № 4. — С. 407–434.
Шифр хранения: УЖ/О846.

25. *Ратнер М.В.* Карл Маркс и его русский критик Слонимский // Русское богатство. — СПб., 1897. — № 5. — С. 101–128.
Шифр хранения: УЖ/Р772.

26. *Реуэль А.Л.* «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х гг. — М.: Соцэкгиз,1939. — 160 с.
Шифр хранения: ЕГ135/Р584 .

27. *Филиппов М.М.* Итоги полемики о ценности // Научное обозрение. — СПб., 1900. — № 9. — С. 1553–1569.
Шифр хранения: УЖ/Н361.

28. *Филиппов М.М.* Опыт критики «Капитала» // Научное обозрение. — СПб., 1899. — № 6. — С. 1090–1109.
Шифр хранения: УЖ/Н361.

«Капитал» в Стране Советов

29. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: пер. с нем. / под ред. П. Струве. — Пг. : Изд-во Регина, 1918. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — XXXIV, 576, IV с.
Шифр хранения: ЕГ24/К 32529.

30. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / пер. под ред. В. Базарова, И. Степанова. — М.; Пг.: Гос. изд., 1923. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / изд. подгот. К. Каутским. — [1], VII, [3], 767 с.
Шифр хранения: ЕГ24/К3259.

31. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / пер. под ред. В. Базарова, И. Степанова. — 3-е изд. — М.: Гос. изд., 1925. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / изд. подгот.К. Каутским. — LVII, 767 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К32512.

32. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / пер. с нем. И.И. Степанова-Скворцова, проверенный и испр. под ред. В. Адоратского, М. Савельева. — М., 1937. (Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б))

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — VIII, 864 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К32535.

33. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / пер. И. И. Степанова-Скворцова, проверенный и испр. — М.: Госполитиздат, 1949. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — IV, [2], 794 с.

Шифр хранения: ЕГ24/К32536.

«Капитал» на языках народов СССР

34. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Ереван: Армгиз, 1933. — Армян. яз. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / пер. с нем. Т. Авдалбегяна. — XL, 745, [3].

Шифр хранения: S50/7/M10388.

35. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Баку, 1949. — Азерб. яз. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — 895, [1] с.

Шифр хранения: S50/4/M20044.

36. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Ереван: Армгиз, 1954. — Армян. яз. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — VI, [2], 824 с.

Шифр хранения: S50/7/M25819.

37. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Баку, 1969. — Азерб. яз. —

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — XXXIII, [3], 680 с.

Шифр хранения: S50/4/M20044.

38. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Тбилиси: Госиздат, 1954. — Груз. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — VI, 864 с.
Шифр хранения: S50/63/M29583.

39. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1962. — Груз. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — XXXIII, [3], 680 с.
Шифр хранения: S50/47/M20044.

40. *Маркс К.* Капітал. Критика політичної економії. — Харків: Держ. вид. України, 1927. — Укр. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процес продукції капіталу / за ред. А. Річицького, В. Щербаненка. — XX, 470 с.
Шифр хранения: ЕГ24/К326.

41. *Маркс К.* Капітал. Критика політичної економії. — Харків: Пролетар, 1933. — Укр. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процес продукції капіталу. — 832, [7] с.
Шифр хранения: ЕГ24/К3263.

42. *Маркс К.* Капітал. Критика політичної економії. — Київ: Політвидав України, 1982. — 932, [4] с.: іл. — Укр. яз. —
Шифр хранения: 4ЕГ24/К3265.

43. *Маркс К.* Капітал. Критика політичної економії / перекл. І.І. Степанова-Скворцова. — Київ : Держполітвидав УРСР, 1954. — Укр. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процес виробництва капіталу. — VI, [2], 790, [1] с.
Шифр хранения: ЕГ24/К335.

44. *Маркс К.* Капітал. Крытыка палітычнай эканоміі. — Мінск: Дзярж. выд. БССР, 1952. — Белорус. яз. —
Т. 1, кн. 1: Працэс вытворчасці капитала. — VI, 782[1] с.
Шифр хранения: ЕГ24/К332.

45. *Marx K.* Kapital. Politilise ökonoomia kriitika. — Tallinn: Eesti riiklik kirjastus, 1953. — Эстонск. яз. —
Köide 1, raamat 1 : Kapitali tootmise protsess. — VI, 688, [2] l.
Шифр хранения: ЕГ24/2К1482.

46. *Marx K.* Kapitalas. Politines ekonomijos kritika. — Vilnius: Valstybine politir mokalines lit. leidykla, 1957. — Литовск. яз. —
Ap. 1, kn. 1: Kapitalo gaminimo procesas. — IV, [2], 708, [2] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2К153.

47. *Marx K.* Kapitāls. Politiskās ekonomijas kritika. — Rigā: Latvijas valsts izdavnieciba, 1951. — Латв. яз. —
Sējums 1, grāmata 1: Kapitala ražošanas process. — VI, 652 s.
Шифр хранения: ЕГ24/2К143$_2$.

«Капитал» на языках народов мира

На немецком языке

48. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie / Hrsg. v. F. Engels. — Hamburg, 1914. — Нем. яз. —
Bd. 1, Buch. 1: Der Produktionsprozeß des Kapital. — XXXII, 740 S.
Шифр хранения: ЕГ24/2К 1413.

49. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie / Hrsg. v. K. Kautsky. — Stuttgart, 1914. — Нем. яз. —
Bd. 1, Buch. 1: Der Produktionsprozeß des Kapital. — XLVIII, 768 S.
Шифр хранения: ЕГ24/2К 142.

50. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie / Hrsg. v. F. Engels. — Hamburg, 1919. — Нем. яз. —
Bd. 1, Buch. 1: Der Produktionsprozeß des Kapital. — XXXII, 739 S.
Шифр хранения: ЕГ24/2К 1414.

51. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. — Wien; Berlin, 1932. — Нем. яз. —
Bd. 1, Buch. 1: Der Produktionsprozeß des Kapital. — 965 S.
Шифр хранения: ЕГ24/2К14232.

52. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. — Frankfurt am Main, 1967. — Нем. яз. —

Bd. 1, Buch. 1: Der Produktionsprozeß des Kapital. — 955 S.
Шифр хранения: ЕГ24/2К14234.

53. *Marx, Karl.* Gesamtausgabe: (MEGA) / Karl Marx, Friedrich Engels. Hrsg. vom der Institut für Marxismus-Leninnismus beim ZK der KPdSU und vom Institut für Marxismus-Leninnismus beim ZK der SEPD. — Berlin, 1975. — Нем. яз. —

Bd. 5 : Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Hamburg, 1867: Text. — 1983. — 694 S.
Шифр хранения: ЕГ23/2g333.

54. *Marx, Karl.* Gesamtausgabe: (MEGA) / Karl Marx, Friedrich Engels.; Hrsg. vom Institut für Marxismus-Leninnismus beim ZK der KPdSU und vom Institut für Marxismus-Leninnismus beim ZK der SEPD. — Berlin, 1991. — Нем. яз. —

Bd. 10: Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Hamburg, 1890: Text. — 1991. — 649, 4 S.
Шифр хранения: ЕГ23/2g333.

На французском языке

55. *Marx K.* Le capital. — Paris: Lachâtre, 1872. — Фр. яз. — Livre 1. — 352 p.
Шифр хранения: I. C. 2/1к.

56. *Marx K.* Le capital. — Paris: Lachâtre, 1875. — Фр. яз. — Livre 1. — 352 p.
Шифр хранения: I. C. 2/2к.

57. *Marx K.* Le capital / extraits faits par P. Lafargue ; introd. par V. Pareto. — Paris: Lachâtre, [1893]. — [4], LXXX, 176 p. — Фр. яз.
Шифр хранения: I. C. 2/1к.

58. *Marx K.* Le capital. Critique de l'économie politique. — Paris: Messidor: Éd. sociales, 1983. — Фр. яз. —

Livre 1: Le procès de production du capital. — LI, 940 p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С16827.

На английском языке

59. *Marx K.* Capital. A critique of political economy / transl. by B. Fowkes. — Harmondsworths etc.: Penguin, 1976. — Англ. яз. —
Vol. 1: The Process of Production of Capital. — 1141 p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С17223.

60. *Marx K.* Capital. A critique of political economy. — New York: Vintage book, 1977. — Англ. яз. —
Vol. 1 / transl. by B. Fowkes. — 1143 p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С172$_{71}$.

61. *Marx K., Engels F.* Collected works. Vol. 35: Marx K. Capital. — London: Lawrence & Wishart (London), International Publishers (New York), Progress Publishing Group Corporation (Moscow), 1996. — 852 p.
Шифр хранения: ЕГ23/2С685 (ОРК).

На языках народов мира

62. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — [Б. м.], 1954. — Греческ. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — 885, [2] с.
Шифр хранения: S50/14/М26398.

63. *Маркс К.* Капитал. — Пекин: Жэньминь Чубаньшэ, 1955. — Китайск. яз. —
Т. 1. — 1026, [1] с.
Шифр хранения: S50/30/М33655.

64. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Пекин: Цзинцзи уэсюэ чубаньшэ, 1987. — Китайск. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — 778, [3] с.
Шифр хранения: S50/30/М36323.

65. *Маркс К.* Капиталот. Критика на политичката економија. — Скопје: Култура, 1953. — Македонск. яз. —
Т. 1, кн. 1: Процесот на производството на капиталот. — LXX, 753 с.
Шифр хранения: ЕГ24/К331.

66. *Маркс К.* Капиталът. Критика на политическата икономия. — София: Българска комунистическа партия, 1950. — Болг. яз. —
T. 1, кн. 1: Процесът на производството на капитала. — XXXI, 736 с.
Шифр хранения: ЕГ24/К3285.

67. *Marx K.* El capital. — Valencia: Prometeo, s. a. — Исп. яз. —
Libro 1. — 246, [2] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С168$_5$.

68. *Marx K.* El capital. — La Plato: Calomino, 1946. — Исп. яз. —
Libro 1: Desarrollo de la produccion capitalista. — 253, [3] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С16828.

69. *Marx K.* El capital. Critica de la economia politica. — La Habana: Ed. National de Cuba, 1962. — Исп. яз. —
T. 1: El proceso de produccion del capital. — XLVIII, 748, [1] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С16827.

70. *Marx K.* El capital. Critica de la economia politica. — Mexico: Fondo de cultura economica, 1946. — Исп. яз. —
T. 1, libro 1: El proceso de produccion del capital. — IX, 587, [5] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С16827.

71. *Marx K.* El capital. Critica de la economia politica. — Buenos Aires: Cartago, 1956. — Исп. яз. —
T. 1, libro 1: El proceso de produccion del capital. — 730, [1] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С16829.

72. *Marx K.* Capitalul. Critics economiei politice. — Bucureşti: Ed. Partidului comunist Român, 1947. — Румынск. яз. —
Vol. 1, carta 1: Procesul de producţie al capitalului. — 780, [1] p.
Шифр хранения: ЕГ24/2С178.

73. *Marx K.* Kapital. Kritika političke ekonomije. — Beograd: Kosmos, 1933. — Хорватск. яз. —
Kn. 1: Proces proizvodnje kapitala. — 837, [2] s.
Шифр хранения: ЕГ24/2К147.

74. *Marx K.* Kapital. Kritika politické ekonomie. — Praha: Ustředn. dělnick. knihkupectvi, 1921. — Чешск. яз. —
Zv. 1, kn. 1: Výrovni proces kapitalu. — XXIII, [1], 619, [5] s.
Шифр хранения: ЕГ24/2К149.

75. *Marx K.* Kapital. Kritika politickej ekonomie. — Bratislava: Vyd. polit. lit., 1967. — Словацк. яз. —
Zv. 1, kn. 1: Proces výroby kapitálu. — 942, [2] s.
Шифр хранения: ЕГ24/2К1542.

76. *Marx K.* Kapital / ofersatt av E. Falk. — Oslo: Fram, 1930. — Норвежск. яз. —
Bok 1: Kapitalens produksjonsprosess. — 166 s.
Шифр хранения: ЕГ24/2К151.

77. *Marx K.* Kapitalet. Kritik av den politiska ekonomin. — Stockholm: Tiden, 1930. — Шведск. яз. —
Bd. 1: Kapitalets produktionsprocess. — XXII, 780 s .
Шифр хранения: ЕГ24/2К145.

78. *Marx K.* A Töke. A közgazdaságtan bírálata. — Bécs: Verlag Julius Fischer, 1921. — Венгерск. яз. —
Kötet 1. Könyv 1: A töke termelési folyamata. — XVI, 391, [4] old.
Шифр хранения: ЕГ24/2Т557 Р (ОРК).

79. *Marx K.* Het kapitaal. Kritiek van de staathuishoudkunde. — Amsterdam: Van Lody, 1894. — Голландск. яз. —
Deel 1, boek 1: Het producteproces net kapitaal. — 965 s.
Шифр хранения: I. C. 2/1 K.

80. *Marx K.* Kapitali, Vëllimi I parë. — Tiranë, 1968. — Албанск. яз. —
Libri 1: Procesi I prodhimit te kapitalit. — 454. [1] f.
Шифр хранения: ЕГ24/2К157.

81. *Marx K.* Pääoma. Kansantaloustieteen arvostelu. — Helsingissä, 1913. — Финск. яз. —

Nide. 1. Kirja 1: Kapitalistinen tuotanto. — 4, XX, 688 s. —

Шифр хранения: ЕГ24/2Р181$_2$ Р (ОРК).

Как читать «Капитал»?

82. *Аракелян А.А.* Как изучать «Капитал» Маркса. — М.: [б. и.], 1947. — 24 с.

Шифр хранения: ЕГ36/А724.

83. *Дмитриев В.К.* Маркс. Капитал: (конспект). — М.: Перо, 2012. — 335 с.

Шифр хранения: 1291663.

84. *Ильенков Э.В., Розенталь М.М.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / — М.: URSS, 2015. — 284, [1] с.

Шифр хранения: 1334489.

85. *Коваленко П.* Как изучать «Капитал» К. Маркса. Что нужно знать, чтобы читать «Капитал». Как читать «Капитал»: провероч. вопросник к первому тому. — М.: Изд-во ВЦСПС, 1926. — 73 с.

Шифр хранения: IV.B.23 (ОРК).

86. *Леонтьев Л.А.* К изучению «Капитала» К. Маркса. — М.: Высш. школа, 1961. — 176 с.

Шифр хранения: ЕГ36/Л123.

87. *Мансуров А.М.* Как изучать «Капитал» Карла Маркса. — Фрунзе: [б. и.], 1966. — 32 с.

Шифр хранения: ЕГ36/М265.

88. *Новоселов П.К.* О первом томе «Капитала» К. Маркса. — Новосибирск: [б. и.], 1961. — 17 с.

Шифр хранения: ЕГ36/Н927.

89. *Питерцев Н.А.* Об изучении «Капитала» К. Маркса. — М.: [б. и.], 1959. — 43 с.

Шифр хранения: ЕГ36/П559.

90. *Рахман Д.* Введение в «Капитал»: задания и разработки для марксистско-ленинских кружков по изучению «Капитала» и для самообразования. Вып. 1. — М.: Моск. рабочий, 1931. — 152 с.
Шифр хранения: ЕГ138/Р418 Р (ОРК).

91. *Сухиннина З.П.* Как изучать произведение К. Маркса «Капитал». — Свердловск: Урал. политехн. ин-т , 1959. — 32 с.
Шифр хранения: ЕГ36/С968.

92. *Aveling E.* The students' Marx. An introduction to the study of Karl Marx's Capital. — London: George Allen & Unwin Ltd., 1931. — XII, 180 p. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ135/2Av94$_2$ Р (ОРК).

93. *Borchardt J.* The People's Marx. — London etc.: Intern. Book shops lim, 1921. — VII, [1], 284, [2] p. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ135/2B723.

94. *Brewer A.* A guide to Marx's Capital. — Cambridge etc.: Cambridge univ. press 1984. — XIV, 211 p. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ36/2B758.

95. *Emmett W.H.* The Marxian economic handbook and glossary with numerous corrections, explanations and emendations of the English version of Vol. I of «Capital». For the use of advanced students and beginners. — London: George Allen & Unwin, Ltd., 1925. — 350 p. — Англ. яз.
Шифр хранения: IV.B.23 (ОРК).

96. *Fine B.* Rereading Capital / L. Harris. — London: Macmillan, 1979. — VIII, 184 p. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ36/2F493.

97. *Gellert H.* Karl Marx «Capital» in lithographs. — New York: Pay Long & Richard E. Smith, 1929 . — [3], 61, [1] p.: il. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ135/2G314 Р (ОРК).

98. *Maarek G.* Introduction au Capital de Karl Marx, Un essai de formalisation. — Paris: Calmann-Lévy, 1975. — 312 p. — Фр. яз.
Шифр хранения: ЕГ34/2М111 Р (ОРК).

99. *Roth M.* Guide to Marx's «Capital» / M. Eldred. — London: The Conference of socialist economists books, 1978. — 188 p. — Англ. яз.
Шифр хранения: ЕГ36/2R74.

100. *Smith D.* Le Capital de Marx pour débutants. — Paris: Maspero, 1982. — 188 p . — Фр. яз.
Шифр хранения: ЕГ34/2Sm52 Р (ОРК).

Маркс в XXI веке

101. *Бенсаид Д.* Маркс: (инструкция по применению). — М.: Институт общегуманитарных исследований (ИОИ), 2012. — 197 с.
Шифр хранения: 1288830.

102. *Вин Ф.* Карл Маркс. Капитал. — М.: АСТ, 2009. — 182 с.
Шифр хранения: Х 25/152.

103. *Декалан Р.* Призрак Карла Маркса. — М.: Ад Маргинем, 2016. — 64 с.
Издание находится в обработке.

104. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав. — М.: Карьера Пресс, 2012. – 301, [2] с.
Шифр хранения: 1302323.

105. Капитал в комиксах, или Карл Маркс для начинающих! — Ростов н/Д: Феникс: Априори, 2010. —123 с.
Шифр хранения: 1261841.

106. *Маркс К.* Капитал, в общедоступной обработке Ю. Борхардта. — М.: URSS: Либроком, 2009. — 431 с.
Шифр хранения: 1261006.

107. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономики. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015.

Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — 660, [1] с.
Шифр хранения: L1/148.

108. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — 1195, [1] с. Шифр хранения: L1/745.

109. *Смит Д. , Эванс Ф.* Капитал Маркса в комиксах: (начала политической экономии).— М.: Изд-во «Э», 2017. — 219 с.
Шифр хранения: L1/1078.

110. *Энгельс Ф.* Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса: пер. с нем. — М.: Изд-во ЛКИ: URSS, 2010. — 113 с.
Шифр хранения: 1265433.

Издания, поступившие в библиотеку в 2018 году

111. «Капитал» К. Маркса и его влияние на развитие мира : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 11–12 мая 2018 года, г. Москва / КПРФ. — М.: КПРФ, 2018. — 87 с.
Шифр хранения: S1/179.

112. *Маркс К.* Критика политической экономии / под. ред. В. Плотникова, А. Цветкова. — СПб.: Пальмира, 2018. — 718 с.
Шифр хранения: N1/4401.

113. *Маркс, К.* Капитал. [Критика политической экономики: [пер. с нем.] / сост. Г. Преображенский. — СПб.: Лениздат, 2017. — 511 с.
Шифр хранения: S1/131.

УДК 141.82+026(47+57):94
ББК 87.3(0)–592+78.34(2Рос)

Харитонов Константин Борисович,
библиотекарь Центра социально-политической истории ГПИБ России
Kharitonov Konstantin Borisovich,
librarian of the Center of Social and Political History of SHPL of Russia
Kharitonov86@gmail.com

Новые поступления ЦСПИ по марксизму и «Капиталу» К. Маркса

New acquisition of the CSPH on Marxism and K. Marx's «Capital»

Аннотация. Статья описывает новые (2017 г.) поступления иностранной современной марксистской литературы в фонды Центра социально-политической истории ГПИБ России. Отдельно рассмотрены работы, посвященные современному анализу «Капитала» К. Маркса. Собирая и каталогизируя наследие К. Маркса, ЦСПИ продолжает традиции своего предшественника, библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Ключевые слова: марксизм; ЦСПИ; «Капитал».

Abstract. The article describes new (2017) acquisitions of the foreign Marxist literature in the Center of Social and Political History of the State Historical Public Library of Russia. Recent publications on the K. Marx's «Capital» are considered separately. Doing this work on the collecting and cataloging of Marx's legacy, Center of Social and Political History is continuing the tradition of its predecessor — Library of the Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the C.P.S.U.

Key words: marxism; CSPH; «Capital».

За последние 25 лет марксизм сильно изменился и трансформировался. Вместе с развалом Советского Союза пришли в упадок и некогда влиятельные коммунистические партии по всему миру. Тем не менее марксизм не умер. Марксистские теоретики, работающие в университетах по всему миру, продолжают развивать теорию и предлагают оригинальное прочтение марксизма в тех областях, которыми они занимаются. При этом в России к марксизму до сих пор многие относятся свысока и

не считают нужным исследовать его или брать в расчет марксистские исследования. Это значительно обедняет российскую научную мысль и не лучшим образом сказывается на развитии гражданского общества в стране. Предвзятое отношение к марксизму в России во многом связано с советским догматическим наследием, в то время как в большинстве стран мира это направление марксизма (во многом также интересное) давно отброшено, а основные исследования ведутся как в рамках классического развития теории, так и на основе движений, не связанных напрямую с СССР. Внутри марксистского сообщества ведутся плодотворные академические дискуссии, также марксисты участвуют и в более широких обсуждениях научных вопросов.

К сожалению, лишь немногие работы даже ключевых марксистских теоретиков переводят сегодня на русский язык, а литература на иностранных языках не имеет широкого распространения в России, поэтому важной частью работы Центра социально-политической истории, филиала ГПИБ России, является сбор важнейших иностранных публикаций, касающихся марксизма.

В 2017 г. библиотека получила 87 книг по истории и теории марксизма на иностранных языках, которые пополнили тематическую коллекцию Центра социально-политической истории. Основу их составили публикации ключевых современных марксистов: Алена Бадью, Дэвида Харви, Алекса Каллиникоса, Терри Иглтона, Фредерика Джеймисона, Славоя Жижека, Эрика Хобсбаума, Перри Андерсона и Даниэля Бенсаида. При том, что данные авторы принадлежат к разным направлениям и занимаются различными вопросами, все они являются академическими учеными, вступают в полемику друг с другом и оказывают значительное влияние на развитие современной марксистской научной мысли.

Ален Бадью (р. 1937) — французский философ-марксист, работающий в традиции Луи Альтюсера и Жака Лакана, долгие годы был близок к французскому маоистскому движению. Из поступлений стоит отметить важнейшую его работу, написанную еще в 1988 г., «Бытие и событие»;[1] книгу «Жак Лакан:

---

1 Badiou A. Being and event. London: Bloomsbury Academic, 2016.

Прошлое и настоящее»[2], представляющую собой диалог с философом Элизабет Рудинеско, в котором Бадью не только указывает на важность идей Лакана для современной философии, но и на то, как понятийный инструментарий Лакана помог ему избежать крайностей двух других «учителей»: Жан-Поль Сартра и Луи Альтюссера; а также изданную в 2012 г. книгу «Возрождение истории: время бунтов и мятежей»,[3] в которой арабская весна сопоставляется с европейскими революциями 1848 г. и дается анализ этого революционного события и его перспективы.

Дэвид Харви (р. 1935) — англо-американский географ, один из основателей «радикальной географии», крупнейший в мире специалист по урбанистике и «Капиталу» К. Маркса. Среди поступивших книг Д. Харви стоит отметить работу «Бунтующие города: от права на город к городской революции»[4], в которой город выступает, с одной стороны, как самостоятельный фактор в динамике капиталистического развития, а с другой — как политическая единица, способная стать центром протеста и сопротивления капитализму; книга «Париж: столица современности»[5] посвящена важнейшим социальным и географическим трансформациям французской столицы периода Второй империи; в работе «Семнадцать противоречий и конец капитализма»[6] Харви анализирует внутренние противоречия, позволяющие сделать капитализм гибким и способным выходить из регулярных кризисов, но которые должны, тем не менее, привести капитализм к краху, поскольку системные пределы самого капитализма ограничены.

Алекс Каллиникос (р. 1950) — британский троцкист, занимающийся политической теорией и философией. В книге «Костер иллюзий: двойной кризис либерального мира»[7] Каллини-

---

[2] Badiou A. Jacques Lacan: past and present. New York: Columbia University Press, 2014.

[3] Badiou A. The rebirth of history: times of riots and uprisings. London: Verso, 2012.

[4] Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London: Verso, 2013.

[5] Harvey D. Paris, capital of modernity. New York: Routledge, 2006.

[6] Harvey D. Seventeen contradictions and the end of capitalism. London: Profile Books, 2015.

[7] Callinicos A. Bonfire of illusions: the twin crises of the liberal world. Cam-

кос заявляет, что в 2008 г. пришел конец мировому устройству, сложившемуся после окончания «холодной войны». Российско-грузинская война, вызванная расширением НАТО, и крах банка Лехман Бразерс, произошедший несмотря на вливание в него денег правительством США и вызвавший глобальный финансовый кризис, обозначили неспособность Соединенных Штатов играть главенствующую роль в мире и стали вызовом сложившемуся либеральному консенсусу. Книга «Социальная теория: историческое введение»[8] не только описывает взгляды европейских мыслителей, оказавших влияние на развитие современной западной социальной теории, но также показывает связи между социальной теорией и современными философией, политэкономией и эволюционной биологией.

Терри Иглтон (р. 1943) — ведущий британский литературовед и философ неомарксистского толка, специалист по марксистской эстетике, социальной философии и теории литературы; занимается вопросами соотношения марксизма и религии. В работе «Надежда без оптимизма»[9] феномен надежды анализируется через призму европейского философского и литературного наследия и выводится концепция «трагической надежды» как добродетели, сохраняющей силу даже после столкновения с опустошительной потерей. Книга «Разум, вера и революция: размышления по поводу дебатов о Боге»[10] посвящена исследованию непростых взаимоотношений христианства и революционной, освободительной мысли и практики, также в ней критикуются атеистические взгляды Ричарда Докинза. В книге «После теории»[11] Иглтон анализирует феномен постмодернизма, его развитие и динамику, а также его упадок и призывает к возврату к большим вопросам и нарративам.

Фредерик Джеймисон (р. 1934) — американский литературный критик и теоретик марксизма. В книге «Древние и постмо-

---

bridge: Polity Press, 2011.

8 Callinicos A. Social theory: a historical introduction. Cambridge: Polity Press, 2016.

9 Eagleton T. Hope without optimism. Charlottesville: University of Virginia Press, 2015.

10 Eagleton T. Reason, faith, and revolution: reflections on the God debate. New Haven: Yale University Press, 2009.

11 Eagleton T. After theory. New York: Basic Books, 2003.

дернисты: к вопросу об историчности форм»[12] Джеймисон рассуждает о культуре и экономике при современном капитализме и на материале, охватывающем огромный пласт культуры (от художников эпохи Ренессанса и симфоний Густава Малера до фантастики Уильяма Гибсона и телесериалов), исследует вопрос об историчности и адаптируемости культурных форм. Книга «Поздний марксизм: Адорно, или Жизнеспособность диалектики»[13] представляет оригинальное прочтение идей и указывает на актуальность одного из крупнейших философов XX в. Теодора Адорно (1903–1969).

Славой Жижек (р. 1949) — словенский культуролог и социальный философ фрейдомарксистского толка. В недавно изданной книге «Против двойного шантажа: мигранты, террор и другие проблемы с соседями»[14] он анализирует миграционный кризис и указывает на то, что Европе и западному миру в целом не помогут ни полное открытие границ для мигрантов, ни, наоборот, попытки остановить поток беженцев. Прежде всего, по его мнению, Европе необходимо решить внутренние проблемы и снять противоречия, а столкновению цивилизаций необходимо противопоставить глобальную социальную солидарность.

Эрик Хобсбаум (1917–2012) — британский историк-марксист, один из наиболее авторитетных историков XX в. В книге «Глобализация, демократия и терроризм»[15] он рассуждает о важнейших аспектах современности, оказывающих влияние на повседневную жизнь большинства людей: война и мир; общественный порядок, анархия и терроризм; национализм и изменения структуры национального государства; будущее демократии; Ближний Восток и западный империализм.

Перри Андерсон (р. 1938) — британско-американский историк, социолог и политолог, один из ведущих марксистских интеллектуалов современности. Его книга «Политический

---

[12] Jameson F. The ancients and the postmoderns: on the historicity of forms. London: Verso, 2015.

[13] Jameson F. Late marxism: Adorno, or, The persistence of the dialectic. London: Verso, 2007.

[14] Zizek S. Against the double blackmail: refugees, terror and other troubles with the neighbours. London: Penguin, 2017.

[15] Hobsbawm E. Globalisation, democracy and terrorism. London: Abacus, 2014.

спектр: от правых до левых в мире идей»[16] посвящена основным мыслителям XX в.: радикально-правым (Карл Шмитт, Фридрих фон Хайек), либеральным (Джон Роулс, Юрген Хабермас) и левым (Эдвард Томпсон, Эрик Хобсбаум). В книге «Американская внешняя политика и ее мыслители»[17] дается анализ исторического развития американского империалистического господства, развитие внешней политики от «холодной войны» к войне с терроризмом и обзор основных создателей американской внешнеполитической доктрины.

Даниэль Бенсаид (1946–2010) — французский философ-марксист, многолетний участник троцкистского движения. В книге «Маркс для наших дней: приключения и злоключения критики» он показывает, как и почему философ XIX в. Карл Маркс оказывается крайне актуален именно в XXI в., в эпоху глобального капитализма и падения постмодернизма.

Важно, что в год 150-летия первого издания «Капитала» Карла Маркса в ЦСПИ поступил ряд работ, посвященных исследованию и современному прочтению этой важнейшей для анализа экономики, истории, философии, социологии и политологии книги. Работа Кристофера Артура «Новая диалектика и ″Капитал″ Маркса»[18] представляет собой новое систематическое исследование влияния и места гегелевской логики в «Капитале» Карла Маркса. Оригинальное прочтение ключевого труда Маркса предлагает французский исследователь Жак Биде. В книге «Исследуя ″Капитал″ Маркса: философские, экономические и политические аспекты»[19] он помещает данный труд в широкий контекст истории науки, разбирает его ключевые термины и указывает на их современную научную актуальность. Книга одного из ведущих современных марксистов Алекса Каллиникоса «Декодирование ″Капитала″. ″Капитал″ Маркса и его наследие»[20] является вкладом в масштабную дискуссию

---

16 Anderson P. Spectrum: from right to left in the world of ideas. London: Verso, 2007.

17 Anderson P. American foreign policy and its thinkers. London: Verso, 2017.

18 Arthur C. The new dialectic and Marx's Capital. Leiden: Brill, 2004.

19 Bidet J. Exploring Marx's Capital: philosophical, economic and political dimensions. Leiden: Brill, 2007.

20 Callinicos A. Deciphering Capital: Marx's Capital and its destiny. London: Bookmarks Publications, 2014.

о «Капитале» и его актуальности, начавшуюся в начале XXI в. после многолетнего забвения этого вопроса. Каллиникос не только разбирает основные мотивы и термины труда Маркса, но и взаимодействует с марксистами прошлого и настоящего, от Грамши и Альтюссера, до Харви и Джеймисона. Особый интерес вызывает работа Кристиана Фукса «Читая Маркса в информационную эпоху: исследования медиа и теория коммуникации сквозь призму I тома ″Капитала″»[21], посвященная вопросу о том, как чтение и изучение «Капитала» может помочь современным исследователям разобраться в таких современных вопросах как интернет, цифровой рынок труда, социальные сети и классовая борьба в цифровой среде. Важно отметить двухтомник Дэвида Харви «Предисловие к ″Капиталу″ Маркса»[22] — результат многолетней работы профессора по организации и проведению систематических семинаров по изучению «Капитала». В книге Эндрю Климана «Возвращение ″Капитала″ Маркса: опровержение мифа о непоследовательности»[23] рассматриваются экономические аспекты труда Маркса, дискуссии, а также существующие стандарты и методы интерпретации. Новая интерпретация логического метода Маркса представлена в книге Фреда Мосли «Деньги и тотальность: макро-монетаристская интерпретация логики Маркса в ″Капитале″ и конец ″проблемы трансформации″»[24]: в основе книги лежат тезисы о том, что теория Маркса является, в первую очередь, макроэкономической, и что это — монетаристская теория. Уильям Робертс в книге «Инферно Маркса: политическая теория ″Капитала″»[25] связывает марксистскую теорию с республиканской политической традицией и стремится показать, что Маркс противопоставлял развитию капитализма республиканскую идею свободы. Кни-

21 Fuchs C. Reading Marx in the information age : a media and communication studies perspective on Capital, volume 1. London: Routledge, 2016.
22 Harvey D. Vol. 1: A Companion to Marx’s Capital. London: Verso, 2009; Harvey D. Vol. 2: A companion to Marx’s Capital. London: Verso, 2013.
23 Kliman A. Reclaiming Marx’s «Capital»: a refutation of the myth of inconsistency. Lanham: Lexington Books, 2007.
24 Moseley F. Money and totality: a macro-monetary interpretation of Marx’s logic in Capital and the end of the «transformation problem». Leiden: Brill, 2016.
25 Roberts W. Marx’s Inferno : the political theory of Capital. Princeton: Princeton University Press, 2017.

га Ставроса Томбазоса «Время у Маркса: категории времени в ″Капитале″ Маркса»[26] разбирает три тома «Капитала» с неожиданной стороны, с точки зрения «времени»: линейного, цикличного или даже совмещающего линейность и цикличность, что связывает написанную в XIX в. работу с новейшими разработками в области философии и даже физики.

С полным списком иностранных книг по марксизму и «Капиталу», поступивших в ЦСПИ в 2017 г., можно ознакомиться на сайте библиотеки[27].

---

26 Tombazos S. Time in Marx: the categories of time in Marx's Capital. Leiden: Brill, 2014.

27 http://filial.shpl.ru/news/2017

УДК 141.82+026(47+57):94
ББК 87.3(0)–592+78.34(2Рос)

Беленкин Борис Исаевич
НИПЦ «Мемориал»
Belenkin Boris Isaevich
«Memorial»
belenkin@memo.ru

Карл и Женни: доклад на заданную тему
(сценарий написанного в 2006 году, но не снятого документально-игрового фильма с использованием анимации)

Carl and Jenny: report on a given topic (script written in 2006, but not shot a documentary-feature film using animation)

Вступление

Составители долго сомневались, включать ли в сборник научных работ, где публикуются известные и авторитетные авторы, неопубликованный сценарий документально-игрового фильма «Карл и Женни: доклад на заданную тему».

Очевидно, что сам жанр телевизионной публицистики весьма далек от научного, к тому же и сценарий канул в Лету и не был реализован, не в последнюю очередь потому, что интерес массовой аудитории к историям любви знаменитых людей сегодня пользуется все меньшим спросом.

Также весомым аргументом «против» был тот факт, что автор сценария — заведующий библиотекой НИПЦ «Мемориал» Борис Исаевич Беленкин — специалистом по Марксу или марксизму не является.

Однако ключевым аргументом за публикацию стала реакция авторитетных исследователей и молодежной аудитории на чтение отрывков из сценария в рамках круглого стола «На пороге перемен: Карл Маркс и революции 1848–1849 гг.». Мы с

волнением ожидали острой критики, а получили самые благожелательные отзывы.

На наш взгляд, это как раз тот самый случай, когда Карл Маркс предстает перед нами без давно утомившего «хрестоматийного глянца» или нелепой демонизации, а живым человеком.

Несмотря на то, что в сценарии много спорных, а порой и вызывающих моментов, именно такие работы заставляют нас вспомнить знаменитый ответ Карла Маркса на вопрос в анкете: «Ваше любимое изречение. — Ничто человеческое мне не чуждо».

Действующие лица (и/или их голоса): Девочка лет 12;
Ее папа;
Ее мама.

Действие происходит в 2026 году.

ДЕВОЧКА: В школе на уроке «Основы демографии» нам дали задание написать о любви в жизни какого-нибудь великого человека. И, как я поняла, надо, чтобы эта любовь могла стать положительным примером… В интернете я нашла очень много историй. Но учительница сказала, что если мы будем пользоваться Интернетом — поставит не более восьми с половиной баллов. Учительница сказала — лучше пусть родители помогут — найти что-нибудь в книгах, которые еще остались дома. Ну и объяснить родители могут, если что будет непонятно. Я пошла к маме, а она мне сказала, что по части любви у нас в доме главный папа.

Папа у меня очень серьезный и требовательный. Я обратилась к нему неохотно. Но про великих людей прошлого он знает все. У папы прадедушка был коммунист, а его папа, то есть мой дедушка, участвовал в перестройке. И у нас дома даже есть книги.

Папа внимательно выслушал меня и сказал, что сегодня день рождения моего прадедушки. Он был коммунистом. И очень уважал того, кто придумал коммунизм — Карла Маркса. Вот про него мне папа и решил рассказать.

Я узнала, что Карл Маркс родился в 1818 году в Германии на территории прусской Рейнской провинции в городе Трире.

Старинный город расположился на берегу реки Мозель недалеко от границы Пруссии и Люксембурга. Трир славился своими виноградниками и древнеримскими развалинами.

Отец Карла — преуспевающий адвокат Генрих Маркс был крещеным евреем. Протестантство он принял в 1824 году, когда Карлу было шесть лет.

В семье Марксов было много детей, но самым умным был именно Карл. Папа рассказал про то, каким именно умным был Карл Маркс и какие научные идеи он изобрел. Я постаралась внимательно слушать и понять то, что мне рассказал папа. Про диалектический и исторический материализм, про политэкономию, социологию и теорию классовой борьбы…

Конечно, жаль, что во времена Карла Маркса не было компьютеров и интернета. Вместо того, чтобы читать и конспектировать такую прорву книг таких разных и непохожих друг на друга философов и экономистов — намного проще было бы вести поиск по ключевым словам и скачать нужные цитаты…

Пока папа рассказывал мне что-то про младогегельянцев и Фейербаха, мне представился мозг Маркса — одна половина мозга в виде жесткого диска, другая — в виде жидких кристаллов, а грудь гения философской мысли мне представилась вся увешанная гирляндой флешек — таких старомодных, которыми пользовался еще мой дедушка, который участвовал в перестройке…

Конечно, очень многое из того, что сделал Маркс, — сегодня, имея под рукой столько программ, — можно было бы сделать не за годы сидения в библиотеках, а за несколько дней или недель…

Тут папа как будто прочитал мои мысли и сказал, что на прошлое нельзя смотреть с высоты сегодняшнего дня. Надо погрузиться в эпоху и постараться понять тех, кто тогда жил…

Услышав, что Маркс был главным коммунистом, я спросила, а что такое коммунизм? Папа сказал, что это такое учение о всеобщем равенстве, о бесклассовом обществе, в котором отсутствует частная собственность… Другими словами, комму-

низм — это такое идеальное общество, без бедных и богатых, без государства и его органов контроля и подавления, общество всеобщего блаженства…

— Если Маркс был коммунистом, — спросила я, — значит, и он сам был идеальным человеком?

На это папа ответил, что, конечно, нет. Карл Генрих, таково было его полное имя, любил выпить красного вина, выкурить хорошую дорогую сигару. (Папа нарисовал и показал мне, как выглядела сигара и чем она отличается от сигарет, о которых я где-то читала в книгах.)

Маркс был тщеславен, сказал папа. И как любой тщеславный человек, должен был любить женщин. Красивых женщин. Известно о нескольких увлечениях в его жизни. Но все это было незначительно. Потому что, на самом деле, он был однолюбом. Маркс полюбил в юности и потом любил всю жизнь только одну женщину. Красавицу…

(Про себя я подумала, что ничего особенного тут нет, что и в наши дни такая любовь не редкость.) Но оказалось, что все было не так просто.

ПАПА: Представь, ему — 17. Ей —21. Разница в возрасте — четыре года — в то время считалась очень значительной.

Она — Юлия Иоганна Берта фон Вестфален. Так звали красавицу из аристократической семьи, чей древний род восходил к герцогу Аргайлскому из Шотландии…

Итак, Юлия фон Вестфален, по домашнему — Женни, решилась на странный и смелый шаг. Она полюбила семнадцатилетнего Карла Маркса.

Естественно, Женни окружали поклонники. Спустя почти тридцать лет, когда Карл приехал в Трир на похороны своей матери, он писал жене:

«Каждый день совершаю паломничество к дому Вестфаленов, который интересует меня больше, чем римские древности, — ведь он напоминает мне о счастливой поре юности, в нем же таилось мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон меня то и дело спрашивают о некогда ″самой

красивой девушке Трира″ и ″царице балов″. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как ″зачарованная принцесса″».

ДЕВОЧКА: Итак, я узнала, что Женни — блистала на балах. Кроме того, она была начитанна, неглупа. И внешне — тоже привлекательная, но была ли она красавица или просто смазлива — трудно судить по сегодняшним меркам… Я бы назвала ее просто хорошенькой. Может быть, очарования Женни добавляла окружавшая ее тайна — то, что она влюблена в юного Маркса... Она звала его «Мавр». За иссине-черные волосы, за черные горящие глаза, за смуглую кожу и темперамент. Думаю, что кроме ее Мавра Женни никто не был нужен, никто не был интересен! Она сразу же поняла, что умнее его, талантливее его никого в славном городе Трир не было и не будет.

ПАПА: Послушай, как Женни фон Вестфален описывала свои чувства в письмах к Карлу:

«Если бы ты мог на мгновение стать девушкой, да еще такой странной как я! Со времени получения твоего последнего письма я терзалась страхами, что ты можешь из-за меня оказаться втянутым в ссору, а затем и в дуэль. Днем и ночью я видела тебя раненым, истекающим кровью, больным, и, Карл, скажу тебе все, эта мысль не делала меня такой уж несчастной, ибо я воображала, что ты потерял правую руку, и это наполняло меня радостью и блаженством…».

ДЕВОЧКА: Папа сделал паузу, и я с недоумением посмотрела на него. — Эта твоя Женни, папа, садистка, — сказала я. Папа ничего не ответил, а дал книгу, чтобы я перепечатала для своего доклада это письмо Женни:

«Понимаешь, любимый, я думала, что в этом случае я действительно могла бы стать необходимой для тебя, ты всегда бы держал меня возле себя и любил. Я думала, что тогда я могла бы записывать все твои чудесные, божественные мысли и быть действительно полезной тебе. Я так естественно и живо представила себе это, что мне слышался твой милый голос, твои милые слова лились ко мне, и я внимала им и заботливо сохраняла для других».

И еще я перепечатала письмо, написанное Карлу его сестрой Софи:

«Как ты мог думать, что я пропущу случай сообщить тебе о твоей Женни?.. Женни любит тебя. Если ее беспокоит разница в летах, то это только из-за ее родителей. Она постарается их постепенно подготовить. Затем напиши им сам. Они о тебе высокого мнения. Женни часто нас навещает. Не далее как вчера она была у нас и проливала слезы счастья и печали, получив твои стихи…».

Эти стихи мне папа прочитал:

ПАПА:
И взор мой прояснился,
Открылось перед ним,
Что прежде было смутным
Стремлением моим…

И что искал напрасно,
Души моей порыв, –
Дает мне взор твой ясный,
Улыбкой озарив.

Подобных стихов Карл в юношеские годы пишет множество. Большая их часть посвящена Женни фон Вестфален. Конечно, они не являются литературными шедеврами. Кровь, любовь, верность, очень много про смерть, в том числе про самоубийство из-за несчастной любви… Но для Женни в те годы стихи Карла — главное на свете…

Сама Женни в своих письмах к Карлу не менее романтична, чем ее Мавр:

«Ты должен замереть и прислушаться, дорогой моему сердцу возлюбленный, прислушаться к милым приветам любви, которые оно несет к тебе, к сладким нежным словам любви, которое оно нашептывает тебе. — Дорогой Карл, если бы ты сейчас мог быть со мной, если бы я могла покоиться на твоей груди, смотреть вместе с тобой на веселую, приветливую долину, на

прелестные луга, на горы с их поросшими лесом вершинами. Но, ах! Ты так далеко, так недосягаемо далеко...».

Надо иметь в виду, что это письмо обращено к жениху. Дело в том, что Карл обручился с Женни, когда ему исполнилось восемнадцать, лет.

ДЕВОЧКА: Я переспросила, — что значит «обручился». Оказалось, обручение или помолвка — это соглашение о предполагаемом заключении брака. Обручение не означало принуждения к браку… Хотя нарушение одной из сторон данного при обручении слова могло в эпоху Маркса повлечь за собой серьезные последствия. Например, возмещение убытков, понесенных другой стороной… Карла и Женни это, конечно, на касалось… И еще я узнала, что Женни фон Вестфален в возрасте семнадцати лет была помолвлена с молодым офицером. Однако через несколько месяцев она расторгла помолвку, так как разочаровалась в поклоннике…

Что касается обручения Женни и Карла, то оно было тайным. Почему тайным? — Да потому, сказал папа, что шансы на то, что молодые люди получат благословение родителей на брак, равнялись нулю. Или — почти нулю. Тем не менее через полгода после тайной помолвки Карл в письме к родителям Женни попросил у них руки их дочери. В семье фон Вестфаленов разразился скандал. Результатом семейного конфликта стала тяжелая болезнь Женни… Но согласие на брак с Карлом все же было получено.

Еще сложнее обстояли дела в семье самого Маркса.

ПАПА: Конечно, для семьи Марксов женитьба сына на девушке из знатной дворянской семьи — большая честь. Разница в возрасте могла и не играть никакой роли… Вроде бы выбор Карла не должен был встретить возражения в его семье. Так оно сначала и было. Узнав о помолвке, отец одобрил выбор сына. Еще бы! Породниться с фон Вестфаленами! Но у Генриха Маркса кое-что вызвало сомнения. Будет ли получено согласие родителей Женни на заключение их дочерью столь странного брака, откровенного мезальянса? Второе, единственный сын в семье — Карл — мог бы не торопиться с браком. Но главное —

сомнения вызывали характер и поведение самого Карла. Готов ли, сумеет ли он нести соответствующие обязательства? Готов ли зарабатывать или преумножать капитал — отцовский или своей будущей жены?!

Маркс-отец, пока сын учился в Бонне, донимал его своими наставлениями. В том числе и о будущей женитьбе:

«Ты возложил на себя большие обязанности… при свойственной поэтам склонности к преувеличениям и экзальтированности в любви, ты не в состоянии вернуть душевный покой существу, которому ты всецело предан. Наоборот, тебе грозит опасность погубить этот покой. Только самым образцовым поведением, мужественным и твердым стремлением, которое завоюет тебе расположение и доброжелательность людей, ты можешь добиться того, что обстоятельства примут счастливый оборот, и это успокоит ее и подымет в чужих и собственных глазах».

ДЕВОЧКА: Хорошо, что папа не стал читать дальше. Вся эта история напомнила мне сюжеты из истории древнего мира. Библейский герой Иаков семь лет отрабатывал, чтобы получить в жены прекрасную Рахиль. Но его обманули и вместо Рахили женили на ее подслеповатой сестре…

Надо отметить, сказал мне папа, что родители Карла, и, в первую очередь, его отец, не были так уж неправы, так уж жестоки, постоянно контролируя и наставляя сына. Отец прекрасно видел таланты сына, его интеллектуальные возможности. Он-то в сына верил. Но он же и понимал, что своими талантами сын может распорядиться неразумно. Кроме того, Генрих Маркс, который ради благополучия созданной им семьи предал своих родителей, свою религию, боялся — а вдруг его Карл тоже предаст и, в свою очередь, отречется от отцовских идеалов. Предчувствия не обманули Генриха Маркса.

ПАПА: Генрих Маркс, после нескольких лет напутствий и чтения морали, разругался с сыном. И вскоре умер. Марксу только-только исполнилось двадцать лет. Через несколько лет умер и отец Женни — тайный советник Людвиг фон Вестфа-

лен. Но вовсе не отцы влюбленных были основной помехой. После их смерти закончилось финансовое благополучие двух семей. Теперь ответственность за материальное состояние семьи ложилось на плечи Карла — старшего сына. Теперь уже он не мог надеяться на помощь своих или ее родителей.

К этому времени Карл уже четыре года учится в Берлинском университете. Образование он должен был получить юридическое. Так хотел отец. Но Карл в процессе обучения увлекся философией…

ДЕВОЧКА: А что Женни? Оказывается, она все ждала. Целых семь лет! Ждала, пока Карл изучит философию как можно основательнее. Потом ее «Карлхен» защитил диссертацию, став «доктором Марксом». И надо было ждать пока новоиспеченный доктор найдет приличное место — Маркс хотел получить место профессора в Боннском университете… Но не получил его…

ПАПА: И Женни все ждала и любила:

«Чернышок! Как я счастлива, что ты весел, что мое письмо воодушевляет тебя, что ты тоскуешь обо мне, что ты живешь в оклеенных обоями комнатах, что ты пил шампанское в Кёльне, что там существуют гегельянские клубы, что ты мечтал – короче, что ты мой любимый, мой чернышок… Ах, мой милый! Ну, вот теперь ты впутываешься в политику. Это опаснее всего. Карлхен, помни всегда об одном: дома у тебя есть любимая, которая надеется и тоскует и полностью зависит от твоей судьбы…».

Карл получил место заведующего отдела политики оппозиционной «Рейнской газеты». Газета выходила в Кёльне... Работал Карл недолго, всего несколько месяцев. И это был его, чуть ли не единственный опыт работы по найму, то есть службы… За полгода до свадьбы Маркс уволился из газеты в связи с «невыносимыми условиями, созданными цензурой».

ДЕВОЧКА: Я спросила, а как выглядел молодой Карл Маркс? Папа обещал найти мне его ранние портреты. Пока же

он прочитал мне, каким увидел Маркса его знакомый — русский писатель Павел Анненков.

ПАПА: «С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни явился перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами и людскими сношениями, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил...».

Но этот портрет относится к тому времени, когда Карл Маркс был уже женат и стал отцом. А поженились Карл и Женни через семь лет после начала романа.

ДЕВОЧКА: На это я сказала папе — ну и что? По-моему, это вполне нормально — подождать, прежде чем идти расписываться в районную управу, а потом в церковь…

Тут я осмелела и, чтобы показать папе, что со мной можно говорить как со взрослой, спросила, находились ли Карл и Женни в интимной связи, были ли между ними сексуальные отношения? Папа почему-то рассмеялся и сказал, что тогда так было не принято. Но ведь Женни, сказала я, уже 22 года, у нее ведь уже мог быть сексуальный опыт?! — Не был и не мог быть, — сказал папа. Я хотела возразить ему, — ведь Маркс был коммунистом, значит, революционером, а если Женни его так сильно полюбила, то они оба были людьми не старомодными, а, наоборот, вполне продвинутыми. У нас в школе учатся в седьмом классе мальчик и девочка, которые состоят в тайной организации «Красная бригада 2020». Так они уже любовники! — Но папе я всего этого не сказала…

Папа прочитал мне отрывок из письма Женни, которое она написала Карлу за несколько месяцев до свадьбы:

ПАПА: «Ты никогда еще не был более любимым, милым и очаровательным, и все же всякий раз после твоего ухода я пребывала в восхищении, и мне всегда хотелось вернуть тебя,

чтобы еще раз сказать, как сильно, как полно я люблю тебя. В прошлый раз ты ушел победителем; я не могу выразить, как ты мне дорог в глубине моего сердца, когда я не вижу тебя и передо мной стоит как живой только твой образ, такой преданный, такой ангельски кроткий и добрый, во всем величии любви и блеске ума…».

ДЕВОЧКА: Ей в это время — 28 лет. И она — Юлия Иоганна Берта Женни фон Вестфален — еще девственница, она только еще предвкушает скорую близость со своим будущим мужем Карлом. Интересно, а в наше время такое может быть?..

ПАПА: Незадолго до свадьбы Маркс писал одному из своих друзей:

«Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала самые тяжелые, даже, можно сказать, опасные для здоровья бои ради меня. Отчасти со своими досточтимыми аристократическими родственниками, для которых ″Бог на небе″ и ″Господин в Берлине″ примерно равнозначные идолы. Отчасти также с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов…».

ДЕВОЧКА: Семейка у Карла, надо сказать, была специфическая. Особенно специфической была матушка. Как рассказал мне папа, мать Карла — Генриетта Маркс — после смерти супруга устроила судебную тяжбу с сыном из-за наследства. Тяжба длилась пять лет, и Карл в результате ничего не получил. Мамаша задумала лишить сына наследства, чтобы все досталось дочерям. Она так жаждала устроить их судьбу, что настояла на свадьбе своей младшей дочери, когда та умирала от чахотки. Лишь бы успеть, лишь бы все было как у людей… Ужас!..

И еще папа сказал, что современники не оставили воспоминаний о свадьбе Карла и Женни. Обвенчались и все тут. Мать Карла на свадьбе не присутствовала. Присутствовали только мать и младший брат невесты.

ПАПА: Свадьбу сыграли 19 июня 1843 года. Венчались в протестантской церкви в Крейцнахе — маленьком городке на берегу Рейна…

В брачном свидетельстве говорится, что в доме вдовы фон Вестфален в присутствии свидетелей состоялась свадьба между Иоганной-Бертой-Юлией-Женни фон Вестфален, проживающей в Крейцнахе, без определенных занятий, и Карлом Генрихом Марксом, доктором философии, проживающем в Кёльне. В свидетельстве говорилось, что имущество каждого является общим имуществом супругов, в том числе и то, которое будет приобретено в дальнейшем, но долги, сделанные каждым до свадьбы, должны быть покрыты раздельно…

Потом молодожены поехали в свадебное путешествие. На корабле по Рейну. Через Эбернбург в Райнпфальц, затем в Баден-Баден…

Затем молодожены уехали в Париж…

Первого ребенка Женни родила в 29 лет. Рожала она в родительском доме в Трире. Мать Карла даже не сочла нужным нанести невестке визит и посмотреть на внучку. Женни решилась сама пойти к непреклонной свекрови…

ДЕВОЧКА: Сейчас у нас первого ребенка (он же чаще всего и единственный!) лет в тридцать пять рожают… Тогда же это считалось и поздним браком, и поздними родами… Но, оказывается, Женни на первом ребенке не остановилась и рожала еще шесть раз…

Я спросила — предохранялись ли они от беременности? Папе был неприятен мой вопрос. Но нам в школе это все как раз недавно рассказывали, и я не понимаю, что такого в моем вопросе… Папа сказал, что тогда люди очень редко предохранялись, презервативов еще не было… Хотя, даже если бы такая возможность была, Маркс все равно бы не предохранялся. Такой он был человек! (Я этого не поняла, но переспрашивать не стала.)

ПАПА: Женни не имела ничего против того, чтобы остановиться на первом ребенке. Известно, что будь ее воля, она бы так часто не рожала детей. Карл, который был темпераментнее своей жены, не был склонен к воздержанию… но это никак не сказывалось на их отношениях. Вряд ли Женни фон Вестфален

предполагала, что вся ее жизнь в замужестве пройдет в постоянной нужде, в постоянной борьбе с нуждой, в долгах… Вряд ли она предполагала, что поступавшая иногда незначительная финансовая помощь от друзей и родственников станет для нее столь желанной и спасительной…

Но Женни боготворила своего мужа, несмотря ни на что!

И он боготворил свою Женни...

Она стала для Карла всем — женой, воспитательницей их детей, секретарем, единомышленником — товарищем по революционной работе. Зная о специфических отношениях Маркса с ближайшими родственниками, можно утверждать, что в лице Женни он нашел замену сестрам и матери. Все эти роли Женни играла образцово.

Через четырнадцать лет после свадьбы Карл продолжал оставаться пылким влюбленным:

«Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, но он прекрасно служит мне, и теперь я понимаю, почему даже «черные мадонны», самые уродливые изображения богоматери, могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения. Во всяком случае, ни одну из этих «черных мадонн» так много не целовали, ни на одну не смотрели с таким благоговейным умилением, ни одной так не поклонялись, как этой твоей фотографии…».

ДЕВОЧКА: На этом папа сделал в своем рассказе перерыв. Я вдруг поняла, что успела проникнуться к моим героям — Карлу и Женни — интересом и даже сочувствием. Мне очень хотелось узнать, чем все закончилось. Что ожидало их в дальнейшей жизни. Я поспешила дать себе слово не искать ничего в Интернете, а дождаться продолжения разговора с папой. Но тут вмешалась мама.

Узнав про мое задание, она спросила, а рассказал ли мне папа про то, сколько несчастья принесло людям учение Маркса.

Я сказала, что папа рассказывает мне только про любовь в жизни Маркса, а не про его учебу или учение. — Мало ли у кого в жизни бывала красивая любовная история, — сказала мама. — У Гитлера тоже была какая-то интересная любовь. — Я спросила, а кто такой Гитлер? Мама сказала: и чему только вас учат в школе?!.. Оказалось, что Гитлер — такое же чудовище, как и наш с папой Маркс. Гитлер тоже лично никого не убивал, но очень поспособствовал. Папа стал возражать и сказал, что Гитлера и Маркса нельзя сравнивать, что Гитлер преступник номер один, а Маркс — философ и экономист и вообще он еврей и не может быть уподоблен Гитлеру. Тогда мама впервые при мне закричала на папу.

Маркс ненавидел евреев, как и Гитлер, кричала мама. Отец Маркса предал религию своих отцов — иудаизм. Карл Маркс, в свою очередь, предал своего отца-христианина, став воинствующим атеистом. А то, что Маркс к тому же еще и антисемит, — знает каждый ребенок, кричала мама.

Я сказала, что про антисемитизм не знала, и спросила, значит ли это, что Маркс был в молодости свинхудом?

Мама на это ничего не ответила, зато сказала, что если я и дальше буду слушать рассказы папы, то тогда я, то есть ее дочь, стану уж точно настоящим свинхудом!

Потом мама сказала, что она не идиотка и про нашего с папой Маркса кое-что слышала. Она слышала, что Маркс предал не только своего отца-христианина, но и свою жену, которой он изменял со служанкой и от которой у него был сын, которого Маркс никогда не видел и ничем сыну не помогал…

Тогда папа сказал маме, лучше бы ты тоже послушала, какие письма писали друг другу Маркс и Женни:

ПАПА: Послушайте, как могла быть прелестна и остроумна жена коммуниста Маркса:

«Ты не представляешь, мой любимый, как обрадовали меня твои письма и как твое последнее пастырское послание,

о, первосвященник и епископ моего сердца, успокоило твою бедную овечку. Конечно, неразумно и глупо терзать себя всевозможными тревогами и мыслями о неясной перспективе, я сама это очень хорошо понимаю в моменты самоистязания, но дух готов, а плоть слаба, и поэтому лишь с твоей помощью я в состоянии изгнать демонов…».

А вот как пылко и страстно продолжал любить Карл свою Женни, когда ей было уже за сорок:

«Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю ″Я вас люблю, madame!″. И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр…».

ДЕВОЧКА: Прочитав это, папа ехидно спросил у мамы, — а откуда это у нее вдруг такие глубокие познания в области биографии Маркса. На что мама ответила, что ей всегда было интересно узнать, кто был основоположником такой отвратительной идеологии, как марксизм, руководствуясь которой расстреляли ее прадедушку, прабабушку и всех братьев и сестер прадедушки и прабабушки.

На что папа сказал, что одного из его прадедушек тоже расстреляли, но это не дает ему права огульно обвинять во всем Маркса, который жил за сто лет до какого-то сталинского террора.

Про сталинский террор мы в школе еще не проходили, и только я собиралась переспросить у мамы про этот самый террор, как мама вновь набросилась на папу.

МАМА: Твой Маркс — малосимпатичная аморальная личность. Ты бы прочитал дочери не сопливые стихи и письма, а что-нибудь более объективное, например, вот такое…

ДЕВОЧКА: Тут мама как-то очень ловко схватила книгу про Маркса, которую мне читал папа, и раскрыла ее наугад:

МАМА: Вот. Ты бы лучше про такого Маркса рассказал дочери:

«В частной жизни этот человек крайне беспорядочен и циничен; он плохой хозяин и ведет богемный образ жизни. Туалет, прическа, смена белья — все это для него события редкие. Любит выпить. Порой он бездельничает целыми днями…

Его супруга приходится сестрой прусскому министру фон Вестфалену. Любя своего мужа, эта образованная и приятная женщина привыкла к нищете и приспособилась к богемной жизни…».

Так, а что тут дальше… Вот про условия, в которых жили и, кстати, умирали их дети:

«Маркс… снимает квартиру из двух комнат… В этом жилище вся мебель скверная и содержится в плохом состоянии: все сломано, расшатано и порвано; толстый слой пыли лежит на всем, и все в беспорядке. Посреди гостиной стоит стол антикварного вида, покрытый клеенкой. Этот стол сплошь завален рукописями, газетами, книгами, детскими игрушками, тряпьем и работой госпожи Маркс; кроме того, там можно увидеть несколько щербатых чайных чашек, грязные ложки, ножи, вилки, канделябр, рюмки, чернильницу, голландские трубки, пепел — все это вперемешку валяется на столе..

Посетитель, вошедший к Марксу, сразу попадает в такое облако угольного и табачного дыми, что сначала ему приходится передвигаться на ощупь, как в пещере, пока глаза не привыкнут к мраку… Все в грязи в пыли, и, право, сесть на что-нибудь опасно: у этого стула всего три ножки, на другом, случайно еще целом, дети играют в кухню…».

Из-за жизни в таких условиях, из-за патологической неспособности Маркса заработать на жизнь семьи — за первые семь лет пребывания в Лондоне умерло четверо детей Маркса. Последний ребенок умер, прожив меньше месяца… И я уверенна — дети умирали из-за тех условий, в которых они жили по милости своих родителей!

Маркс всю свою жизнь был иждивенцем. Вначале он жил на деньги отца, потом жены, жил на деньги, взятые в долг,

жил на деньги, собранные среди сочувствовавших его идеям… Дольше всего Маркс жил на иждивении своего друга Энгельса, который не только его содержал, но и покрывал его распутство. Ведь именно Энгельс объявил ребенка, рожденного служанкой от Маркса — своим сыном...

А каковы на самом деле были отношения между Марксом и Энгельсом? — Просто дружеские? — Ха-ха-ха! — Энгельс был гомосексуалистом…

ДЕВОЧКА: Тут папа не выдержал и тоже стал кричать. Тогда я ушла в свою комнату, залезла в Интернет и стала готовиться к контрольным по зоологии и маркетингу. Мама и папа еще долго кричали друг на друга. Я не слушала их, и только иногда до меня доносились слова: «пошлые инсинуации», «идейный каннибализм», «гениальный экономист», «классовая ненависть», «торжество свободомыслия», «дефективность подсознательного», «объективная вина», «заслуженное забвение»…

Потом мне приснился сон:

Карл Маркс в старинном фраке и его Женни в подвенечном платье стоят перед входом в церковь. Маркс — почему-то чернокожий. А Женни похожа на уругвайскую топ-модель Жаклин (постер, на котором она в одном купальнике сидит за рулем луномобиля, висит у меня над кроватью). В руках у Маркса автомат (музейный, кажется, он называется «калашников»). Рядом с женихом и невестой много маленьких детей — наверное, дети Маркса и Женни. Сзади раввин, очень похожий на евреев, какими их изображают в своих комиксах наши свинхуды. Раввин тянет за рукав Маркса — мол, пошли отсюда. У входа в церковь стоит католический священник — в одной руке у него огромный крест, в другой толстая книга. Вначале я подумала, что это «Библия». Но потом я разглядела на обложке слово «Капитал». Священник то и дело поднимал книгу и крест, как бы не пуская в церковь новобрачных. Женни улыбается белоснежной улыбкой, а Маркс возбужденно стреляет в воздух из своего музейного автомата…

Ни папа, ни мама больше со мной про Маркса не разговаривали. А я и не спрашивала больше ничего. Что было потом, по-

сле свадьбы Карла и Женни, пришлось узнать самостоятельно. Информация, которую мне удалось найти в Интернете, была крайне скупа. (Раньше, говорят, в Интернете было много всего про Маркса, но теперь осталось только несколько специализированных сайтов и личных страниц фанатов революции.)

Что я узнала?

Оказывается, в молодости Карл Маркс был сторонником идеалистической философии, но поменял свои взгляды и стал материалистом и атеистом. Активно участвовал в революции 1849 года. Был автором «Коммунистического манифеста» и книг по экономике. Самая его главная книга — тот самый «Капитал»…

На государственной службе Маркс никогда не состоял, научной карьеры не сделал. Зарабатывал гроши, семья, постоянно преследуемая кредиторами, жила впроголодь. Из родившихся детей — трое умерли в младенчестве, любимый сын — в восемь лет.

Старшая дочь — тоже Женни, умерла в тридцать восемь лет, через несколько месяцев после тяжелых родов.

Две другие его дочери покончили жизнь самоубийством. Элеонора — в сорок два года… Лаура — в шестьдесят шесть лет…

Более тридцати лет семью Карла Маркса материально поддерживал его ближайший друг и единомышленник Фридрих Энгельс. Тоже философ…

На одном из сайтов было написано, что Фридрих был нетрадиционной сексуальной ориентации, точнее, бисексуал. Что он всю жизнь любил только Карла, который ему взаимностью не отвечал, так как был упертым натуралом. Там же я узнала, что Женни была не против того, чтобы ее муж ответил Фридриху взаимностью, так как тогда ей не пришлось бы так часто рожать…

Но поскольку вся эта информация размещена на одном из подпольных порно-сайтов, я не очень-то во все это поверила…

Жена Карла — Женни Маркс умерла в возрасте 67 лет после тяжелой и продолжительной болезни. Больной Карл по настоя-

нию врачей на похороны не пошел — надгробную речь произнес Энгельс.

Маркс умер через год и три месяца, в марте 1883-го. Умер, не в силах справиться с тоской по своей любимой Женни… Похоронены они рядом на кладбище Хайгет в Лондоне.

На одном из сайтов, уже не порно, а учебно-историческом, я прочитала, что через сто лет после смерти Маркса половина населения планеты находилась под властью режимов, исповедовавших марксизм. Опираясь на марксистскую идеологию, на учение Карла Маркса, такие кровожадные диктаторы как Ленин, Сталин, Мао Дзедун, Пол-Пот и другие марксисты-практики уничтожили десятки миллионов человек…

Но я так и не решила для себя, — повинен ли человек, так любивший свою жену и своих детей, в том, что учудили его последователи? Я уверена, что сегодня любой суд оправдал бы покойного экономиста-философа, теоретика, не обидевшего и мухи. А если бы и посадили, то ненадолго — за курение сигар. Наверное… Его научные открытия почти всеми сегодня позабыты и мало кому нужны. Может быть, я, конечно, не все поняла… Получается, что потом, после смерти Маркса и его друга Энгельса, появились извращенцы, которые обессмыслили талантливого и чуть ли не гениального Маркса… А может быть, все дело в том, что его идеи и не могли найти лучшего применения?!..

Не знаю.

Как я поняла — бесспорно только одно. Любовь между Карлом Марксом и Женни фон Вестфален была настоящей.

Голос ПАПЫ:

«Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти лицо, каждая черточка которого пробуждала бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мои невосполнимые утраты читаю я в твоем милом облике, и когда я целую твое милое лицо, я преодолеваю мое горе поцелуями…

Кто из моих многочисленных клеветников и злоязычных врагов попрекнул меня когда-нибудь тем, что я гожусь на роль первого любовника в каком-нибудь второразрядном театре? А ведь это так. Найдись у этих негодяев хоть капля юмора, они намалевали бы ″отношения производства и обмена″ на одной стороне и меня у твоих ног — на другой».

УДК 929Маркс К.
ББК 65.02(4Гем)д Маркс К.

Гиоева Татьяна Тотрадзовна,
главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, сотрудник группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА)
Gioeva Tatyana Totradzovna,
chief specialist of the Russian State Archive of the Socio-Political History, member of the Moscow team of the international project «Complete works by Karl Marx and Frederick Engels in the original languages (Marx-Engels-Gesamtausgabe – MEGA)»

Послесловие к сценарию:

Б.И. Беленкин «Карл и Женни: доклад на заданную тему (сценарий написанного в 2006 году, но не снятого документально-игрового фильма с использованием анимации)»

Afterword to the script: B.I. Belenkin «Carl and Jenny: report on a given topic (script written in 2006, but not shot a documentary-feature film using animation)»

Аннотация. В статье содержится отзыв на сценарий телевизионного документально-игрового фильма Б.И. Беленкина «Карл и Женни: доклад на заданную тему». Автор дает анализ и оценку представленного произведения, указывает на некоторые неточности и ошибки сценария; обращает внимание на необходимость более тщательного отбора биографического материала и ответственную работу с ним.

Ключевые слова: Карл Маркс; Женни Маркс; семья, любовь.

Abstract. In the article is reviewed the script of TV documentary-feature film by B.I. Belenkin «Carl and Jenny: report on a given topic». The author analyses and appraises the reviewed work, points out some inaccuracies and mistakes of the script; she pays attention to the necessity of a more careful selection of the biographical material and the responsibility of the author of the script for its using.

Key words: Carl Marx; Jenny Marx; family, love.

Сценарий документально-игрового фильма «Карл и Женни: доклад на заданную тему» является попыткой автора предста-

вить предполагаемому зрителю живой, «очеловеченный» образ К. Маркса в противовес привычному официозному портрету исключительно как вождя и идеолога мирового пролетариата. Замысел автора заслуживает внимания и уважения уже хотя бы потому, что в 1990-е гг. официальные СМИ в угоду политической конъюнктуре старались «вычеркнуть» из нашей истории не только марксизм как научную теорию, но и ее создателя. В «лучшем» случае упоминание о нем носили весьма тенденциозный, а зачастую и откровенно искаженный и даже лживый характер. К сожалению, невостребованность данного сценария, по-видимому, объясняется не только причинами идеологического характера или падением интереса телеаудитории к историям любви знаменитых людей. Яркая, насыщенная, полная страсти и драматизма жизнь Карла и Женни Маркс могла бы стать великолепным материалом не только для одной передачи, но и для отличного многосерийного фильма. И примеры тому были. Как известно, успех любой кино- или телепродукции на 80–90 процентов зависит от сценария, мастерства и таланта его создателя. В данном случае, выстроив сценарий лишь в виде диалогов между персонажами — школьницей 12 лет и ее родителями, автор лишил сюжет какого-либо действия и развития. Возможно, для иллюстрации изложенных фактов и цитат предполагалась анимация, но в сценарии нет никаких пометок на этот счет. В результате получился подбор цитат с комментариями персонажей. Вряд ли эту работу можно назвать также докладом в привычном значении этого слова, хотя оно и фигурирует в заголовке. Но это то, что касается формы подачи материала. Она, безусловно, может быть самой разной. Не исключается и игровой вариант, даже если речь идет о личности такого масштаба, как Карл Маркс.

Еще более существенную роль для создания подобных передач и фильмов играет содержание и качество отобранного материала, умение автора с ним работать. Для этого не обязательно быть узким специалистом по конкретной теме. Достаточно добросовестно и ответственно отнестись к отбору и анализу биографического материала. Трудно сказать, какими источниками пользовался автор, но, вероятнее всего, одной из издан-

ных на Западе биографий Маркса в переводе на русский язык. Безусловно, человеку не занимавшемуся профессионально марксоведением, трудно разобраться в нюансах, но при более тщательной и серьезной работе с биографическим материалом автору сценария можно было бы избежать некоторых фактических ошибок. Так, 1824 г. указан как дата принятия лютеранства отцом Маркса, Генрихом, а между тем это произошло раньше — около 1818–1819 гг. А в 1824 г. были крещены все родившиеся к тому времени дети семьи Маркс, включая Карла (стр. 241).

Некоторая путаница очевидна и с полным именем Женни фон Вестфален. На одних страницах она «Юлия Иоганна Берта фон Вестфален» или «Юлия, по домашнему — Женни» (стр. 242–243), на других — «Иоганна Берта Юлия Женни» (стр. 249), что абсолютно верно. И нигде не указано, почему ее нарекли столь необычным для немецких девушек именем. Автор указывает на древность рода фон Вестфален, который своими корнями «восходит к герцогу Аргайскому из Шотландии»» (стр. 242), и снова допускает неточность. Вестфалены не могли похвастаться своими глубокими аристократическими корнями. Ведь дворянство за особые заслуги во время Семилетней войны (1756–1763) получил дед Женни, Иоганн Филипп Вестфален, лишь в 1764 г. Он был женат на шотландке Дженни Уисхарт, которая по одной из родительских линий принадлежала к знаменитому роду Аргайл. И только эти родственные узы позволяли говорить об аристократизме семьи. Именно в честь бабушки Дженни, в немецком варианте — Женни, и была названа будущая жена Маркса. Есть еще ряд опечаток и неточностей, но они не носят принципиального характера. Большее недоумение вызывают некоторые выводы и заключения автора.

Так, например, странным кажется характеристика Маркса как человека тщеславного, чем, якобы, объясняется его увлечение красивыми женщинами (стр. 242). Во-первых, красивые женщины нравятся всем мужчинам, независимо от степени их честолюбия или тщеславия. Во-вторых, какие увлечения Марк-

са имел в виду автор? Если расхожий факт о его незаконном сыне от Елены Демут, который до сих пор не имеет строго документального подтверждения, то даже он не является доказательством романтических увлечений Маркса. А кто еще имеется в виду?

Более чем спорным является утверждение, что Маркс предал и отрекся от идеалов своего отца (стр. 246). Генрих Маркс исповедовал, также как и отец Женни, Людвиг фон Вестфален, идеи французского Просвещения и Французской революции XVIII в., четко сформулированные в трех ее лозунгах: «Свобода, Равенство и Братство». Именно за воплощение в жизнь этих трех великих лозунгов и боролся Маркс всю свою жизнь, жертвуя собой и благополучием своей семьи. Маркс не осуществил надежду своего отца — не стал адвокатом. Это другой вопрос. Но отец, безусловно, смог бы гордиться сыном, который по окончании университета получил сразу два диплома: профессионального юриста и доктора философских наук. Вряд ли бы он одобрил избранный Карлом жизненный путь, но, вероятнее всего, подобно Лиону Филипсу, дяди К. Маркса, человека весьма далекого от «высоких материй», гордился бы его научными достижениями.

Желая максимально приблизить читателя (или зрителя) к семейной жизни Маркса, автор берет на себя, мягко говоря, смелость осветить ее самые интимные стороны, позволяя весьма вольную трактовку сексуальной жизни супругов Маркс (стр. 250–251). Из каких источников автору стало известно о планировании детей в их семье, о нежелании Женни иметь более одного ребенка или о гиперсексуальной активности Карла? Читайте внимательно их переписку, воспоминания друзей и близких, и станет понятно, что для таких искренне и глубоко любящих друг друга людей появление детей и общение с ними было только источником радости и смысла семейной жизни. Другое дело, что бытовые условия, нужда в первые годы эмиграции не давали в полной мере ощутить это счастье, а болезнь и смерть четверых детей стали, безусловно, самой страшной трагедией для них. Они полностью взвалили груз ответственности на себя, но детская смертность в XIX в. была очень рас-

пространена и имела не только социальные причины. В младенческом возрасте умирали даже наследники королевских и императорских престолов. 8-летний сын Маркса — Эдгар — так рано ушел из жизни не столько вследствие нужды, сколько от наследственной болезни, распространенной в семье Карла Маркса, от которой умерло три его брата, в возрасте 4, 10 и 18 лет, и две младшие сестры.

Описывая в весьма мрачных тонах семейную жизнь Маркса — убогий быт, бесконечную нужду, смерть четверых малышей, автор как будто сознательно обходит стороной тему, довольно хорошо представленную в литературе — о трех его дочерях, Женни, Лауре и Элеоноре. Им в буквальном смысле посвящены четыре строки (стр. 256), да и то, только в связи с трагическими обстоятельствами их смерти. Между тем, каждая из них была очень яркой, неординарной личностью, о чем немало написано. Женни проявила себя как талантливая журналистка, и только по ее линии остались потомки Маркса. Лаура, жена видного деятеля французского и международного рабочего движения, блестящая переводчица, вместе с мужем Полем Лафаргом проделала огромную работу для распространения марксизма во Франции и Англии. Элеонора — довольна известная деятельница английского и международного рабочего и профсоюзного движения. О ней написана не одна монография, последняя вышла в 2018 г. Существует обширная переписка дочерей Маркса с родителями, и прежде всего, с отцом, начиная с их детского возраста до последних дней его жизни. Эти письма, как никакой другой материал, дают очень точное представление о том, какая неразрывная связь существовала между ними на протяжении всей жизни — не только родственная, но очень близких по духу людей. Столь доверительные отношения не так часто встречаются между детьми и родителями. Об этом было бы особенно уместно рассказать, поскольку сюжет сценария строится на диалогах 12-летней девочки с отцом. Несмотря на постоянную нужду, о которой так часто говорится в сценарии, Карл и Женни Маркс смогли даже в этих условиях дать дочерям блестящее образование. Именно поэтому каждая из них смогла себя реализовать и стать личностью. По тому, ка-

кими вырастают дети, судят о благополучии семьи или наоборот. Исходя из этого посыла, можно сказать, что, несмотря ни на что, семья Маркса была вполне счастлива и благополучна.

Желая дать более объективный портрет Маркса, автор хотел представить противоположную точку зрения и оценку его личности. С этой целью в сценарий введен еще один персонаж — мать девочки, ярая антикоммунистка, выступившая с полным набором негативных характеристик в его адрес. Прием вполне понятный и оправданный, если бы этот набор не был так предсказуем. Все те пошлые и безграмотные высказывания в адрес Маркса, которые характеризуют, прежде всего, вульгарность мышления и безнравственность их авторов, которыми так охотно заполняются страницы печати, и они озвучиваются с экранов, были представлены этим персонажем. Помимо характеристики семьи Маркса, которую она позаимствовала из донесения прусского полицейского агента, готовившего материал для состоявшегося в Кёльне в 1852 г. процесса против коммунистов, в ход были пущены столь знакомые нам аргументы: Маркс — бездельник и иждивенец, Маркс — такое же чудовище, как Гитлер; Маркс — антисемит; Маркс повинен в репрессиях 1930-х г. в СССР, в создании диктаторских режимов и т. д. Апофеозом этих откровений мамаши, «просвещенной» по всем вопросам марксизма, было заявление о нетрадиционной ориентации Фридриха Энгельса и сомнительном характере его дружбы с Марксом (стр. 255). Особенно странно, что такого рода материал 12-летняя девочка почерпнула дополнительно из порно-сайта (стр. 256).

Безусловно, Маркс, как всякий живой человек, был не без недостатков и по, его собственному признанию, «ничто человеческое было ему не чуждо». У него был непростой характер, он был не всегда справедлив, авторитарен, совершал ошибки. Этот материал вполне доступен и мог бы быть использован для того, чтобы убрать «хрестоматийный глянец» с его портрета, но вытаскивать грязь из «помойки» интернета и повторять откровенные глупости — не самый верный метод работы.

Каков же был итог рассуждений героини этого сценария, получившей столь противоречивую информацию от своих родителей? Он изложен кратко на двух страницах: Маркс был бездельник, поскольку никогда нигде не служил; научной карьеры не сделал; иждивенец (у Энгельса); всю жизнь семья жила впроголодь; умерло четверо детей, три выжившие дочери тоже умерли, но позже, а две из них — в результате суицида; опираясь на марксизм, «кровожадные диктаторы» Ленин, Сталин, Мао Дзэдун и Пол-Пот уничтожили десятки миллионов человек; его научные открытия сегодня позабыты и мало кому нужны. Единственно, что было стоящим в жизни Маркса, — это любовь Женни. К этому заключительному выводу приходит не только героиня данного опуса, но, скорее всего, и потенциальный зритель или читатель, если он будет опираться на представленный материал и комментарии к нему (стр. 257 и 258).

Конечно, можно без труда оспорить любой из этих выводов и показать их абсолютную несостоятельность. Но абсурдность некоторых из них абсолютно очевидна. Откройте 50-томное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке и посмотрите, сколько там напечатано работ Маркса чисто теоретического и научного характера, каков объем публицистики, за которую он, кстати, получал гонорары. Если бы он написал только одну книгу — главный труд своей жизни «Капитал», то обилие собранного и обработанного для нее материала, глубина анализа, ее научное и историческое значение вполне сопоставимы с работой не одного научного коллектива, а, возможно, и института.

Да, Маркс не работал в конторах, хотя и предпринимал неоднократно попытки найти постоянный заработок, однако его трудовой день по продолжительности и интенсивности затраченных сил и энергии значительно превышал по этим показателям труд обычного служащего. Вероятно, школьница никогда в жизни не открыла ни одной энциклопедии или даже Википедии, иначе бы она прочла в любой из них, что «Маркс — известный немецкий философ, экономист, социолог», и этого вполне достаточно, чтобы даже ребенку понять, что научная карьера у него все же состоялась.

«Ответственность» Маркса и марксизма за возникновение в двадцатом веке «кровавых режимов» и их жертвы, столь же очевидна, как «вина» Иисуса Христа и его учения за все крестовые походы, жестокости инквизиции, сожжение еретиков, религиозные войны и множество других преступлений, которые совершались во имя борьбы за чистоту христианской идеи, а число ее жертв за два тысячелетия существования христианства трудно поддается подсчетам.

Что же касается «забвения», то празднование двухсотлетнего юбилея Карла Маркса в 2018 г. — яркое доказательство того, что имя его не забыто. Личность Маркса, его яркая, полная драматизма жизнь, его труды, созданная им теория до сих пор продолжают будоражить умы как его адептов, так и ярых противников. Напомним, что в 1999 г. по результатам голосования в интернете, проведенного британской корпорацией «ВВС», Маркс был назван самым выдающимся человеком второго тысячелетия, а первый том «Капитала» и написанный совместно с Ф. Энгельсом «Манифест Коммунистической партии» внесены по решению ЮНЕСКО в список всемирного наследия печатных изданий. Показателен и еще один факт: в библиотеке Конгресса США наибольшее количество книг связано с именем К. Маркса и его теоретическим наследием.

Данная работа — это еще одна попытка рассказать о Марксе нетривиально, «спустить» его наконец-то «с пьедестала» и представить живым человеком со всеми присущими человеку слабостями и достоинствами. Идея не нова, но каждый автор имеет право на свое прочтение материала, а читателям судить — насколько ему это удалось.

The Heritage of Marx: An overview from the 21st century: a collection of conference materials on the 200th anniversary of Karl Marx / comp. L.L. Vasina, E.N. Strukova, K.B. Kharitonov. M.: SHPL of Russia, 2019. ... p.: Ill.

The collection includes reports of participants in the scientific readings of «The Fate of ″Capital″ in Russia» that took place on September 14, 2017, and events in 2018: a round table «On the Edge of Change: Karl Marx», «″Manifesto of the Communist Party″ and the Revolutions of 1848», and international scientific conference «The Heritage of Marx in the XX century».

The event was co-organized by the State Historical Public Library of Russia, a Moscow branch of the Rosa Luxemburg Foundation, the Russian State Archive of Socio-Political History, and the Russian State Social University.

The publication consists of five parts. The first part includes works devoted to the main work of K. Marx — «Capital». The second part includes articles on the fate of «Capital» in Russia. The third part is devoted to the influence of the works of K. Marx on philosophical and political thought. The fourth part comprises of reviews, overviews, and a bibliography. The fifth part has an appendix on «Karl Marx in Films».

The issue is intended for specialists in the field of humanities, as well as for a wide range of readers.

Наследие Маркса: взгляд из XXI века
Сборник материалов конференций
к 200-летию Карла Маркса
и 150-летию «Капитала»

Издание распространяется
бесплатно

Составители: Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов
Рецензент: А.В. Гусев
Верстка и дизайн обложки: О.В. Беловодова

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13.
Тираж 300 экз. Заказ № 859.

Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.
Типография ГПИБ России.

ISBN 978-5-85209-457-5

9 785852 094575